
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 14 МАРТ 1980

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (2751)

29 МАРТА 1980

Утренний подъем.

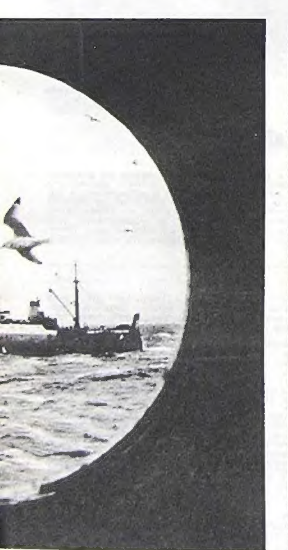

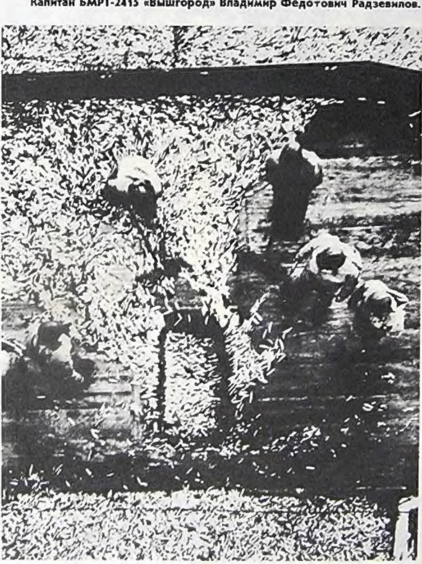
СОЛЕНА

Капитан БМРТ-2415 «Вышгород» Владимир Федотович Радзевилов.

Встреча в море.

Дары Нептуна.

Я ВАХТА

Во второй половине января на широте Мурманска робко выглянул из-за сопок оранжевый диск солнца. И почти одновременно, будто празднуя конец долгой полярной ночи, в Баренцевом море дала о себе знать мойва. Но если солнце пожаловало в город строго по календарю, то приход этой небольшой промысловой рыбки в студеные воды моря Баренца оказался внезапным. И все же промысловики Мурманского ордена Октябрьской Революции тралового флота, этого крупнейшего в стране рыбодобывающего предприятия, отмечающего нынешним летом свое 60-летие, не были застигнуты врасплох. Организованно, не теряя ни часа, они приступили к лову.

Промысел мойвы — это строгий, даже суровый экзамен на выдержку, оперативность, умение ориентироваться в быстро меняющейся промысловой и погодной обстановке. Рыбаки считают его испытанием на профессиональную зрелость. Постоянно мигрирующая по самым замысловатым маршрутам, рыба нередко доводит до полного изнеможения капитанов, штурманов, безуспешно пытающихся отыскать пропавшие косяки. Тут без взаимовыручки не обойтись. На ежедневных радиосоветах специалисты — штурманы, технологи, тралмейстеры, электрорадионавигаторы, представители других служб обмениваются всей имеющейся информацией о местонахождении рыбы.

На траулере много различных профессий и специальностей, но обязанности девяноста членов экипажа такого судна, как БМРТ-2415 «Вышгород», настолько взаимосвязаны, что малейшая заминка в одном звене конвейера мгновенно сказывается на итогах работы всего коллектива. В одном трале можно взять хороший улов рыбы, а другой вдруг оказывается пустым... Да и многотонный улов — это еще не полный успех. Рыба должна соответствовать определенным требованиям.

Нынешняя мойвенная путина для моряков Мурманского тралового флота во многом особенная. Экипажи проводят ее под знаком соревнования за достойную встречу 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Еще в январе моряки большого морозильного траулера «Мир» дали слово выполнить задание по вылову на 165 процентов, а по выпуску пищевой рыбопродукции — на 160 процентов. Почин экипажа получил поддержку во всех командах.

Сейчас промысел идет круглосуточно, организована подмена основных экипажей непосредственно на промысле. В напряженный ритм соленой страды то и дело вносит свои поправки погода, нередко штормовая. Но жизнь на судах идет своим чередом. Работают общественные организации, читаются лекции, идет политическая, техническая, экономическая учеба. Немногие свободные часы моряки отдают спорту, концертам художественной самодеятельности.

Соленые вахты продолжаются.

А. ГРУДИН,
первый помощник капитана
БМРТ-0257 «Салтыков-Щедрин»
Фото В. КОНОНОВА,
старшего техника
конструкторского бюро
Мурманского тралового флота

Москва. Большой Кремлевский дворец. Первая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва. В зале заседания.

Фото А. Гостева

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

25 марта в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась первая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва.

Продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей А. А. Громыко, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих.

В повестке дня сессии: избрание Мандатной комиссии Верховного Совета РСФСР; избрание Президиума Верховного Совета РСФСР; о ходе выполнения Закона РСФСР о здравоохранении и мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья населения; о проекте регламента Верховного Совета РСФСР и о внесении изменений и дополнений в положение о постоянных комиссиях Верховного Совета РСФСР; об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР; об образовании постоянных комиссий Верховного Совета РСФСР; об образовании правительства РСФСР — Совета Министров РСФСР; об образовании Комитета народного контроля РСФСР; об избрании Верховного суда РСФСР.

ФОРУМ ВЕНГЕРСКИХ КОММУНИСТОВ

24 марта в Будапеште открылся XII съезд Венгерской социалистической рабочей партии — вдохновителя и организатора побед трудящихся республики, строящих развитой социализм.

XII съезд ВСРП проходит в знаменательный период — 4 апреля Венгрия будет отмечать 35-летие освобождения от фашизма.

В работе XII съезда принимают участие делегации коммунистических и рабочих партий из братских социалистических стран, а также многих европейских капиталистических государств.

На повестке дня съезда: отчетный доклад ЦК ВСРП о выполнении решений XI съезда и задачи партии; отчет Центральной контрольной комиссии ВСРП; выборы членов ЦК и Центральной контрольной комиссии ВСРП.

С отчетным докладом Центрального Комитета ВСРП выступил Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар.

Тепло и сердечно встретили участники съезда выступление главы делегации Коммунистической партии Советского Союза, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко.

В зале вспыхнули горячие продолжительные овации, когда глава делегации КПСС передал участникам высшего форума ВСРП сердечный привет и наилучшие пожелания от большого друга венгерского народа, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, который с неизменным братским вниманием воспринимает дела и заботы венгерских коммунистов.

В заключение своей речи А. П. Кириленко вручил президиуму приветствие Центрального Комитета КПСС XII съезду Венгерской социалистической рабочей партии.

Н а с н и м к е: в президиуме съезда. На трибуне — глава делегации Коммунистической партии Советского Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Телефото В. Егорова (ТАСС).

Во время подписания документов. Фото А. Гостева

ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКО-НИКАРАГУАНСКИХ ДОКУМЕНТОВ

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства с 17 по 22 марта 1980 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась делегация правительства национального возрождения и Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) Республики Никарагуа во главе с членом Руководящего совета правительства национального возрождения Моисесом Хассаном Моралесом.

19 марта после завершения переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимании, были подписаны советско-никарагуанские документы.

План связей между КПСС и Сандинистским фронтом национального освобождения Никарагуа подписали: за КПСС — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и за СФНО — член национального руководства СФНО Генри Руис.

Были подписаны также:

Торговое соглашение, протокол об учреждении торгового представительства СССР в Республике Никарагуа и торгового представительства Республики Никарагуа в СССР, протокол между правительством СССР и правительством национального возрождения Республики Никарагуа о поставках товаров, соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, соглашение о культурном и научном сотрудничестве, консульская конвенция, соглашение о воздушном сообщении.

При подписании документов присутствовали:

с советской стороны — А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, председатели Государственных комитетов СССР, другие официальные лица;

с никарагуанской стороны — члены национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения Томас Борхе, Умберто Ортега, другие члены правительственно-партийной делегации Республики Никарагуа.

22 марта в Москве состоялось подписание соглашения о сотрудничестве в области планирования между Госпланом СССР и министерством планирования Республики Никарагуа.

Соглашение подписали с советской стороны заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, с никарагуанской — член национального руководства СФНО, министр планирования Г. Рунс.

Наш взгляд

ВЕРНОСТЬ СОЛИДАРНОСТИ

Руслан ТУЧНИН

С сердечной теплотой и радушием встретили советские люди посланцев мужественного никарагуанского народа — правительственно-партийную делегацию Никарагуа, прибывшую в нашу страну по приглашению ЦК КПСС и Советского правительства. Этот официальный дружественный визит, открывающий новую страницу в отношениях между нашими государствами, стал реальностью благодаря великому перелому, наступившему в развитии Республики Никарагуа: революция смела ненавистную тиранию семейства Сомосы и открыла перед народом путь к построению нового общества, где не должно быть места зависимости от империализма, экономической отсталости и капиталистической эксплуатации, несущих бедность и невзгоды трудящимся массам.

Колоссальные трудности на всех направлениях социально-экономической жизни оставила в наследство яростно сопротивлявшаяся антинародная диктатура. В отчаянной агонии черное воинство Сомосы варварски разрушало все, что было можно,— жилища и посевы, школы и больницы, заводы и фабрики. Почти девять из каждых десяти промышленных предприятий были превращены в руины. В стране с населением немногим более двух миллионов человек образовалась четвертьмиллионная армия безработных. Разгар революционных баталий совпал с периодом сева, и страна лишилась урожая зерновых. Тысячи семей остались без крова. Над народом нависла угроза голода.

Сандинистскому фронту национального освобождения (СФНО), одержавшему славную победу на поле боя, пришлось с ходу вступить в битву за восстановление и реконструкцию национальной экономики, за неотложное проведение социально-политических преобразований в интересах всего народа. Неимоверно трудным был этот старт революционного возрождения: приходилось практически начинать все с нуля. В довершение своих злодеяний тиран Сомоса до дна опустошил государственную казну, оставив огромный внешний долг.

Пошел девятый месяц со дня провозглашения свободной и независимой Республики Никарагуа. А правительство национального возрождения уже может с законной гордостью занести в свой актив важные государственные мероприятия. Проведена национализация банков, внешней торговли и горнорудной промышленности. На базе конфискованной собственности Сомосы и его приспешников создается влиятельный государственный сектор в экономике. Вступила в действие аграрная реформа: на полутора миллионах гектаров земли, отобранной у семейства диктатора, создаются кооперативные хозяйства, которые получают помощь от государства.

Правительство Никарагуа одобрило свой первый чрезвычайный план восстановления национальной экономики на нынешний год. И в основе этой программы развития лежит забота о трудящемся народе — обеспечить население продовольствием, посильно сократить безработицу, сбить инфляцию, улучшить жилищные условия и медицинское обслуживание. Настоящая война объявлена неграмотности. Десятки тысяч добровольцев, в основном из числа молодежи, двинулись в рабочие кварталы и стали учить читать и писать ранее обездоленных тружеников города и деревни.

Истинные патриоты Никарагуа понимают, что внутренняя и внешняя реакция не откажется от попытки уничтожить достигнутые завоевания. И они верны девизу, гласящему, что революция должна уметь себя защитить. Именно поэтому создана и укрепляется сандинистская армия, принят декрет об образовании народной милиции, которая будет стоять на страже интересов всего народа.

Эти правительственные меры по укреплению безопасности страны оправданны и своевременны. Затаившиеся на время приверженцы прежнего режима и все враги никарагуанской революции поднимают голову. Продажные круги буржуазии и смыкающиеся с ними экстремистские левацкие группировки маоистского и троцкистского толка выступают с клеветой на политику правительства национального возрождения и прибегают к подрывным акциям, чтобы нанести ущерб освободительному процессу. С помощью активно вмешивающегося в дела латиноамериканских народов ЦРУ им хотелось бы повторить в Никарагуа «чилийский вариант» — помешать экономическому возрождению, вызвать хаос и беспорядки, чтобы попытаться свернуть страну с революционного пути.

Задача объединения всех демократических антиимпериалистических сил приобретает в этих условиях первостепенное значение. На повестку дня политической жизни Никарагуа поставлен ныне вопрос о создании Патриотического фронта, который олицетворял бы собой единую волю всех, кто предан делу революции. В Латинской Америке и во всем мире ширится движение солидарности с борьбой никарагуанского народа.

Вместе с тем укрепляется и международный авторитет молодой республики. Историческим назвал визит правительственно-партийной делегации Никарагуа в СССР официальный орган СФНО «Баррикада». По словам газеты, он еще раз продемонстрировал чувство боевой интернациональной солидарности советского народа с никарагуанской революцией.

В ходе плодотворных советско-никарагуанских переговоров была достигнута договоренность о развитии двусторонних отношений на основе строгого соблюдения принципов равноправия, суверенитета, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга. Подписанные документы свидетельствуют о практических шагах, направленных на налаживание торгового обмена и экономических связей, на развитие культурного и научного сотрудничества между обеими странами. План связей между КПСС и СФНО отразил стремление обеих сторон развивать дружественные отношения на благо советского и никарагуанского народов, в интересах мира и социального прогресса.

ЗАДУМАЙТЕСЬ, ГОСПОДА!

Н. В. ТОМСКИЙ,
президент Академии художеств СССР,
Герой Социалистического Труда,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской и Государственных премий,
депутат Верховного Совета РСФСР

И снова март... Тонко звенит хрустальная капель. По ноздреватому голубому снегу мальчишки гоняют мяч. В лазурной выси строгое, не по-весеннему жесткое светило... Год активного солнца. Високосный год. Может быть, поэтому так зловеще шуршат полосы иной зарубежной прессы, может быть, именно потому так надрывно звучат голоса «свободных» радиостанций, призывающих всех и вся к ревизии, к «мучительному пересмотру», «озабоченности»...

А весна идет. И гудит, гудит теплый воздух от нагретых плит древних мостовых. Моя внучка Анечка играет с куклой. Пряно пахнет солнцеликая мимоза, пронзительно озаряет нас синеглазая свежесть подснежников. Когда наступит вечерняя заря, у домашнего очага сядут за ужин миллионы людей после обычного трудового дня.

Но что это? Я явственно слышу нудный визг, доносящийся из-за океана. Да. Какие-то странные чудаки усердно пилят едва зазеленевшую ветвь, на которой они довольно уютно расселись. Пилят истово, аж летят опилки, и недолог тот миг, когда дерево не выдержит злой работы и... сук подломится.

В самом деле, что это? Или человечество, Европа забыли ужасы второй мировой и поэтому так легко вновь публикуют в газетах и журналах бредовые речи фюрера, где с легкостью необычайной доказывается необходимость снести с лица земли Москву и Ленинград, стереть с карт вообще Советский Союз... Видно, мало крови было пролито в ту неатомную битву, когда десятки миллионов людей навеки закрыли глаза, миллионы семей потеряли кормильцев, сыновей, отцов...

Нет, джентльмены! Вам, хладнокровно раскладывающим пасьянс третьей мировой, да будет известно — мир стал иным. И призрачного счастья быть совой или ястребом, пугающим зарю своим чудовищным клекотом, еще недостаточно, чтобы остановить ход истории. Заставить людей поверить, что ложь, демагогия и власть чистогана «железного Миргорода» земля обетованная, рай земной. И что только глубокие ямы бетонных тоннелей, начиненные атомными ракетами с десятками боеголовок, способны спасти планету.

Геростраты двадцатого века, очнитесь! Ведь не храм Артемиды в Эфесе тщитесь вы поджечь и тем обрести позорную славу.

Когда грохнут большие колокола термояда, то страшная радиация не оставит судей, чтобы проклясть безумцев, прагматично пытавшихся высчитать вероятность гибели миллионов живых. Демоны третьей, ядерной не пощадят никого, и мы не узнаем, по ком звонил колокол, давший сигнал к первому нажатию суперкнопки.

...Недавно Соединенные Штаты содрогнулись от катастрофы на мирной атомной станции, но ведь это была лишь невинная вспышка спички по сравнению с пожарищем ядерных костров, в которых сгорит цивилизация и сам человек.

Цивилизация. Сколько говорят нам седые камни Древнего Рима, старого Парижа и родной Москвы...

Вспоминаю ночь у Колизея. Ледяной ветер. Огромные блоки изъеденного временем мрамора. Черное небо и оскал руин античного цирка.

Сикстинская капелла — подвиг Микеланджело и его «Страшный суд» — гениальное провидение мастера. Как можно представить себе Европу без Нотр Дам или Василия Блаженного, Дюрера или Рублева?.. Но лощеные владельцы уникальных американских частных коллекций, может быть, думают, что их Рубенсы или Эль Греко переживут катастрофу?.. Более кощунственное мышление трудно себе представить.

Наш народ любит и уважает талантливый и трудолюбивый народ Америки, его своеобразную культуру. Мы высоко ценим добродушный юмор Марка Твена и О'Генри, мужественных героев Джека Лондона. Многие увлекаются интересными, яркими и острыми произведениями Теодора Драйзера, Эрнеста Хемингуэя. Мы чтим высокохудожественную поэзию Лонгфелло, Уолта Уитмена, Роберта Фроста.

Не может не импонировать нам деловитость и технический дар американцев. Мы помним мужественные слова правды американца Джона Рида, автора «Десяти дней, которые потрясли мир» — очевидца событий Великого Октября.

...Я лично близко знал и дружил с выдающимся борцом за мир, прекрасным художником и писателем Америки — Рокуэллом Кентом, который был в свое время избран почетным членом нашей советской Академии художеств. Все его творчество было проникнуто высоким духом гуманизма. Кент был предельно честен и чист духом, его идеалы интернационалиста были близки, родственны всем нам. Глубоко реалистические произведения живописца дышали любовью к природе, земле и Человеку...

Многие мои коллеги посещали Америку, знакомились с сокровищами ее прекрасных музеев, находили творческие и дружеские контакты с представителями американского искусства и культуры. Казалось, что наступает наконец пора дружеского взаимопонимания, полезного общения и обмена художественным и научным опытом. Все это обнадеживало народы, рисовало светлую перспективу прогресса, общего движения и роста цивилизации наших стран. Сокровища лучших собраний Советского Союза — Эрмитажа, Третьяковской галереи, Русского музея — экспонировались с успехом в Штатах. В свою очередь, мы охотно пропагандировали шедевры музея Метрополитен и других американских коллекций. Длинные очереди на эти выставки являли интерес к обмену культурными ценностями наших народов. Не меньше были успехи в делах современной науки и техники, их взаимного обогащения опытом, знаниями. Кого из людей не радовал совместный космический полет «Союз» — «Аполлон»! Но это, к сожалению, не всех приводило в восторг. Творческие дружеские связи кого-то ввергали в ярость. И силы зла пришли в движение...

Несколько лет тому назад каждый непредубежденный человек замечал, что добрые дела и истинно полезные действия подменяются демагогической трескотней и ходульными мифическими вымыслами некоторых американских политиков. Создавалась атмосфера подозрительности, страха. Нагнетался военный психоз, начали побеждать пресловутые «ястребы»... За последнее время многие перестали понимать и верить в добрые намерения Штатов — так порою сумбурны и нелогичны, а иногда бестактны были некоторые акции представителей этой большой, сильной и уважаемой страны.

Мы любим свою великую Родину и советский образ жизни, но не собираемся экспортировать наш государственный строй в Соединенные Штаты Америки. Наш девиз — ленинская политика мира и мирного сосуществования народов. Мы достойно, спокойно и последовательно придерживаемся этой линии.

Логика, гуманность, спокойствие и вера в идеалы мира — вот как история планеты отметила шаги нашего государства с первых дней его основания, когда начальным декретом нашего народа был ленинский Декрет о мире.

Джентльмены! Ваши пламенные споры о перевыборах президентов, о нехватке нефти или об инфляции — это личное дело любого гражданина Штатов, но судьба нашей маленькой Земли не должна быть в дланях у слабонервных или неустойчивых людей, порою забывающих святые договоры и тепло рукопожатий.

Мир неделим! Сегодня как никогда ясно: пожар новой большой войны не позволит кому-то третьему «таскать каштаны из огня». Кстати, подобные расчеты некоторых господ были опрокинуты в сороковых годах нашего века.

Во имя здравого смысла, во имя жизни детей наших и самой Земли очнитесь, господа, и перестаньте играть с огнем. Ни формулы «быстрого реагирования» или «глобальной ответственности», ни другое амбициозное трюкачество, вполне годное для телевизионных шумных шоу, не годятся для широкой аудитории добрых людей нашей планеты.

Никто не собирается доказывать, что березы Рязанщины лучше и красивее, чем секвойи Аризоны или пальмы Флориды. Пусть живут в мире все люди Земли — белые, желтые, черные. Главное, не навязывать им свой единственно годный, как вам кажется, образ жизни.

Что же касается до любителей «исторической миссии», которым сегодня неуютно в мире, где не ревут атомные вихри, то им стоит сказать со всей серьезностью и суровостью, свойственной спокойным, сильным людям: человечество начинает понимать демагогию, фальшь и лицемерие вашего мнимого добродейства. Слишком неожиданные пируэты, несвойственные солидным политикам, выделываете вы во имя ложной славы поборников и облегчителей судеб жизни рода людского.

Кстати, о некоторых терминах... Все чаще и чаще слышим мы в западной печати слова «о разыгрывании неких карт», о «дуге нестабильности» и прочих воинственных формулах. Нам, гражданам страны, пережившей не одну страшную войну, в год 1980-й, когда наш народ вспоминает славную Куликовскую битву и Русь, не один раз спасавшую Европу от грозных нашествий, удивительно глядеть, с какой легкостью жонглируют ныне заокеанские политиканы судьбами старых континен-

тов. Неужели просторы океанов, бездонная их глубина создают чувство безответственности у этих «геополитиков», столь потребительски рассчитывающих варианты на шахматной доске истории?.. Смотрите, не просчитайтесь в ходах, уважаемые господа! Ведь меры «наказания» и «устрашения», которые вы проповедуете,— палка о двух концах, тем более в век, когда пространство и время за счет технической революции сжато до минимума... Надо быть мудрее и осмотрительнее в «балансировании на грани». Ибо эта дуэльная ситуация может окончиться не только неприятностями для одного из участников спора, а грозит гибелью всей нашей цивилизации. Об этом исходе стоило как-нибудь всерьез призадуматься тем велеречивым голосам, которые ради красного словца не пожалеют и родного отца...

История второй мировой войны... Ее, конечно, можно как угодно трактовать зеленым юнцам, рассказывая басни о том, как «злой, нехороший» Советский Союз хотел напасть на Запад, а «добрый» Гитлер спасал Европу. Мы-то, люди постарше, отлично помним Мюнхен и что такое коричневая чума — фашизм. Трудно забыть о стараниях некоторых «мудрейших» политиков столкнуть нацистский райх с Советским Союзом. Не стерлись из памяти и майские дни 1945 года, тридцатипятилетие которых мы будем отмечать в этом году. Советские солдаты, офицеры и генералы помнят тепло дружеских встреч на Эльбе.

Это была пора тяжких испытаний воли и духа народов мира, не давших себя одурманить демагогическими фашистскими фразами. Но время идет, и вот уже снова мы слышим стертые слова о «красной опасности», нависшей над Европой, и снова изрядно битые вояки вынимают из сундуков «крестоносные» мундиры. Пахнет войною... И снова будто слышишь речи «пророка» из Фултона.

Неужели путь цивилизации лежит через «геенну огненную»?

Ведь нам дана всего лишь одна жизнь... И каждый человек мечтает о том, чтобы в этот отпущенный нам природой срок успеть не только радоваться красоте зримого мира, нашей чудесной природы, любить свою семью, детей, но и оставить след на земле своим трудом, искусством. В этом глубокий смысл. Человек не один, он член великого сообщества людей, и поэтому ему так дорог мир. Наш каждый день должен быть наполнен не только творческим трудом, не только ликованием бытия, но мы не должны забывать об опасности, которую нам несут злые гении напряженности. У них лишь одна забота — прибыль, бизнес, доходы от продажи оружия. Как это ни жутко, но кровь и золото в мире империализма часто сопутствуют друг другу. Воротилы царства золотого тельца не брезгают никакими методами в достижении своих мрачных целей. Особую силу в наши дни приобретают «торговцы смертью» — концерны, производящие оружие, магнаты, имеющие свое «лобби» и ворочающие «большой политикой» в Штатах. Это они разожгли военный психоз во имя своих суперприбылей.

Однако далеко не все крупные бизнесмены в Штатах так агрессивно настроены.

Несколько лет тому назад мне довелось работать с натуры над скульптурным портретом известного представителя американских деловых кругов — Арманда Хаммера. Это была пора начала наших новых полезных экономических отношений.

В беседах с Армандом мы вспоминали далекие двадцатые годы и мудрую политику Владимира Ильича Ленина, предпринятые им первые шаги по налаживанию контактов с промышленниками Запада, в числе которых был тогда еще совсем молодой Хаммер. Он с чувством гордости и большого тепла отзывался о гуманности, сердечности и глубоком дружелюбии Ильича, отдававшего в то трудное время все силы на восстановление разрушенной страны, на установление мирных и добрососедских отношений между молодым Советским государством и окружающим его миром.

Много воды утекло с тех пор!

СССР — ныне великая социалистическая держава. Наш огромный политический авторитет и могучий технический потенциал вывели нас на одно из ведущих мест в мире. Это беспокоит определенные круги США. Результаты усилий этих «ястребов» мы знаем.

Не так давно Арманд Хаммер вновь посетил Советский Союз и имел беседу с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Леонидом Ильичом Брежневым. После этой встречи в своих выступлениях в прессе и по телевидению Хаммер подчеркнул, что Советский Союз ни на йоту не изменил свою традиционную ленинскую внешнюю политику — политику мира, разрядки и мирного сосуществования.

Хаммер заявил, что он целиком за восстановление климата разрядки, против нагнетания атмосферы военной истерии. Его мнение поддерживают многие деловые люди Америки...

Какой непочатый край дел перед человечеством. Сколько еще неустроенности, а иногда неприкрытой нищеты и голода в иных странах. Все это требует времени и мира, ибо вооружение отнимает огромные средства, не принося людям ничего, кроме чувства страха и безнадежности.

Сегодня люди уже не могут забыть однажды принятое и всех вдохновившее слово «р а з р я д к а», которое ознаменовало конец опасной конфронтации и положило начало эпохе полезных контактов в области экономики, науки, культуры.

Но это кого-то не устраивало...

Наверное, слишком быстро народы поняли преимущества мирного неба, ближе познакомились друг с другом, и слова «дружба», «мир» стали синонимами этого нового времени.

Поэтому вновь загрохотала мощная машина массовой дезинформации, погребая правду под грудой лжи, называя белое черным, пугая людей жупелом «советской угрозы».

Подталкиваемые заокеанскими «филантропами», европейские члены НАТО позволили частично превратить старую Европу в военный американский полигон, до отказа забитый ядерным оружием.

Где обычно присущая государственным деятелям осторожность, мудрость и приверженность принципу «семь раз отмерь — один раз отрежь»?..

Слишком силен был атлантический нажим, слишком болели выкрученные руки. Теперь Америка создала в Европе зону «первого удара».

Но, господа, вдумайтесь во всю чудовищную бесчеловечность этих якобы гуманных расчетов. Стратеги и тактики Пентагона, наверно, забыли, что межконтинентальные ракеты пока практически неуловимы и планы, основанные на «превентивных и опережающих атомных ударах», равно губительны для всей Земли. А судьба мира не позволяют разыгрывать дальше этот зловещий фарс, под какими бы высокими лозунгами ни преподносили его людям. Альтернативы ядерной войне нет! Смерть... Общая смерть, где не будет победителей и побежденных.

Мне довелось пережить страшные дни ленинградской блокады, помню жуткую тишину голодного, замерзшего города, выстоявшего вопреки всем вражеским расчетам. И я знаю цену миру. Нас хотят сегодня сразить ограничениями закупок, задушить экономической блокадой... Простите, джентльмены, но ныне год 1980-й, и наша Родина способна обеспечить себя всем необходимым.

Солидные американские международные обозреватели говорят о «моральном очковтирательстве», которым увлекается вашингтонская администрация, используя этот запрещенный метод вместо поиска и с т и н ы. Размахивая национальным флагом и раздувая истерию, они возрождают атмосферу «холодной войны» и антисоветизма, смыкаясь с китайскими гегемонистами.

«Напряженность достигла такого уровня,— говорит приехавший в Советский Союз известный итальянский художник Ренато Гуттузо,— что восстанавливаются в памяти печальные времена «холодной войны»... Безответственная политика... Белого дома... не может не вызывать возмущения, она наносит тяжелый урон делу международной разрядки... Самая большая мечта человечества — навсегда покончить с войной».

Трудно не согласиться с моим коллегой по искусству. Его слова идут прямо от сердца...

Когда набиралась эта статья, все мы прочли в газетах замечательные слова Л. И. Брежнева, обращенные к американским ученым — авторам заявления «Опасность: ядерная война».

В этом заявлении, в частности, говорится: «Как врачи, ученые и заинтересованные граждане, встревоженные сложившейся на международной арене политической обстановкой, в которой ядерную войну все чаще представляют как «мыслимую» возможность, мы, основываясь на медицинских и научных анализах, вынуждены вновь предупредить, что в результате ядерной войны, пусть даже «ограниченной», погибнет, получит ранения или заболеет такое беспрецедентное число людей, какого никогда не наблюдалось в истории человечества».

Леонид Ильич Брежнев написал:

«...Полностью разделяю вашу обеспокоенность как ученых за судьбу человечества в связи с угрозой ядерной войны. С того времени, как впервые атомная энергия была использована в военных целях, Советский Союз последовательно выступает за запрещение этого и всех других видов оружия массового разрушения и уничтожения.

Американские ученые могут внести весомый вклад в разъяснение губительных последствий для человечества ядерного конфликта между США и СССР, который неминуемо принял бы глобальный характер. Такое разъяснение будет способствовать укреплению воли и повышению активности тех, кто выступает за прекращение гонки вооружений, за поддержание между всеми странами, в том числе, разумеется, и между США и СССР, нормальных отношений.

Можете быть уверены, что ваша гуманная и благородная деятельность, направленная на недопущение ядерной войны, встретит понимание и поддержку в Советском Союзе».

Ясность, уверенность в своей правоте стоят за этими спокойными словами. Они еще раз подчеркивают непоколебимую позицию СССР в деле ядерного разоружения, в прекращении гонки вооружений, в нормализации отношений между СССР и США. Но, к сожалению, силы милитаризма и агрессии в США вносят в политику мира атмосферу психоза, амбициозных претензий, яростного антисоветизма.

...И снова март. Зорко глядит на землю весеннее солнце. Играют мальчишки в футбол. Блестят зеркала проталин, отражая неспешно плывущие белые облака... Зыбкий, но прекрасный мир природы, мир людей. Пушистая парабола в голубом небе, нарисованная самолетом, напоминает о двадцатом веке, восьмидесятых годах.

Некоторые «советологи» представляют себе, что гордый народ такой огромной страны, как наша, настолько беспечен, что не умеет отличить правду от лжи. Однако эти их расчеты бесплодны. Советский народ отлично знает цену гонки вооружений. Каждый из нас превосходно себе представляет, почему иногда трудновато бывает в хозяйстве нашей державы. Но зато мы крепко верим в одно — нас не сломать! И это, наверное, портит вам нервы, господа!

Прочтите слова Л. И. Брежнева: «...Единство советских людей проявляется с особой силой именно тогда, когда с нами пытаются разговаривать на языке угроз».
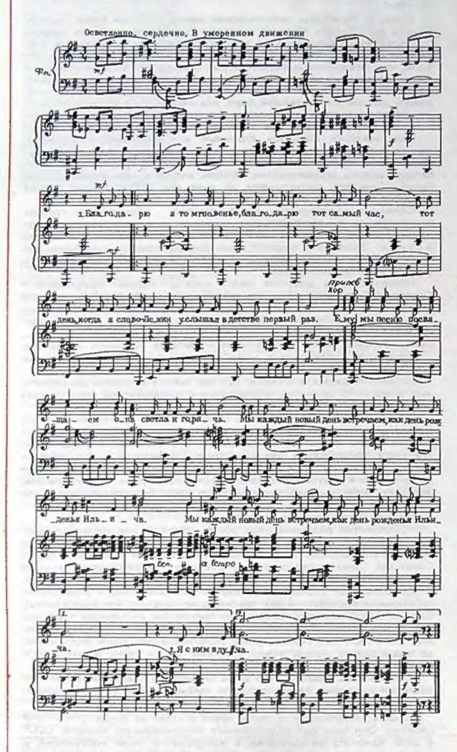
Не будем называть имена некоторых потерявших чувство реальности американских политиков, но мы верим, что ясная голова и сдержанность — признак силы и достоинства. Нервозность и демагогия — удел неуверенности — эйфория властолюбия и самовлюбленности. История знает немало примеров, к чему приводят подобные нежданно-негаданные приступы истерии.

Неужели разумные господа за океаном не могут очнуться от неврастенического угара? Протереть глаза, прочесть свои собственные слова, сказанные года два назад, и, как говорится в народе, «взяться за ум»?

Ведь поступить разумно, подумать о судьбах миллионов людей с подобающей ответственностью никогда не поздно.

Вернее, уже пора. Слишком далеко зашли барды войны, апологеты «устрашения» и «наказания».

Задумайтесь, господа!

РОДНОЙ ИЛЬИЧ

Стихи Н. ДОРИЗО

Музыка С. ТУЛИКОВА

Благодарю я то мгновенье,
Благодарю тот самый час,
Тот день, когда я слово — Ленин
Услышал в детстве первый раз.

Припев:

Ему мы песню посвящаем,
Она светла и горяча.
Мы каждый новый день встречаем } 2 раза
Как день рожденья Ильича.

Я с ним в душе на свет родился,
Мою судьбу он предрешил.
Он жил, боролся и трудился,
Чтоб я в наш век счастливым жил.

Припев.

Все дорогое в нашей жизни
Его мы именем зовем.
Когда поем мы об Отчизне,
Мы свято думаем о нем.

Припев.

СХОД КОЛХОЗНЫХ ВОЖАКОВ 1

Москва, Дом союзов. 19—20 марта здесь состоялось Всесоюзное собрание представителей советов колхозов союзных республик.

В работе собрания принял участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Он огласил приветствие товарища Л. И. Брежнева, адресованное участникам собрания.

...Обрывки доверительных фраз, знакомые лица, знакомые голоса — о делах многих из приехавших в Москву рассказывал «Огонек». Перечислять адреса, высокие звания, награды — места не хватит: вот знаменитая П. А. Малинина из-под Костромы, вот мудрый Хван из-под Ташкента, вот «король колхозной экономики» крымчанин И. А. Егудин, председатель колхоза из Киргизии О. Атабекова, Н. Н. Головацкий из Казахстана, член ЦК КПСС кубанский бригадир М. И. Клепиков, первый секретарь Талсинского райкома партии Латвии К. Рутенбергс... Их много, я бы сказал, членов правления всесоюзного нашего колхоза, единой кооперации на советской земле с ее бескрайними полями, бесчисленными стадами, прекрасными огородами, садами, бахчами и прочими угодьями.

Перемены на селе зримые и многообещающие. За четыре года нынешней пятилетки капитальные вложения в сельское хозяйство составили 136 миллиардов рублей.

В истории Отечества нашего колхозная страница — одна из самых впечатляющих и поучительных. Возьмем среднерусский колхоз «Красный маяк» нечерноземной Горьковской области. Вот уже тридцатый год здесь председательствует бывший солдат Великой Отечественной войны, дипломированный агроном Иван Порфирьевич Железов.

— Знаете, чем я все тридцать лет руководствуюсь? — спрашивает Иван Порфирьевич и сам отвечает: — Чтобы правнуки, чтобы потомки сказали: «Были на этой земле настоящие хозяева!» А скажут они такие слова в том случае, если земля и через полвека после нас будет родить втрое больше нынешнего!..

С трибуны собрания высказывалось много деловых предложений. С большим одобрением зал слушал таких опытных, думающих колхозников, как председатели К. А. Ахмедяров, В. А. Стародубцев, М. Г. Коптелов. Они напоминали о возможностях хозрасчета, о необходимости внедрить новую оценку деятельности хозяйств, исходящую из производства на сто гектаров угодий, а также на работника, занятого в отрасли.

...Разъезжались из Москвы с видимым удовлетворением. Собрание было деловым, конструктивным — торопила в дорогу весна.

Н. БЫКОВ

На снимке: Герои Социалистического Труда И. П. Железов, М. Н. Клепиков, В. М. Чердинцев, В. М. Калачик, В. И. Черфас, О. Атабекова.

Фото А. Гостева

ХАРЬКОВ

ЛЕТАЮЩИЙ ИНСТИТУТ 2

Этому легкому двухместному гидросамолету «ХАИ-30» предшествовали двадцать девять моделей. Коллектив преподавателей и студентов института сделал машину не просто оригинальную, не имеющую аналогов, но к тому же простую, легкую в управлении и на крыло легкую...

Кроме самолетов, надо бы назвать те машины и механизмы, которые «начинались» в лабораториях и мастерских Харьковского авиационного института, а затем пришли в народное хозяйство. Но очень уж длинное получится перечисление. В институте созданы десятки устройств и приспособлений, которым предстоит заменить традиционные, но более сложные, более капризные машины. У всех харьковских разработок есть общая черта, общий характер,— они, как правило, остроумны конструктивно и просты в инженерном решении. Это и «импульсная пробивочная скоба» (отложите в сторону дрель, возьмите такое приспособление, за мгновение оно позволит пробить идеальное отверстие и в неподатливом металле); это и загрузчик вертолетов, и электродвигатель со встречным вращением роторов; это и импульсная резка горячего металла, дополнившая установки непрерывной разливки стали...

Судя по выставке, о которой эта заметка, работают в Харьковском авиационном окрыленно. Подтверждением тому и последняя машина. Экспериментальный одноместный самолет с гибким крылом — «ХАИ-21». Полетный вес — 250 килограммов. А максимальная скорость — 100 километров в час. Небесный тихоход, на котором можно пролететь с одной заправкой 150 километров...

К. КОСТИН

Фото автора

НОВОСТИ

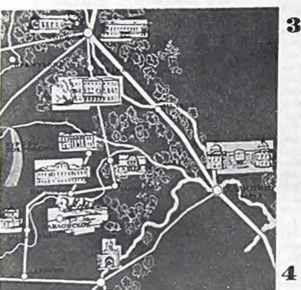

1

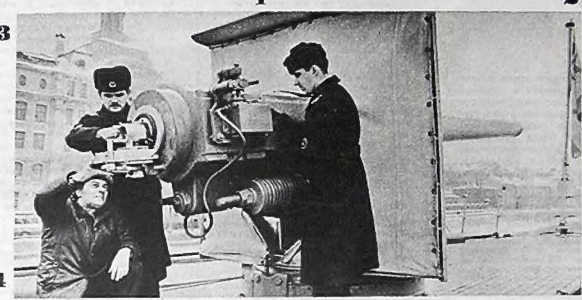

2

3

4

ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ 3

— Сейчас на Пушкинском кольце Верхневолжья два музея Пушкина — в селе Берново и Торжке, — сказал на заседании секции охраны памятников истории и культуры московского Дома ученых АН СССР Генеральный директор объединенного историко-литературного и архитектурного музея Калининской области И. М. Бружестовицкий. — В ближайшем будущем мы приступаем к планомерной реставрации парков, связанных с пребыванием в них великого русского поэта... Недавно в «Огоньке» был поднят вопрос о судьбе замечательной усадьбы, сохранившейся вблизи Торжка, усадьбы, построенной великим русским зодчим Н. А. Львовым, — Знаменское-Раек. Это один из лучших памятников русской архитектуры на калининской земле. Сейчас ведется, хоть, быть может, и не очень интенсивно его реставрация. Мы надеемся, что со временем и эта усадьба подобно уникальной деревянной церкви Вознесения, несколько веков тому назад воздвигнутой в Торжке над рекой Тверцой, вновь станет украшением нашего края.

...В белом зале московского Дома ученых собрались в этот вечер ученые, писатели, художники, реставраторы, музейные работники, чтобы еще больше узнать о Пушкинском кольце Верхневолжья. Из Калининской области приехала представительная делегация сотрудников объединенного историко-литературного и архитектурного музея, ежедневно работающих над выявлением новых пушкинских материалов, реликвий, связанных с жизнью поэта, его друзей и современников на тверской земле.

— Каждый год приносит нам новые находки, — рассказала заведующая литературным отделом музея Л. А. Казарская, — не так давно мы приобрели целую коллекцию материалов, связанных с именем М. Бакунина и его семьи, живших в имении Прямухино. Нам приятно видеть в этом зале профессора Д. Н. Вульфа и инженера Л. Н. Вельяшева, чьи фамилии не чужды каждому, кому близка и интересна пушкинская эпоха.

Сейчас Пушкинское кольцо Верхневолжья — один из интереснейших литературно-мемориальных комплексов в нашей стране. И в том, что он существует, действует, развивается, большая заслуга Калининского обкома КПСС и облисполкома, уделяющих очень большое и заинтересованное внимание прошлому своего края.

О том, как создавалось Пушкинское кольцо, рассказали на встрече писатели Л. Керцелли и А. Пьянов, авторы книг, посвященных Пушкину на Тверской земле. Вскоре лето, и тысячи людей вновь поедут по пушкинскому маршруту и, как и собравшиеся в этот вечер в Доме ученых, будут благодарны всем, кто увлеченно трудится на Пушкинском кольце.

В. ПЕТРОВ

На снимке: схема Пушкинского кольца Верхневолжья.

ЛЕНИНГРАД 4

ОРУДИЙ ГРОЗНАЯ КРАСА

Весной 1900 года со стапелей «Новое Адмиралтейство» в Санкт-Петербурге был спущен на воду корабль, имя которого навсегда вошло в историю. Ему выпала трудная судьба: Цусимское сражение, дальние походы сквозь шторма Атлантического и Индийского океанов, боевые дозоры в беспокойных водах военной Балтики... Ему выпала легендарная судьба: поздним вечером 25 октября (7 ноября) 1917 года выстрел революционной «Авроры» возвестил о решительном штурме последнего оплота Временного правительства.

Героический крейсер Красного Флота навсегда остался в боевом строю. И, несмотря на возраст, в годы Великой Отечественной войны внес свой вклад в общее дело Победы. Снятые с «Авроры» артиллерийские установки вели сокрушительный огонь по фашистским войскам, рвавшимся к непокоренному Ленинграду, а небольшой экипаж, оставшийся на корабле, с помощью зенитной артиллерии отражал яростные налеты вражеской авиации.

После войны, залечив многочисленные раны, крейсер встал на вечный прикол у набережной Большой Невки, напротив здания Нахимовского училища. Нынче он встречает свою восьмидесятую весну. Для реставрационных работ сюда пришли специалисты Канонерского судоремонтного завода, рабочие из Кронштадта. Приведены в порядок судовой котел, вспомогательное оборудование, отремонтированы надстройки, переходные мостики, установлены система внутренней радиовещательной связи, новый парадный трап.

Затем специалисты проведут работы в Ленинской комнате, помещении музея, займутся восстановлением наружной обшивки надводного борта. И еще: если сейчас для обозрения представлено одно баковое орудие, то после завершения модернизации предстанут и остальные орудия верхней палубы — те, что участвовали еще в знаменитом Цусимском бою.

Большая часть реставрационных работ будет выполнена к 22 апреля — дню рождения В. И. Ленина.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

На снимке: орудия головного калибра ремонтируют рабочие Кронштадтского Морского завода. Слесарю Н. В. Шикову помогают отличники боевой и политической подготовки старшина 2-й статьи А. А. Пигулевский и матрос Е. М. Кудрявцев.

Фото Ю. Щенникова

ОН СЛУШАЛ ЛЕНИНА

Б. ЛАБУТИН,
специальный корреспондент «Огонька»

•

— Перед нами стоял пожилой на вид человек в стареньком темном костюме, невысокого роста, с рыжеватой бородкой. Огромный лоб увеличивали залысины. Глаза его смотрели на нас доброжелательно и в то же время изучающе. Голос мягкий, приятный. В первую минуту я даже не понял, что это и был Ленин.

Несмотря на преклонные годы, польский ветеран Антоний Петровский предложил проводить меня по ленинским местам Кракова. Мы идем бульваром Планты, мимо красного кирпичного кружева Ягеллонского университета. Сюда в июне 1912-го пришли с вокзала Ленин и Крупская, здесь их ждали, чтобы помочь устроиться в незнакомом городе. Эти стены да старые клены и платаны помнят тот день. А рядом со мной человек, память которого хранит живой образ Владимира Ильича, живое ленинское слово. Он встречался с Лениным в Петрограде в апреле тысяча девятьсот семнадцатого.

— Сколько мне было тогда? Двадцать два. За плечами год в царской армии, ранение на Кавказском фронте. В марте семнадцатого я вернулся в Петроград сдавать дипломные экзамены в Институте гражданских инженеров, поступил туда еще до войны. Помню, институт находился на улице Вторая рота. Шестнадцатого—а по-новому двадцать девятого — апреля получил диплом и отправился с товарищами прогуляться по городу. Стояла чудесная пора, а на душе было нерадостно. Вместе с дипломом в кармане лежало новое назначение на фронт. Перед особняком Кшесинской мы увидели рабочих, солдат, матросов. С балкона кто-то говорил. Я прислушался. Война, которая ведется сейчас, несет лишь новые страдания народам. Она является продолжением политики имущих классов и служит охране их прибылей; пролетариат, взяв власть в свои руки, должен предложить мир всему миру, говорил выступавший. «Кто это?» — спросил я стоявшего рядом солдата. «Ленин,— ответил тот, едва взглянув на меня,— не мешай!» Сейчас уже не могу передать всего, что говорил Ленин, но не забуду фразу, обращенную, казалось, прямо ко мне: разве есть смысл прямо со студенческой скамьи посылать молодых людей на фронт, чтобы они убивали и погибали сами?

Вдруг к нам подошел матрос, перепоясанный пулеметными лентами: «Владимир Ильич просит студентов к себе!» Мы стояли с краю, все в одинаковых студенческих тужурках, видимо, Ленин заметил нас. Со мной было человек десять, но с матросом пошли только четверо — те, кто, как и я, побывал на фронте и кого речь Ленина не могла не задеть за живое.

...Приехав в Краков, Ленин, Крупская и ее мать Елизавета Васильевна сняли квартиру из двух небольших комнат на улице Звежинец, 218. В этом году здесь открывается филиал Краковского музея В. И. Ленина. С любовью и тщательностью воссоздана обстановка, в которой жил и работал Владимир Ильич: узкие железные кровати, два простых стола, этажерка, несколько стульев и табуретон...

— Мы прошли длинным коридором,— продолжает Антоний Петровский,— поднялись на второй этаж в просторную комнату, в которой уже были несколько человек, кажется, военных. Ленин вошел с балкона, налил воды из графина на столе и обратился к нам. Он подробно расспросил, кто мы, что происходит на фронте, о чем говорят солдаты, как относятся к офицерам, интересовался солдатским бытом. Первое, что поразило меня тогда,— это личная скромность Владимира Ильича. Понятно, мы шли к нему не без страха. Газеты писали о «злейшем враге России» — какая же это должна быть значительная фигура! Но ни разу за время разговора Ленин не показал чем-либо своего превосходства, наоборот, его простота, доброжелательность создавали атмосферу равенства. Причем это была не та простота, с которой, бывало, любил поговорить с «братцами солдатами» наш лагерный командир граф Келлер. Узнав, что я поляк, он тепло отозвался о моих соотечественниках и сказал, что в ссылке хорошо знал двоих — Проминского и Ковалевского, со многими познакомился в Кракове и Поронине. И тут я решился задать вопрос, меня особенно волновавший: будет ли независимой Польша? Владимир Ильич прошелся по комнате, заложив руки в карманы, внимательно посмотрел на меня и ответил, что Польшу аннексировали цари и капиталисты. Рабочие и крестьяне не заинтересованы в грабеже других народов. Советская власть предоставит каждому народу свободно решать, желает ли он жить отдельно или совместно с другим. Ответ Ленина мне очень понравился! Спросив, когда мы отправимся на фронт, он сердечно попрощался с нами, а меня попросил прийти сюда завтра.

Когда мы вышли, перед зданием еще был народ. Люди разбились на группки и горячо обсуждали только что услышанную речь. Я и сам находился под ее впечатлением и все пытался объяснить себе, почему. Выступал Ленин без каких-либо ораторских приемов, слова его были обыкновенны, даже сухи, без украшений и пышных сравнений. Емкие, точные фразы поражали ясностью и логикой. Ощущение было такое, что он говорил не перед многолюдной толпой, а именно с тобой, о твоем наболевшем. Помню, я еще удивился: незнакомый мне человек, которого я видел первый раз, так верно угадал мои мысли!.. На следующий день, когда я пришел в особняк Кшесинской, меня провели в ту же комнату. Владимир Ильич что-то писал за столом. Он поздоровался со мной за руку, как со старым знакомым, и протянул пачку брошюр, штук пятьдесят. Одним из средств прекратить бессмысленную бойню народов Ленин считал агитацию среди солдат на фронте. Я оставил свой адрес — станция Оргеев, 21-й туркестанский полк, отряд саперов. Через месяц я был уже там. Брошюры распространял через солдат, которых отлично знал. Ленинское слово действовало неотразимо. Обсуждение брошюр выливалось в стихийные митинги. Многие дезертировали. Два-три раза ко мне приезжал курьер, передававший новые партии брошюр и листовок. Пароль у нас был — «Подарок от Матильды».

...В 1918-м вышел ленинский декрет, отменявший все царские договоры с Польшей. Сбылось! Вскоре Антоний Петровский вернулся на родину. Он поселился в Кракове и работал по специальности, полученной в России,— архитектором. Десятки зданий в городе построены по его проектам. Одно особенно памятно для ветерана.

В январе 1945-го город был освобожден от гитлеровцев. Не удался варварский план — разрушить до основания древнюю польскую столицу. Спасены были и здания, построенные им, пусть не столь ценные по сравнению с историческими, но все же его, архитектора, профессиональная гордость, дело его жизни. С благодарностью в сердце и готовностью оказать любую помощь шел он к советскому коменданту, куда его вызвали через несколько дней.

— Мне рассказывали о вас как о замечательном мастере. Я знаю, тут пустует бывшая женская гимназия. А нам негде размещать раненых. Не могли бы вы перестроить здание под госпиталь? И сколько для этого нужно времени? — сказал комендант.

Вскоре госпиталь уже принимал раненых советских и польских бойцов. А в память об этой встрече у архитектора остался значок с изображением Ильича, подаренный комендантом.

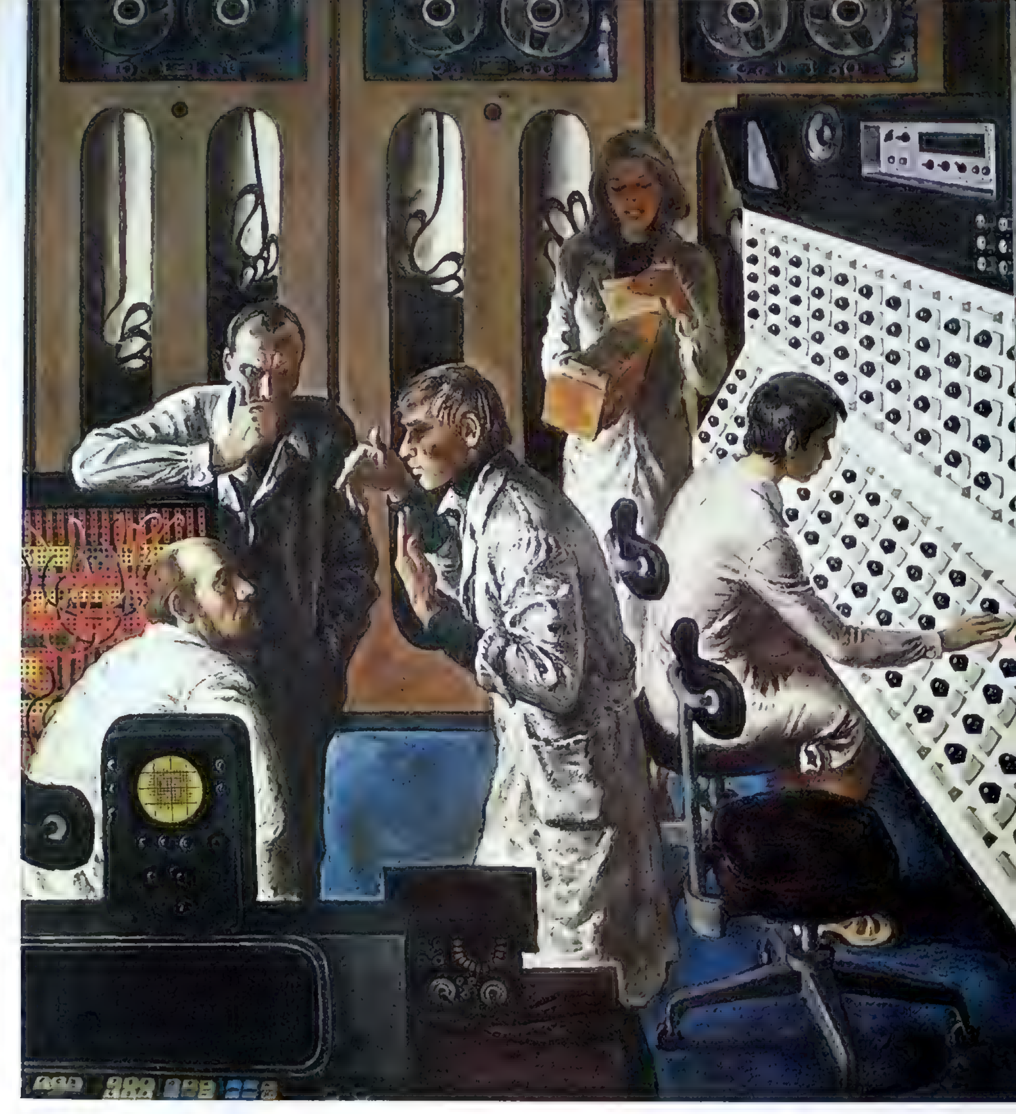
...Наша прогулка по Кракову заканчивается в Музее В. И. Ленина. В нем самая полная экспозиция, рассказывающая о польском периоде Владимира Ильича. Насколько позволяют сохранившиеся сведения, воссоздан каждый из этих дней. Поколение за поколением постигают здесь черты великого образа.

— Пан Петровский, мы вас уже ждем! — встречает нас директор музея Ежи Сегда и провожает в просторный белоколонный зал. Краковские молодые рабочие, которым сегодня в стенах музея вручены членские билеты Союза социалистической польской молодежи, пришли послушать ветерана, встречавшегося с Лениным.

Краков — Москва.

Антоний Петровский.
Фото Э. Суловской

В. Рыжих. Род. 1933. ПОИСК. 1976.

[illegible]

О. Качкичишвили. Род. 1944. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ. КАРТЛИ. 1978.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

ЕСТЬ МИР ЖЕЛАНИЙ

Ирина **ПАНОВА**

Я не люблю, когда молчат часы.
Но стрелки, увлеченные движеньем,
споткнулись у какой-то полосы,
застыли окончательным решеньем.
Я так часам привыкла доверять,
что каждый день себя по ним сверяю.
Чтоб к сроку все, что нужно, успевать,
за стрелками по времени шагаю.
Отстанут — и с оглядкою назад
начну искать потерянное ныне.
Коль не точны, так лучше пусть спешат,
и я, как заведенная,— за ними.

●

Бывает, согласитесь, что бывает —
есть мир желаний, он устроен так:
все ладно, но чего-то не хватает.
Пусть это будет истинный пустяк,
но он своей воспользуется властью
и спрячется в тумане иль в пыли.
А рядом — незамеченное счастье
то самое, что ищется вдали.

●

Пустые дни, как бывшие колодцы —
вода из них ушла давным-давно.
И ненароком можно напороться
на серое засохшее бревно.

Такие дни — ох, с ними б не встречаться! —
на пустоту согласья не дадут,
и суетою будет наполняться
крутящаяся мельница минут.

Когда пугает пустота в колодце,
я вспоминаю, что случалось мне
смотреть на торжествующее солнце,
купавшееся в лужице на дне.

●

Нет, не плохо, а даже полезно
вспоминать, ну, хотя б иногда,
не о том, что гремело победно
и давалось почти без труда,
о другом, что совсем не давалось,
излучало волнующий свет,
а потом, ощутив свою малость,
возвращаться к улыбкам побед.
Но зачем? Чтоб решенья задачи
были с первой попытки верны?
Нет, чтоб впредь не ценились удачи
выше их настоящей цены.

●

Столько звуков понятных и странных,
отраженных от каждой стены,
что от них постепенно устану
и захочется мне тишины.
В ней все рядом: и дали и выси,
где играет заря над рекой.
Но порою от собственных мыслей
в тишине растеряться легко.
Словно лампу сменили на свечи —
спотыкаюсь, иду не спеша
по нехоженым противоречьям
под сумятицу звона в ушах.
Нужно время, чтоб с ней подружиться,
или — спутника, с кем помолчать.
Лишь тогда в дневниковых страницах
можно лишнего не замечать.

●

Мы (это чаще жарким летом),
от городских забот устав,
стремимся к тишине рассветов
среди лесов, лугов и трав.
Конечно, дело непростое —
забыть о грохоте дорог.
На луговых цветах настоян,
веселый ветер валит с ног.
Опять спешу. Не лечит отпуск
привычку к спеху — века хворь.
Хочу успеть, пока есть пропуск
на вернисаж рассветных зорь,
на соловьиные концерты,
большую ярмарку грибов,
от неудач спросить рецепты
у леса, озера, лугов.
Да, не забыть послать приветы
знакомым звездам и Луне.
Покой? Бродил он рядом где-то,
но не заглядывал ко мне.
Уже дожди стучат по крыше,
забыл о песнях птичий хор.
И я обрадуюсь, услышав
московских улиц разговор.

●

Мы с природою не на равных.
Годы мчатся, спеша вперед.
Я хочу, чтобы мой праправнук
видел быстрых стрижей полет,
чтобы летом веселый тополь
вспоминал белизну снегов,
чтобы правнук по лужам топал,
проверяя размах шагов,
чтобы ветры им так же пели,
чтобы падал рассвет в траву,
чтоб свистели для них метели...
А иначе — зачем живу?

ПЕСНЯ

Не понимаю, что творится.
Легко смеяться и грустить,
как будто пойманную птицу
могу на волю отпустить.

Ведь у нее судьба иная.
И, надо мною сделав круг,
она взлетит, не вспоминая
тепло моих несмелых рук.

Но на какое-то мгновенье
я с нею рядом полечу,
за надоевшее терпенье
в подарок небо получу.

Есть у нее такая сила,
как два распахнутых крыла.
Не я летать ее учила,
я только волю ей дала.

ГОРИТ ОГОНЬ В ОКНЕ

Аян **НЫСАНАЛИН**

НОЧЬ В СТЕПИ

Как после трудового дня
дехкании,
Степь спит спокойно,
в ночь погружена,
Ни звука. Даже ветер отдыхает.
Вдали белеют горы. Тишина.

Мне грустно — оттого ль,
что, горожанин,
В края степные я вернулся вновь?
Вдруг —
Тишину пронзающее ржанье!
И закипела, забурлила кровь!

И будто вновь родные песни
слышу.
Душа моя взволнована опять.
О степь! Ты нас прости, тебя
забывших
В чужом краю. Прости за все,
как мать.

Ты нас пойми и не суди сурово
Сынов своих, воспитанных тобой,
Сменивших край раздолья
лугового
На сутолоку жизни городской.

Нас, как зерно, взрастившая
когда-то,
Оставивших твой благодатный
край,
Прости за все.
Да будет он богатым!
Да будет щедрым
новый урожай!

РАССВЕТ

Как радостно от сна освободиться
И ощутить на миг,
что все смогу!

Когда заря,
Как рыжая лисица
На белом, ослепительном снегу.

Еще мгновенье,
и она проснется,
И полетит по снежной целине.
Уже спешит заре вдогонку
солнце —
Огонь-джигит на розовом коне.

Волшебный миг! Минутное
прозренье.
Опережая солнце и рассвет,
За огненной лисицей мчится
время,
Как гончая, напавшая на след.

●

И есть такое древо на земле,
Великое,
Оно — род человека.
Я только ветка на его стволе,
В грядущее протянутая ветка.

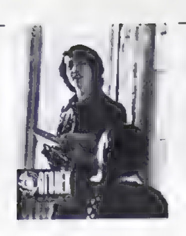
Рубили древо, а следы на мне.
Железом жгли или пытали
словом —
Я выстоял
И не сгорел в огне,
Сквозь семь смертей прошел,
а юный — снова!

И вот стою я на семи ветрах,
Раскинув крылья-ветви в небе
синем.
И надо мной не властен
смертный страх,
Пока земля меня питает силой.

Я буду жить, покуда на земле
Есть древо жизни — древо
человека.
Пусть я лишь ветка на его стволе,
В грядущее протянутая ветка.

Перевел с казахского
Александр **ЖУКОВ**.

Марк БАРИНОВ

КОСТРОВЦЫ ИД

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЗНАКОМСТВУ

Я еще не раз буду спорить с Натальей Федоровной Мартьяновой, доказывать ей, что она счастливый человек, что ей очень повезло: нашла свое дело, «самое, самое», которое необходимо ей как воздух и которому, что, наверное, еще важнее, она сама необходима вся без остатка.

А может быть, и не надо спорить, не надо доказывать? Пусть остается такой, какая есть, со своими убеждениями и предубеждениями. Может, именно в этом и состоит ее сила, обаяние — залог успехов и побед?

Но какая амплитуда чувств, свойств характера! От полного неверия в свои силы до всепобеждающей, торжествующей уверенности, почти фанатической, в достижении цели да еще помноженной на какую-то прямо «космическую» энергию!

Не в ней ли, в такой вот амплитуде, и заключается секрет Мартьяновой? Ведь она — открытый человек, и люди (прежде всего дети!) видят ее, как говорится, насквозь. Хорошо, конечно, когда тебя ведет по жизни несгибаемый руководитель. Но если старший порой и сам нуждается в твоей поддержке, помощи, совете, сколько сразу сил, гордости, уверенности поднимается в душах младших, помощников!

Общаясь с Натальей Федоровной, я не раз думал, что глубочайшее расстройство, сменяющее высочайшую радость творчества, наверное, естественное эмоциональное состояние для педагога. Настоящего педагога. И вспоминал подобные состояния, с предельной искренностью описанные Антоном Семеновичем Макаренко.

«ПРОСТО» ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

1 сентября 1979 года в костровскую школу приехал Василий Иванович Конотоп, первый секретарь Московского областного комитета партии. Его участие в торжестве «Первого звонка» предполагалось ограничить тридцатью—сорока минутами.

Василий Иванович провел в школе, осматривая классы, рекреации, стенды, ведя беседы с учителями и школьниками, около четырех часов. А потом попросил прислать ему подробную справку обо всех сторонах жизни школьного коллектива, сделать фотографии, показывающие работу и учебу костровцев. Уезжая, пригласил ребят к себе в обком.

Ребята привезли в подарок обкому большой альбом с фотографиями и опять долго беседовали с первым секретарем обкома: вместо «запланированных» десяти — пятнадцати минут больше двух часов! А в конце беседы В. И. Конотоп сказал, что непременно еще приедет в Кострово вместе с товарищами из других городов и сел области, чтоб познакомить с опытом работы этой школы.

...Есть в Истринском районе Московской области такое село — Кострово, центр небольшого животноводческого совхоза. Специализация — откорм мясного скота. Хозяйство не образцовое, но и не из последних, скажем, выше среднего.

И есть в Кострове средняя школа. Тоже небольшая — триста учащихся. Десять лет тому назад она была создана на базе нескольких деревенских школ. И за первые пять лет своего существования прочно «завоевала» в районе последнее место по всем статьям: по успеваемости, дисциплине, общественной работе и т. д.

Как раз в это самое время Наталье Федоровне и предложили «высокий пост» директора печально известной школы.

Нет, она не была опытным директором. И по возрасту и по стажу весьма далека от «маститого специалиста». Несколько лет учительства, комсомольская работа на селе — вот и весь ее профессиональный опыт.

А кроме того, была у нее на тот момент разбитая семейная жизнь. Муж сформулировал свою главную претензию кратко и весомо: ты никогда не бываешь дома! И ведь не оспоришь: она действительно трудилась взахлеб, почти сутками пропадая в Истринском педагогическом училище либо на комсомольской работе в районе. Потому что в любом деле искала — и находила — свои, необычайные, но очень эффективные методы работы. Тогда она еще не задумывалась над теоретическим обоснованием своих новаций, а просто делала так, как подсказывал здравый смысл... Но не считаясь со временем и силами. Перефразируя Горького, можно сказать, что в мире всегда есть и место и дело для таких людей. А может быть, именно на таких-то мир и держится!

Но и муж был прав. Вот только... в одном можно бы его упрекнуть: лучше надо было смотреть, кого брал в жены. С такой, как она, весь уклад семейной жизни должен быть весьма неординарным. Требовать жизни, «как у всех», «как у людей», от такого человека и бессмысленно, и безнадежно, и в конце концов жестоко.

...Она приехала с сыном Алешей в Кострово надолго и всерьез. Получила от совхоза квартиру и без оглядки взялась за школу. И сразу пошли трудности. Какие? Почему? Тогда она не пыталась понять, а просто, как обычно, руководствовалась здравым смыслом. Кстати, думается, понятие «здравый смысл» требует уточнения. Когда здравый смысл работает в плане эгоистическом, то получается образцовый обыватель, Премудрый Пескарь. А когда здравый смысл обращается на любимое дело, то... возникают бесконечные трудности, борьба, без которой нет у творческого человека ни радостей, ни побед. Словом, трудное, очень трудное счастье. Но ведь другое, легкое, и не нужно настоящему человеку.

Она ставила перед собой, перед педагогами, перед учениками и родителями простые, даже какие-то неприличные своей примитивностью вопросы:

— Почему неинтересно ребятам на уроках? Почему формально, вяло идет комсомольская и пионерская работа? Почему равнодушна к школьным делам родительская общественность? Почему такой солидный процент районных правонарушений «обеспечивают» костровские ребята? Почему нет спортивной работы в школе, расположенной рядом с лесом, на природе, где естественный стадион, можно сказать, вокруг на десятки верст?

Вопросы раздражали, тревожили, беспокоили.

Ребята, те быстро раскрыли перед нею сердца. Потому что сразу увидели: человек живет их нуждами, бедами, надеждами. Однако от симпатии до сопереживания, сотрудничества дистанция огромного размера.

Она очень старалась. Пыталась сделать школу культурным центром села, устраивала открытые вечера отдыха с беседами, концертами, танцами. Тесно сотрудничала с детской комнатой милиции в Истре. Придумывала все новые и новые интересные дела. Но ничто не помогало, и костровская школа по-прежнему прочно занимала «коронное» место в районе. Прибавилось только то, что теперь в школе был очень беспокойный директор.

С педагогическим коллективом тоже приходилось нелегко. Успеваемость хромала на обе ноги, а директор требовала вести преподавание по-новому. Она предписывала метод открытой дискуссии на уроках, дискуссии, которая бы захватывала весь коллектив, втягивала в мыслительный процесс всех без исключения — от преподавателей до последнего двоечника. «Но это же трудно, даже невозможно!» — возражали ей. «Конечно, трудно,— соглашалась Наталья Федоровна,— но вполне возможно и очень результативно!» Она утверждала это, опираясь на собственный опыт в педучилище. Там ее уроки литературы ставились в пример, о них писали в газетах, по ним учились педагоги из других школ, из других городов. Но ведь именно потому она и работала чуть ли не сутками вместо положенных часов: такие занятия надо готовить капитальнее, чем обычные уроки обычных педагогов. «Ведь мы рядовые, мы не герои!» — говорили ей. Но этих возражений она не принимала, требуя от всех учителей если не героизма, то, во всяком случае, самоотверженности и утверждая, что самоотверженность — необходимое качество педагога.

Ушла из школы заведующая учебной частью. Уволилась старшая пионервожатая. Споры с педагогами продолжались, а дело, в общем, не двигалось.

Мартьянова, продолжая неуклонно вести свою линию в повседневных делах, напряженно искала тот ключ, которым можно разомкнуть весь узел проблем. Нужна была одна основополагающая идея, но такая, чтобы определила направление на новую для всей школы жизнь. Сделала бы интересными занятия, укрепила дисциплину, увлекла педагогический коллектив, сплотила учеников, заинтересовала родителей, связала бы дела школьные с жизнью совхоза.

ВЗРОСЛОЕ ДЕЛО

Идея эта оказалась удивительно простой. Впрочем, такой она кажется теперь — пять лет спустя. А в то время, несмотря на ее простоту, логическую ясность, поняли идею немногие, и Мартьяновой потребовались годы борьбы, предельное напряжение всех сил и... море тайных слез, пока наконец дело получило признание.

Как-то неудобно даже писать о том, что такое простое дело — трудовое воспитание — и стало основой успехов костровской школы и причиной стольких трудностей для Мартьяновой. Вроде бы давно всем известное: трудовое воспитание, школьные производственные бригады на селе — полеводческие, бригады механизаторов и т. д. Сколько о них уже говорили и писали. Все так, только у костровцев был один маленький нюанс.

Сначала и Наталья Федоровна не придавала значения этому самому нюансу. Ход ее размышлений был прост: в животноводческом совхозе дети должны приоб-

щаться к труду родителей. Следовательно, надо создать школьную производственную бригаду по откорму телят. Но как только началось обдумывание, обсуждение с ребятами, с педагогами, с руководителями совхоза практических шагов для осуществления этой идеи, нюанс «показал когти».

Смысл в том, что все нынешние школьные производственные бригады в основном полеводческие, то есть работа в них сезонная, а проще сказать, эпизодическая: летом — работа, а потом обычное учение в школе. В животноводстве дело совсем иное. Тут требуется упорный, каждодневный труд круглый год — без выходных, без праздников. Работа самая что ни на есть «взрослая», и ответственность не школярская, а вполне реальная. Словом — все гораздо труднее. Неизмеримо труднее!

Мартьяновой это досконально объяснили, тем более что она городской человек. И дирекция совхоза, и родители-животноводы, и районные руководители. Разъясняли, что откорм новорожденных телят — дело тонкое, нелегкое, что дать ребятам, людям без навыков, без элементарного чувства трудовой ответственности, сотню телят — дело очень рискованное. Загробить теленка — это вам не двойку по сочинению получить! Даже под руководством опытных специалистов все равно риск! И где, кстати, их взять — специалистов-учителей? Телятницам эта нагрузка ни к чему, у них своих забот хватает. У зоотехников такое же положение — не до ребятишек.

В общем-то и для школы идея животноводческой бригады тоже сти большую работу в совхозе, сочетая ее с успешным учением, и при этом вовсе не перегружаться, речь пойдет позже, когда я подробно распишу весь учебно-производственный расклад жизни школы в новых условиях. Но тогда, вначале, новый образ жизни только возникал.

ретарь Истринского горкома КПСС В. С. Захаров. Будучи по образованию специалистом сельского хозяйства, он с интересом и сочувствием следил за начинанием в костровской школе. Он предупредил Мартьянову о том, какую труднейшую задачу берется она решать, но в то же время подтвердил: идея превосходная!

В совхозе Мартьянова консультировалась со специалистами, а в школе снова и снова шли собрания, долгие дебаты с учителями.

Ребята приняли предложение создать бригаду с восторгом: еще бы, настоящее, взрослое дело! Что же касается трудностей — монотонности, беспрерывности постоянного внимания к мелочам,— обо всем этом, столь ненавистном для подростков, они просто не думали. Потому что не пробовали.

Зато родители колебались. По разным причинам. Были и такие, кто не хотел «грязной работы» для своего великовозрастного дитяти, и такие, кто просто не понимал, для чего ребятам дополнительная нагрузка, и такие, кто сомневался, смогут ли их шалопаи хорошо работать на ферме.

Руководство совхоза в общем-то было не против — рабочих рук требовалось, как и всюду на селе, множество, но... И шли опять же те самые сомнения, которые Мартьянова слышала уже не раз.

Однако, употребив всю энергию, силу воли, обаяние, настойчивость и бесстрашие, она добилась своего! Производственная бригада, сформированная из старшеклассников, была создана, с совхозом заключили договор, школьникам выделили шестьдесят новорожденных телят, и началось...

Телята требуют к себе внимания ежедневно, два раза в сутки. А если кто-то из звена заболел? Может, и не заболел, а просто прогулял? Или проспал? Или еще проще: надоело?.. Этих «если» сразу же, мгновенно навалилось на Мартьянову столько, что все не перечислишь! Она терзалась, сама без конца бегала в телятник, но не отступалась.

Однако нормальный ритм работы звеньев — еще полдела. Грозно и неумолимо встал вопрос поважнее: кто же все-таки будет руководить звеном? В совхозе руководителей так и не нашлось. Мартьянова призвала было учителей. Откликнулись, возглавили звенья, пошли работать и... быстро выдохлись. Потому что у педагогов вообще не бывает свободного времени. Телятник съедал без остатка и те часы, что нужны для проверки тетрадей, для подготовки уроков, и те, что просто для отдыха...

А как быть с праздничными вахтами? Все мы помним, сколь дороги для школьников каникулы, праздники, воскресенья. Но телятам необходимо внимание, несмотря ни на что. Они ведь не понимают, что такое воскресенье.

Словом, не один комсомолец втайне пожалел о единогласно принятом решении. Пыл явно шел на убыль, а с ним и качество ра-

САМИ!

Наталья Федоровна заявила комсомольцам, что только самоуправление может спасти положение. Посыпались вопросы: как, почему, что это значит — самоуправление, а где будут взрослые?

Наталья Федоровна сказала твердо: самоуправление — это значит... самоуправление! Бригадой командует Совет бригады. Звеном — звеньевой. И никаких взрослых!

Если вы, дорогой читатель, не сможете сейчас, сию же минуту вспомнить себя, пятнадцатилетнего, то, увы, не сможете понять и ощутить того, что надвинулось на костровских ребят в этот момент! Огромное, страшное и невыразимо увлекательное!

Мартьянова сделала очень рискованный педагогический ход. Потому что рисковала не малым, не «понарошку». Она рисковала всем: авторитетом коллектива, собственной карьерой и в конце концов делом. Так может рисковать или авантюрист, или... очень талантливый человек. Я больше не буду произносить это слово (девальвация слов страшнее девальвации денег), но убежден, что оно, безусловно, справедливо по отношению к Мартьяновой. Талант порой проявляется через интуицию, носитель его нередко сразу и не может объяснить причину своих поступков. Почему Наталья Федоровна так рискнула: в самый трудный момент существования бригады устранила взрослых, ввела самоуправление? Потому что присутствие взрослых сохраняло в сознании школьников прежние, прочно установившиеся детские представления: за все отвечают взрослые, а вот их милая без-

...УТ В БУДУЩЕЕ

далеко не безупречна. Специалист по животноводству штатами, разумеется, не предусмотрен. И как будет влиять на подростков труд в телятнике, среди рабочих, у которых язык и манеры далеки от педагогических критериев, тоже бабка надвое сказала. Каким образом поддерживать дисциплину в школьной бригаде, когда и в классах дисциплина далеко не блестящая,— вопрос более чем открытый... И так далее и тому подобное...

Но, странное дело: чем больше таких разъяснений слушала Наталья Федоровна, тем более укреплялась в мысли: да, она права, да, бригада должна быть!

Работа вместе со взрослыми! Производственная ответственность наравне со всем коллективом совхоза! Участие бригады в общегосударственном деле, на одной из важнейших позиций народного хозяйства! Вот она, эта главная идея, за осуществление которой ей, директору школы, стоит бороться, пока хватит сил.

В то трудное время раздумий ее очень поддержал первый сек-

И НАЧАЛОСЬ!

Первый визит к телятам — в пять тридцать. Надо вычистить «квартиру», накормить подопечных. Потом вернуться домой, сменить рабочую одежду, которая благоухает отнюдь не парижскими духами (сразу возникла острая проблема в семьях: а кто будет стирать?!), помыться (и не кое-как, а желательно под душем!) и вовремя, без опоздания явиться на занятия! Такой же трудовой цикл вечером. И так целую неделю. Затем на вахту заступают другие звенья.

Не забудьте, что это делают юные люди, у которых школьная нагрузка, такая же, как у их сверстников, а она, эта нагрузка, по подсчетам социологов, нисколько не меньше, чем нагрузки взрослого трудового человека. И не мешает учесть, что это сельские ученики, многие из них живут не в Кострове, а в других деревнях, и для них дорога до школы в непогоду тоже проблема.

О том, как они рассчитывали время, как нашли возможность вне-

боты. И тут забил тревогу совхоз: пора кончать эксперимент, дело пахнет крупными неприятностями!

Представьте себе положение Мартьяновой: и люди и обстоятельства против. И те, кто злорадно смеется, и те, кто хотел бы помочь, да видит бессмысленность затеянного, и те, кто вместе с нею сокрушается, переживает... Наверное, только сын Алеша, школьник, бывший сам в гуще событий, понимал, чего стоили ей эти первые месяцы.

Положение было хуже некуда. Бригада хромала на обе ноги, учились все хуже, роно теряло терпение, совхоз сердился всерьез. Нервы директора были на пределе.

И тогда она, человек комсомольского сердца, корчагинской души, сделала такое, чего никогда не позволили бы себе «умудренные» и «убеленные».

Без всяких умалчиваний она разъяснила ребятам положение и сделала поразившее всех предложение.

заботность (читай: безответственность!) присуща им по праву. Когда-то, потом, не скоро повзрослеют они, и вот тогда уж!..

Обо всем этом Мартьянова не думала, когда принимала решение о самоуправлении. Просто она чувствовала: что-то было недоделано с самого начала, и стремилась исправить фальшивую ноту.

Началась новая эра. Телятницы, зоотехники, директор совхоза руководить и учить не собирались, но ни одного промаха не пропускали, и их «замечания» никак не походили на обычные школьные замечания и выговоры.

Для Мартьяновой настал новый период переживаний, волнений. Она в полной мере успела прочувствовать всю ответственность, принятую по ее предложению Советом. Как же он выйдет из положения?!..

А Совет начал именно с того, с чего надо начинать: с укрепления дисциплины. И не потому, что такое решение явилось плодом мудрых размышлений,— откуда у них мудрость, ее долгими годами наживают,— просто жизнь потре-

бовала: никому не хотелось работать за «сачков». Решали проблему по-ребячьи: жестко, бескомпромиссно. Первый закон, изданный Советом, гласил: если ты заболел, или устал, или по другой уважительной причине не можешь выйти на работу — изволь представить замену! Договорись с другом, попроси, объясни — это твое дело! И забегали, засуетились ребята, ведь отвечать надо не перед учителем, а перед своими!

Ох, как песочили одного любителя поспать, не явившегося на работу! Парень на общем собрании попробовал покрасоваться, с нагловатым видом заявив, что ему для «здоровья» это вредно — просыпаться на рассвете. Накинулись со всех сторон. Язвили так, что дым шел. Внесли «предложение»: за счет бригады нанимать такси, чтобы по утрам доставлять на работу любителя поспать. В ответ на его попытки сгладить накал страстей сурово предложили покинуть бригаду. Парень струсил, понял, осознал. Просил простить. Обещал вести себя образцово. Простили условно.

Потом возникла острота с денежными расчетами бригады. Справедливая и точная оплата труда школьников была принципиально важна как для ребят, так и для совхоза. На это важное заседание Совет пригласил своего почетного члена — Владимира Сергеевича Захарова. Первый секретарь Истринского ГК КПСС, скинув с плеч несколько десятков лет, принял горячее участие в заседании и вместе со всеми членами Совета голосовал за то, чтобы навести наконец порядок в учете работы звеньев.

Совет тогда решил: на заработанные бригадой деньги устраивать ежегодные поездки по местам боевой и трудовой славы народа. И с первого же года выявились новые принципы отношения к товарищам и оценки их работы. Отличник, который всего один раз за целый год прогулял работу в телятнике, был немедленно и единогласно отстранен от поездки. А на следующий год, когда по классам снова обсуждали, кто достоин участвовать в поездке, возник еще один принцип. Кто-то из родителей (их всегда приглашают на собрания бригады) попытался оперировать таким аргументом: «Он еще не был, а она уже второй раз едет!», — но родителю серьезно разъяснили, что поездка — это не оплата труда, не экскурсия по школьному плану, а награда за отличный труд, и учебу, и общественную работу. И потому ездить за счет бригады будут самые лучшие, а сколько раз — значения не имеет. Проверяя работу звеньев, не пользовались «кондуитами», записями. Просто задавали кандидату прямые вопросы и верили в честность ответов. И не было случая, чтобы ребята покривили душой.

А в нынешнем году Совет решил послать заработанные деньги ребятам Кампучии.

Со временем Мартьянова, еще боясь этому поверить, стала убеждаться, что идея самоуправления себя оправдывает. Проявились силы, которых даже и не предвидели ни она, ни учителя. Каким же образом удалось разбудить эти силы? Тут стоит лишний раз поразмышлять на тему о том, в чем же принципиальная разница между школой и производством?

Процесс обучения и воспитания в школе длится долго — десять лет. Десять лет можно бороться с отрицательными качествами человека, терпеливо прививать ему добрые свойства души, вкладывать в него все новые и новые кирпичики эрудиции.

А на производстве все не так. Быстрее, резче, нагляднее для всех! Попробуй хоть раз сорвать цикл обслуживания телят! Ого-го! Но дети тем и отличаются от взрослых, что им гораздо труднее, чем нам, провидеть будущее и в соответствии с этим планировать и совершать сегодняшние поступки. Чем лучше человек учится, тем прочнее фундамент его знаний, тем будет проще познавать ему теорию и практику будущей профессии во взрослой жизни. Истина, не требующая доказательства. Ее с удовольствием признают и школьники. Однако признавать-то признают, но не проецируют на собственный образ жизни. Взрослая жизнь с ее заботами и свершениями так неизмеримо далека от детей в их представлении! Поэтому лучшие педагогические умы и поставили перед школой проблему: сочетать традиционное обучение «впрок», результаты которого видятся детям в туманном будущем, с реальным, сиюминутным по наглядности производственным воспитанием, производственным трудом. А как это делается на практике? Наш рассказ о том, как это делает Мартьянова. Когда к учебному процессу подключили труд на ферме, ребята тут же почувствовали разницу между школьной и производственной ответственностью за дело и сразу, немедленно стали реагировать на эту разницу. Именно так, как реагируют взрослые люди: не стесняясь, подтягивали тех, кто привык устраиваться за чужой счет, прикрываться положением «ребенка», пользоваться начатками навыков ловкача, приспособленца. В повседневном цикле: труд — отчет — гласность — сама собой, вполне естественно возникла ситуация, при которой коллектив бригады принялся энергично воспитывать всеми мерами тех, кто по старой школьной традиции до этого безнаказанно вел спокойную, ленивую жизнь. Самоуправление тут оказалось весьма действенным методом: никто ведь не желает, чтобы товарищ прохлаждался за его счет!

Итак, бригада состоялась. Не сразу, даже не за год и не за два, но она прочно утвердилась в жизни школы, в жизни совхоза.

Однако не затем только, чтобы помочь взрослым рабочим, совхозу, отдала Наталья Федоровна столько сил, нервов, такой кусок жизни!

Как же воздействует школьная производственная бригада Костровской средней школы на воспитание юных граждан, будущих строителей, созидателей, творцов? Рассказ об этом в следующем номере.

Окончание следует.

ЗАКОН

А. МОГИЛЬНИЦКИЙ,
прокурор Белорусской ССР

На первый взгляд казалось, все идет своим чередом. Завод выпускает продукцию, а автопредприятия, согласно договору, доставляют ее по назначению. На первый взгляд. В действительности же на Минском моторном заводе дело шло не совсем так.

Э. И. Эстрин, начальник отдела материально-технического снабжения, действовал вроде бы в интересах завода, а фактически за счет государства создавал себе авторитет незаменимого работника. Звонил по телефону — и появлялось нужное количество автомобилей. Груз перевозился, и почти каждый раз безотказность водителей поощрялась своеобразно: составлялись товарно-транспортные документы со значительным завышением объема работ. В итоге зарплата шоферов не соответствовала реальному трудовому вкладу. Их премировали за «экономию» горючего и, чтобы скрыть фактический расход, тайком списывали его. Для полноты картины добавлю, что завод перечислил автопредприятиям сверх положенного около 70 тысяч рублей. Разумеется, суд воздал всем виновным по «заслугам». А надо сказать, что в незаконные операции были втянуты все работники отдела, который возглавлял Эстрин. О каком здоровом нравственном климате, о какой элементарной порядочности, о каком уважении к законам там могла идти речь?!

Моральный климат в коллективе... Мы все чаще говорим о нем, потому что от него в огромной степени зависят воспитательный эффект, конечные результаты идеологической работы. «Эффективность воспитательной работы, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», — значительно снижается там, где возникает разрыв между словом и делом, где не обеспечено единство организационной, хозяйственной и идеологической работы. Оценивая работу руководителей, хозяйственных кадров, необходимо учитывать не только показатели выполнения производственных планов, но и уровень дисциплины, морально-политический климат в коллективе...»

На морально-политический климат влияет такая позиция: подлинное развитие демократии может осуществляться только при условии неукоснительного соблюдения всеми действующих в государстве и обществе законов. Это непременная и очень важная часть нашей общей воспитательной программы.

Язык закона скуп и лаконичен. Но за ним — огромный политический, государственный и моральный смысл. Подлинная народность, партийность наших законов создают им высочайший авторитет. Поэтому любое покушение на закон — это покушение на волю народа, на волю партии. Об этом никто не должен забывать. Причем — и эту мысль я хотел бы выделить особо! — наипервейшая роль тут принадлежит воспитанию практикой отношения к законам у каждого из нас, ибо любые самые умные и стройные рассуждения на сей счет окажутся безнадежно несостоятельными, если те, к кому мы обращаемся, знают, что сам воспитатель может позволить себе обойтись с законом «на ты». Да, отношение к закону — пробный камень, на котором проверяется зрелость руководителя.

Огромную важность законов в нашей жизни подчеркнул на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «...Строгое, неукоснительное выполнение законов — одна из безусловных предпосылок успешного функционирования всего хозяйственного механизма», — сказал Леонид Ильич и призвал коммунистов «разъяснять содержание, глубокий демократизм новых законов, активно помогать их претворению в жизнь, поднимать массы на борьбу с малейшими беззакониями, с малейшими отступлениями от советского социалистического правопорядка».

Сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о Прокуратуре СССР, в котором записано, что главным содержанием работы органов прокуратуры на современном этапе развития советского общества является охрана от всяких посягательств закрепленного Конституцией СССР общественного строя, его политической и экономической систем, прав и свобод граждан, борьба с преступностью, предупреждение правонарушений, обеспечение неотвратимости ответственности за каждое преступление.

Работники прокуратуры связаны по роду своей деятельности с производственными, творческими, научными коллективами, с коллективами учебных заведений, государственных учреждений, и мы знаем, какая хорошая, деловая обстановка складывается там, где роль законов научились понимать правильно, где во всем на первом месте принципиальность, интересы дела, где обеспечена настоящая гласность, где руководители не забывают ленинское положение о том, что государство сильно сознательностью масс.

Могу привести в пример колхоз «Светлый путь», Молодечненского района, Минской области. Председатель колхоза Герой Социалистического Труда В. М. Калачик относится как раз к числу руководителей, которые охотнее всего, терпеливо и убедительно воспитывают людей собственным примером. Примером во всем — в отношении к своему гражданскому и служебному долгу, в воспитании детей, преданности делу, бескорыстии, порядочности, скромности. И в соблюдении законов, норм жизни, морального кодекса.

ВОСПИТЫВАЕТ

Характерно, например, что райкому партии, райисполкому не приходится разбирать письма-жалобы из колхоза «Светлый путь». Их нет. Потому что нет почвы для их появления. Из некоторых хозяйств обращаются, скажем, по поводу обеспечения топливом. У Калачика этот вопрос решен раз и навсегда — сам председатель отладил его: колхоз закупает топливо и развозит его по домам. С Калачика берут пример специалисты, хозяйственники, рядовые колхозники. Всем им легче в такой атмосфере привести в действие доступные воспитательные средства. Не случайно колхоз «Светлый путь» давно и прочно занимает место среди лучших в республике; не случайно там успешно решают производственные, общественные и чисто житейские дела.

И напротив: там, где законы уважают лишь постольку, поскольку их можно приспособить к своим корыстным интересам и лишний раз напомнить о своих правах, там благополучие показное.

Недавно минским городским судом осуждены директор автотранспортного экспедиционного комбината № 5 Ареховский, его заместитель Анисовец, сотрудники бухгалтерии Шпаковский, Борздыко, Шешукова, Давыдович, экономист Ковалев. Облеченные немалыми правами жулики за четыре года совершили приписок на сумму, превышающую 24 миллиона рублей, незаконно выплатили в виде премий более 120 тысяч рублей и особую щедрость, разумеется, проявили по отношению к самим себе.

Закон неукоснительно карает тех, кто пытается его топтать. Прокурорский надзор, народный контроль зорко оберегают интересы и государства и отдельных граждан. За 1978 год и первую половину 1979 года органы прокуратуры БССР, рассматривая предложения, заявления и жалобы трудящихся, привлекли к дисциплинарной ответственности 248 человек за нарушение законов.

Трудно переоценить огромное воспитательное значение деятельности суда, прокуратуры, органов народного контроля. Но как бы энергично они ни действовали, этого еще недостаточно для создания здорового климата в трудовом коллективе. И тут я хочу коснуться позиции тех руководителей, которые якобы по соображениям высокого порядка берут под защиту нарушителей закона и даже пытаются придать этому какую-то воспитательную направленность.

Директор совхоза имени Ленина, Лунинецкого района, Брестской области, Е. Гарбар «прославился» бесхозяйственным, подчас преступным отношением к технике. Дело в совхозе дошло до того, что машины не только разукомплектовывали и растаскивали по частям, но даже резали автогеном и сдавали «Вторчермету», чтобы выполнить план по металлолому и получить премии. Почти тридцать тысяч рублей — вот каким ущербом обернулась государству «техническая политика» директора совхоза. Исполком Лунинецкого районного Совета народных депутатов дважды обсуждал положение дел в этом совхозе, устанавливал сроки для наведения порядка, проверял исполнение своих решений и каждый раз констатировал: все остается по-прежнему.

Поскольку Гарбар являлся депутатом районного Совета, он не мог без согласия Совета, а между сессиями — без согласия его исполкома быть привлеченным к уголовной ответственности. И вот райисполком попытался «урезонить» прокуратуру решением «О рассмотрении представления райпрокуратуры на привлечение к уголовной ответственности депутата райсовета Е. М. Гарбара». В нем утверждается, что Е. Гарбар «с перспективой решает хозяйственные вопросы, благодаря чему значительно укрепилась материально-техническая база совхоза». И далее: «Учитывая заслуги Е. Гарбара в подъеме экономики хозяйства, в возбуждении уголовного дела отказать». Не будем говорить о юридической грамотности решения. Но подписали-то его председатель исполкома и секретарь!

Вот такая беспринципная позиция! И это в отношении депутата райсовета и, более того, члена исполкома, с которого, как говорится, спрос по самому большому счету. Потребовалось вмешательство вышестоящего Совета народных депутатов. Гарбар по суду был признан виновным, осужден — и все стало на свои места. Но авторитет воспитателей пошатнулся, и восстановить его очень трудно.

Ах, эта коварная честь мундира! Как она мешает нам жить. Иной руководитель не стесняется отчитывать своих подчиненных за то, что они не сумели скрыть какие-то недоработки, изъяны. «Вы же пятнаете коллектив, мне подножку ставите! Кто же так руководит?!» И подчиненные «учатся» руководить иначе: зажимают рты тем, кто выносит сор из избы, безоговорочно поддерживают беспринципных, лакействующих приспособленцев. Липовое благополучие разлагает коллектив. Находятся люди, которые возмущаются, пишут, обращаются в партийные органы, в народный контроль, в прокуратуру. Важно, чтобы делалось это из принципиальных соображений. Но ведь есть в коллективах и демагоги, корыстные «правдоискатели».

Мы недостаточно заботимся о том, чтобы зародить и поддерживать в каждом коллективе дух общественного презрения к преступлениям, проступкам, нездоровым явлениям. К сожалению, чаще приходится сталкиваться с бьющим через край либерализмом («Просим принять во внимание смягчающие обстоятельства...» и т. д.), чем с непримиримой суровостью людей принципиальных («Просим наказать по всей строгости закона»). Поспешные усилия все и вся простить — лишь бы было тихо — почти всегда оборачиваются против коллектива, и в том числе против прекраснодушных носителей либерализма.

Я очень уважаю генерального директора минского производственного обувного объединения «Луч» Бориса Владимировича Позняка. И сочувствую ему. Он испытывает трудности. Объединение принял запущенным: сплошные проблемы — техническое перевооружение, кадры, взаимоотношения с поставщиками, реконструкция... Но постепенно дела стали поправляться. Одна из причин положительных сдвигов в том, что Борис Владимирович всюду и везде открыто и прямо говорит о недостатках, всегда называет вещи своими именами. Он не гонится за популярностью. Он хочет серьезно и честно работать. Генерального директора понимают в коллективе, уважают и охотно откликаются на его предложения, просьбы, хотя порой они связаны с отказом от чего-то привычного: с перестройкой, не всем удобной, с дополнительными затратами времени, энергии. Вот достойный подражания пример воспитательной миссии руководителя!

А ведь Позняку нет-нет да попадает в разных инстанциях за то, что он публично критикует нарушителей законов, государственной дисциплины.

Тут много нюансов. И, признаемся, нелегко подчас убедить людей, что они неправы, когда в ход пущены такие сильные аргументы, как интересы плана, престиж города или отрасли. Самое радикальное средство, по-моему, одно: усиление гласности во всех наших делах. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» сказано: «Там, где не в чести критика и самокритика, где недостает гласности в общественных делах, наносится прямой ущерб активности масс».

Иной раз делу серьезно мешает правовая малограмотность. Начальник Мозырской ветеринарной станции А. Ермошенко без весомых к тому оснований уволил в июне 1979 года работницу ветеринарной аптеки Л. Пивоварову. Он нарушил закон — ребенку Пивоваровой в ту пору не было еще года, а статья 170 КЗоТ БССР запрещает увольнение женщин, детям которых меньше года. Вмешалась межрайонная прокуратура. Л. Пивоварову восстановили на работе. А мог бы А. Ермошенко, знай он хорошо советские законы, не портить кровь человеку и не ставить под удар себя.

Подобных историй, связанных с правовой неграмотностью, более чем достаточно. И поэтому я хочу коснуться правового воспитания трудящихся. Мало ярких, интересных, убедительных материалов дают нам кино, телевидение, печать! Иной раз смотришь телевизионную передачу, кинофильм или читаешь статью и думаешь: кому, кроме авторов, такое нужно?

А роль наглядной агитации, плаката... Образно, броско многое можно и нужно выразить языком плаката. К сожалению, эта форма идеологической работы почему-то недооценивается в практике правовоспитания. Где плакат, напоминающий о требовательности и всеохватывающей весомости советских законов? Не засекречен ли у нас уголовный кодекс? Во всяком случае, наглядная агитация его никак не отражает. На предприятиях, в колхозах не увидишь плакатов, излагающих права и обязанности бригадира, начальника цеха, заведующего фермой, мастеров. И дело не только в том, что из-за незнания возникают конфликты, а в том, что не воспитывается уважение к нормам повседневной жизни, не воспитывается у должностных лиц очень важное качество — умение на деле доказать, что они понимают единство прав и обязанностей.

Уважать закон, исполнять его требования — значит уважать, беречь и укреплять наши принципы, весь наш уклад, основы нашего общества и строя. Мы в Белоруссии стараемся поставить правовую пропаганду широко и массово и в то же время научно. Пока рано говорить о том, какие результаты приносит правовой всеобуч. Но то, что в него вовлечены десятки тысяч людей в самых различных организациях, в том числе сотни юристов, позволяет надеяться на весомую практическую отдачу.

У нас прививаются такие, например, правовые уроки, как прием работниками прокуратуры трудящихся непосредственно на предприятиях, стройках, в колхозах, совхозах. Там мы отвечаем на вопросы, помогаем разобраться в конфликтных ситуациях, рассматриваем жалобы, предложения по улучшению работы прокуратуры и других правоохранительных органов, по усилению помощи им со стороны общественности.

Постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями», новый Закон о Прокуратуре СССР, Всесоюзное идеологическое совещание поддерживают и стимулируют наши усилия.

...Закон — воспитатель. Сильный, надежный, утверждающий справедливое, доброе. Однако лишь тогда, когда он соблюдается безоговорочно и свято. И чем демократичнее становится наше общество, тем чаще надо об этом вспоминать. В первую очередь конкретно: в делах и поступках.

ПИСЬМА С ПЕРЕДОВОЙ

Посылаю письма своего брата Льва Крюкова.

В «Комсомольской правде» 1 июня 1944 года был помещен портрет Левы и корреспонденция «За его смерть мы отомстим!».

Короткая жизнь Левы очень похожа на судьбу его сверстников. Родился в Москве. Учился в школе № 56. Когда началась война, как и многие мальчишки, побежал в военкомат проситься на фронт. Но ему отказали, так как ему было шестнадцать лет. Тогда Лева поехал на трудовой фронт, рыл под Москвой окопы и траншеи вместе с другими парнями и пожилыми людьми. К сожалению, мало об этом пишут. Это тоже подвиг людей, когда, голодные, в холод, а порой и больные, они отдавали все силы для победы.

Затем Лева окончил общевойсковое училище имени Президиума Верховного Совета РСФСР и был направлен вместе с другими молодыми офицерами на фронт.

В. КРЮКОВ

Москва.

Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Валя и мой братишка Вовочка! Шлю вам свой горячий привет с передовой под грохот канонады. Большое письмо писать не буду — некогда.

Я жив и здоров, чего и вам желаю. Одет, кормят хорошо. Немного о вас скучаю, ну ничего не поделаешь.

Я со своим подразделением в одну деревню первым ворвался, и выбили гитлеровцев.

Теперь я кандидат ВКП(б).

Всех вас крепко, крепко и много раз целую. Папу, маму, Валю и Вовочку.

Ваш сын и брат Лева.

До скорой встречи. 4.III.44 г.

Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Валя и Вовочка. Шлю вам свой горячий пламенный фронтовой привет.

Я жив, здоров, все в порядке. Как вы живете, мои дорогие? Очень о вас соскучился, хоть бы посмотреть одним глазком. Ну- ладно,- разобьем фрицев и тогда уж посмотрим друг на друга. Как там Вовочка? Наверное, еще больше стал и говорит без картавинки. Валя все учится, как надо работать? И пускай учится и учится. А мама все страдает обо мне? Пускай не беспокоится, со мной все в порядке, немца гоним, гоним и гоним. Скоро будем брать большой крупный город. А Вовка, наверное, все у мамы ворует сахарок с песочком...

Папа, как ты жив и здоров? Как я вернусь, чтобы был таким же, каким был, когда я уезжал. Папа, пришли мне карточки — маму, Валю и Вову. И себя. От вас еще не получил ни одного письма, пишите чаще.

Всех крепко целую. Лева.

8.III.44 г.

Здравствуй, мой братишка Валентин! Шлю тебе свой братский фронтовой привет.

Валя, как мне хочется с тобой побеседовать и рассказать свою боевую жизнь. Сейчас вот тебе пишу письмецо под свист летящей мины, и привык я к ним, как будто так и надо. Вначале было страшновато, а теперь хоть бы что.

Валя, мы фашистов гоним на запад, и так гоним, что в другой раз ворвешься в деревню, а они впереди бегут в одних кальсонах. Жалко, я не взял фотоаппарат, маме не велела, а то посмеяться неплохо. Валя, пиши мне почаще письма. Крепко тебя целую и жму своей грубой фронтовой рукой твою руку.

Целуй за меня папу, маму, Вовочку. Твой брат Лева.

8.III.44 г.

Здравствуй, мой маленький братишка Вовочка!

Пишу тебе небольшое письмецо от себя, старшего брата. Вовочка, как ты живешь? Наверное, все балуешься и маму расстраиваешь? Не надо, Вовочка, а то я приеду и тогда тебе трофеев не дам.

Вовочка, мы очень хорошо захватчиков бьем, он бежит от нас, только пятки сверкают. Вовочка, маму ты жалей, не надо ее расстраивать, а то, я знаю, ты здорово капризничал.

Ну и все. Крепко за меня поцелуй папу, маму и Валю.

Крепко тебя целую. Твой Лева.

8.III.44 г.

Эти письма брат написал 8 марта 1944 года, а 10 марта он погиб.

Москва, Можайское шоссе, 36, кв. 108

КРЮКОВОЙ М. В.

Уважаемая Мария Владимировна!

Мне тяжело Вам писать, т. к. я понимаю человеческое горе, ибо сам потерял в этой войне трех родных братьев. Немецко-фашистские злодеи, навязавшие нам войну, много причинили горя. Мы мстим им, и наша часть только за последние два месяца истребила около двух тысяч фашистов.

Ваш сын пал на поле боя рядом со своим связным. Ночью бойцы вынесли его. Днем 11.3.44 вырыли могилу, сделали гроб и обмыли тело, а похоронили 12.3.44. У деревни Гришино в ста метрах имеется гора, так у склона этой горы под елью мы похоронили Вашего Леву со всеми воинскими почестями. Там всего одна могила. Он в ней один. Мы врыли столб и на дощечке написали имя, отчество и фамилию и дату гибели. Жители были на похоронах и плакали во время выступлений бойцов. Позднее я Вам опишу подробнее место боя и детали. Сейчас это нельзя. Шлю Вам фотографии, найденные при нем в документах.

Капитан Грачев.
Полевая почта 07615

14.3.44 г.

Полевая почта № 07615
Капитану ГРАЧЕВУ

Уважаемый товарищ Грачев!

Обращаются к Вам родители мл. лейтенанта Крюкова Льва Геннадиевича. Узнали из Вашего сообщения, что сын наш погиб геройски с честью за нашу любимую Родину...

Сын наш воспитывался в духе готовности к любым жертвам во имя Родины, он свято выполнил свой долг.

Мы просим Вас передать командованию части благодарность за то, что геройский подвиг нашего сына Л. Г. Крюкова был должным образом оценен командованием и всем личным составом воинской части. Желаем Вам успехов в вашей боевой жизни, желаем полной победы над врагом!

Мы просим Вас, если это можно, выслать нам: приказ о награждении нашего сына Крюкова Льва Геннадиевича — посмертно; официальную справку о его гибели и газету воинской части, если в ней описан подвиг нашего сына.

Жмем боевую руку.

Крюкова
Мария Владимировна,
Крюков
Геннадий Александрович

5.IV.44 г.

г. Москва, Можайское шоссе, 36, кв. 108

КРЮКОВУ Г. А. и КРЮКОВОЙ М. В.

Уважаемые Геннадий Александрович и Мария Владимировна!

В ответ на Ваше письмо от 5 апреля 1944 года сообщаем, что Ваш сын младший лейтенант т. Крюков Лев Геннадиевич мужественно дрался с немецкими захватчиками, умело руководя своим взводом, и, проявив личную храбрость, пал смертью героя. Его подвиг является примером яркого проявления любви к нашей Родине, он высоко оценен командованием, наградившим посмертно мл. лейтенанта Крюкова Л. Г. орденом Отечественной войны I степени.

На героическом подвиге мл. лейтенанта т. Крюкова мы воспитываем личный состав. Шлем Вам благодарность за то, что вы воспитали подлинного патриота своей Родины.

Мы понимаем тяжесть утраты и разделяем ваши чувства.

Шлем Вам свой боевой привет и желаем здоровья и успехов в труде.

Зам. командира полка
по политчасти
подполковник Резезов
Агитатор полка к-н Грачев

8.5.44.

Председателю сельсовета
деревни Гришино
Псковского района

Дорогой товарищ! К Вам обращаются родители младшего лейтенанта Крюкова Льва Геннадиевича, погибшего 10 марта 1944 года геройской смертью в бою с немецкими захватчиками. Как сообщило нам командование, он похоро-

Почта пришла. Фото М. Савина

нен у деревни Гришино в ста метрах на склоне горы под елью в отдельной могиле.

У нас к Вам большая просьба, сообщите нам, пожалуйста, в каком состоянии могилка нашего любимого сына. Если же могила пришла в плохое состояние, то просим Вас поправить могилу силами комсомола и молодежи. Наш сын Лева Крюков был комсомольцем, в момент гибели ему было всего 19 лет.

КРЮКОВ
Геннадий Александрович
КРЮКОВА
Мария Владимировна
1 июня 1945 года

Здравствуйте, многоуважаемые Геннадий Александрович и Мария Владимировна!

С горячим приветом и наилучшими пожеланиями незнакомая вам Нина. Во-первых, дорогие, сообщаю, что письмо я вам пишу из деревни Гришино, где находится могилка вашего дорогого сыночка Левы... Могилка в хорошем состоянии, посажены цветы и огорожена... Мы очень часто посещаем ее и ухаживаем за ней. Так вот, дорогие, не беспокойтесь. Если у Вас будет возможность приехать, то пишите, я вас могу встретить, опишу месторасположение, где живем. Мой адрес: Псковская область, Псковский р-н, Мелеховский с/совет, д. Гришино, Кузьминой Нине Ивановне. Сама я работаю заведующей почтовым отделением при своем сельсовете. Пишите, буду ожидать.

Будьте здоровы и счастливы.
С приветом Нина.
1 июля 1945 года.

ПРАЗДНУЙТЕ ЗА НАС

Здравствуй, Нина! Поздравляю тебя, дорогая сестренка, с 27-й годовщиной Октябрьской социалистической революции. Четвертый год нам приходится встречать этот день в обстановке военных действий. Остались только одни воспоминания о мирном праздновании этого великого дня. И вот теперь снова мы дождались своего денечка. Уже, Нина, мы очистили свою территорию полностью, перенесли войну на территорию противника. Наша родина свободно вздохнула, освободившись от поработителей. Нина, хотя бы вы празднуйте за нас и празднуйте хорошо! А мы будем стараться, чтобы скорей покончить и чтобы следующий праздник праздновать вместе.

Нина, к дню 27-й годовщины я получил справку на третью награду — медаль «За оборону Кавказа»...

Я жив, здоров, нахожусь в Польше.

Передаю привет маме, тете Ксене и всем родственникам.

С приветом

В. Пацук

2.XI.44.

Это письмо прислал мне мой брат Пацук Василий Филимонович, который прошел от Моздока до Одера. Служил в артиллерийской части, был командиром орудия. Погиб 11 февраля 1945 года на правом берегу Одера в городе Штарентау.

Нашей матери 84 года. Ей и мне хотелось бы узнать, где он похоронен, и съездить на могилу.

Н. МАКЛАКОВА

Веслан,
Северо-Осетинская АССР.

КАРТА ПОБЕД

Посылаю вам фотографию и обрывок трофейной немецкой карты, которую храню до сих пор. С этой картой я, пулеметчик и комсорг роты 69-й армии генерал-полковника Колпакчи, в составе 1-го Белорусского фронта прошел с боями 600 километров пешком от Радомского плацдарма на Висле до Одера. Первую карандашную точку на карте поставил в начале наступления 12 января 1945 года и затем к концу каждого дня наступления отмечал путь своей пулеметной роты. 600 километров прошли за двадцать дней. Наш путь проходил через польские города Томашув, Лодзь, Конин, Врешен, Познань, Бирнбаум, после которого была граница с Германией и первый город Германии Шверин, пострадавший, наверно, более, чем другие города Германии, из-за ожесточенных боев, сгоревший на наших глазах; затем Циленциг; Лебус — после форсирования Одера. Памятен этот путь, после которого от пулеметной роты осталось в живых 6 человек. Мне было в то время семнадцать.

На снимке я в центре. В сентябре 1945 года мы встретились с отцом и сфотографировались. Справа на этом фото — отец Алексеев Иван Васильевич, солдат первой мировой войны. Слева мой брат Алексеев Дмитрий Иванович, прошедший путь от начала и до конца войны, вначале авиадесантник, затем начальник штаба полка на 3-м Украинском фронте. После войны брат — заведующий кафедрой языкознания Куйбышевского университета, доктор филологических наук, автор «Словаря сокращений русского языка».

После войны работаю участковым терапевтом в Сочи — вот уже 25 лет на одном врачебном участке.

В. АЛЕКСЕЕВ

Сочи.

СЧАСТЬЕ ХИРУРГА

Он мечтал стать летчиком, но стал хирургом. И ни разу об этом не пожалел: его жизнь напоминает полет, устремленный в будущее.

Двадцать лет назад в Чебоксарах впервые в стране хирург Святослав Федоров вживил в глаз человека сделанный им самим искусственный хрусталик. Эту операцию сочли чуть ли не преступлением, она была объявлена «антифизиологичной», а искусственный хрусталик — инородным телом, вызывающим гибель глаза. Сторонников у Федорова почти не было. Его вынудили уйти с работы.

Лишь благодаря поддержке профессора Т. И. Ерошевского удалось продолжить научные исследования, но уже в Архангельском медицинском институте. Годы были потрачены на доказательство своей правоты, и уже казалось, что успех близок, но вот опубликована работа весьма авторитетных специалистов, их заключение, как приговор: рекомендовать операцию в широкую клиническую практику нельзя.

В который раз надо было опровергать, убеждать, отстаивать! Но Федоров уже не был одинок. У него нашлись единомышленники, помощники — врачи и не врачи: часовщик В. Смирнов, художник Б. Венценосов, инженер Б. Панасенко, механики Б. Лебедев и А. Каран. Ведь хрусталики приходилось тогда делать кустарным способом. Позднее Федоров скажет: «Многие нам помогали, кроме тех, кто по должности своей в науке обязан был помогать».

Сегодня доктор медицинских наук профессор С. Н. Федоров руководит Московской научно-исследовательской лабораторией экспериментальной и клинической хирургии глаза Минздрава РСФСР. В Бескудникове достраивается новое девятиэтажное здание лаборатории — с клиникой, с экспериментальным заводом, с яблоневым садом вокруг. Целый институт, о нем Федоров мечтал давно. Есть у лаборатории и свой автобус — операционная на колесах, оснащенная самой современной медицинской техникой. Осуществилась еще одна идея Федорова, которая многим в свое время казалась праздной фантазией.

А он уже мечтает о самолете. О самолете-операционной, на котором за несколько часов можно было бы добраться до самого далекого города, научить там врачей оперировать по-новому, оставить им нужное оборудование...

Многим его мечтам суждено было сбыться. Сбудется наверняка и эта.

•

Недавно профессор Святослав Николаевич ФЕДОРОВ был гостем очередного заседания клуба «На «Огоньке». Он рассказал собравшимся о работе своей лаборатории, ответил на вопросы.

С. Федоров. В наш стремительный век с его огромными скоростями, сверхточными приборами, микроэлектроникой орган зрения приобретает особо важное значение. Человек, утративший нормальное зрение, сталкивается с большими трудностями, он сильно ограничен в выборе профессии. Вот почему офтальмология, наука, занимающаяся исправлением зрения, в последнее время так бурно развивается. Мы получили в свое распоряжение невиданную доселе технику: лазеры, ультразвук, тончайший инструмент,—и это сразу необычайно расширило наши возможности. То, что несколько лет назад казалось фантастикой, теперь стало обыденностью.

Сегодня мы можем заменять в глазу почти все его части, делать глаз более совершенным, чем его создала природа. Она, конструируя человека, наделала много ошибок. И мы не хотим эти ошибки повторять. В распоряжении природы не было таких совершенных материалов, какими располагает сегодня человек. Ведь прозрачность естественного хрусталика, состоящего из белка, всего лишь 65 процентов. И со временем она постоянно уменьшается — для человека мир постепенно тускнеет.

...Природа создавала человека, когда ему не нужно было читать, копаться в часовом микромеханизме, изучать атлас. Миллионы лет развития мало что изменили в строении человеческого глаза. И он оказался не очень-то приспособленным к современной жизни. Сегодня 20 процентов из десятиклассников, оканчивающих школу, уже близоруки, по другим данным — около 40 процентов; в Японии — почему-то даже 60. Мы вводим искусственные хрусталики с абсолютной, стопроцентной прозрачностью, и такой она остается до самой смерти. При осмотре больных, оперированных десять лет назад, создается впечатление, что они родились с искусственным хрусталиком.

Кстати сказать, идея вживления его в глаз не так уж и нова. Более двух веков назад польский врач Гадини предложил после удаления катаракты (мутного хрусталика) ввести в глаз линзу из горного хрусталя. Современники Гадини обвинили его в шарлатанстве и упекли в тюрьму. Возникнув, идея была погребена, чтобы вновь родиться уже в наши дни.

В 1949 году английский офтальмолог Гарольд Ридли впервые произвел операцию по замене мутного хрусталика пластмассовой линзой из полиметилметакрилата. Первые операции прошли успешно. Это стало сенсацией века. Но среди проявлений восторга явно слышались голоса скептиков. Еще бы! Ведь в основе офтальмохирургии тогда лежал принцип — всякое инородное тело ведет к гибели глаза, и его надо удалять. Поэтому операция Ридли и казалась антифизиологичной. Авторитеты заявили: этот Ридли посягает на основные каноны офтальмологии. А он все же продолжал «посягать».

Интересно, как у Ридли появилась идея заменить мутный хрусталик искусственным. Поводом послужил несчастный случай. Во время одной операции военному летчику забыли удалить из глаза осколок органического стекла от фонаря кабины. И этот осколок хранился в глазу до тех пор, пока судьба не столкнула летчика с Ридли. И вот что тот заметил — полное отсутствие воспалительной реакции глаза. Этот случай и привел Ридли к мысли о создании искусственного хрусталика из того же материала, из какого сделан фонарь летной кабины.

Вот так случай помог рождению этой феноменальной идеи. Очень скоро у Ридли появились последователи. Но не прошло и полугода как все они прекратили имплантацию,— слишком уж много было осложнений после операций.

Метод Ридли, конечно, был несовершенен. Линза его была слишком велика и тяжеловесна, ведь при ее создании он исходил из размеров и формы естественного хрусталика. Диаметр его более восьми миллиметров, толщина 2,5 миллиметра. Введение такой огромной линзы через зрачок наносило глазу тяжелую травму.

В нашей клинике мы используем созданные своими же специалистами на своем экспериментальном заводе линзочки из очищенных пластмасс толщиной всего 100—250 микрон, а диаметром — 5 миллиметров. Такой хрусталик в 40 раз легче естественного и процентов на 40 лучше по оптическим качествам. Так что когда мы занимаемся такой хирургией, мы не просто ремонтируем глаз, а мы его реконструируем, усовершенствуем.

Если раньше мы делали имплантацию хрусталика через довольно большой разрез в глазу (примерно в 14 миллиметров), то теперь с помощью новой техники и технологии мы делаем ее через разрез не больше семи миллиметров. Операцию можно осуществлять амбулаторно. Через два-три дня к человеку возвращается стопроцентное зрение. Ему не надо, как раньше, три недели лежать в больнице (а каждый день его пребывания там обходится государству в среднем в 15 рублей), не надо потом два месяца быть на больничном. Подсчитайте, какую экономию дает новая технология в масштабах страны.

Сейчас на земле живут десятки тысяч людей, в глазах у которых искусственные хрусталики. У нас в клинике ежегодно проводится около двух тысяч таких операций. Во всем Советском Союзе, кроме нас, делают еще около тысячи. Всего три тысячи. А больных с катарактой, нуждающихся в операции, примерно 120 тысяч. Среди них и специалисты высокого класса, которые вынуждены оставлять свою профессию. Но ведь на их подготовку были затрачены большие средства. Обучение, например, летчика сверхзвукового самолета обходится государству в полмиллиона рублей — с катарактой он, естественно, летать не может. Тут есть о чем подумать.

И мы подумали. Взяли и нарисовали автобус-операционную. Одна финская фирма его изготовила. Конечно, без поддержки нашего министра Б. В. Петровского нам бы этого сделать не удалось. Теперь мы ездим по стране, делимся опытом. И вот когда я оперирую в этом автобусе где-нибудь в Нальчике или Костроме и знаю, что за моей работой через телекамеру следят сотни местных хирургов, которые сегодня впервые видят подобную операцию, а завтра, возможно, станут делать ее сами, меня охватывает чувство глубочайшего удовлетворения. Тогда я испытываю то, что принято называть высоким словом «счастье».

За последние шесть месяцев мы совершили восемь таких поездок. Мне сообщают, что во многих городах уже начаты операции по вживлению искусственного хрусталика с учетом нашего опыта. На днях был у меня врач из Кабардино-Балкарии, говорит, больных теперь выписывают из клиники на пятый-шестой день, а раньше держали почти месяц.

Вот что значит преодолеть психологический барьер, ведь ничего страшного для врача в таких операциях нет. Надо просто вселить в него уверенность, вселить чувство романтики, ибо новая технология несет и вдохновение, и новый полет мысли, и удовлетворение оттого, что он может сделать такое, о чем раньше и не помышлял. Он и сам становится человеком более здоровым — и нравственно и даже физически, потому что такое раскрепощение духа не может благотворно не повлиять и на весь организм.

И все-таки я должен вернуться с высот на нашу грешную землю с ее непростыми проблемами.

Больные едут к нам в клинику со всего Союза, едут с направлениями от местных врачей, которые бессильны помочь больному. Но вот вопрос: почему они бес-

●

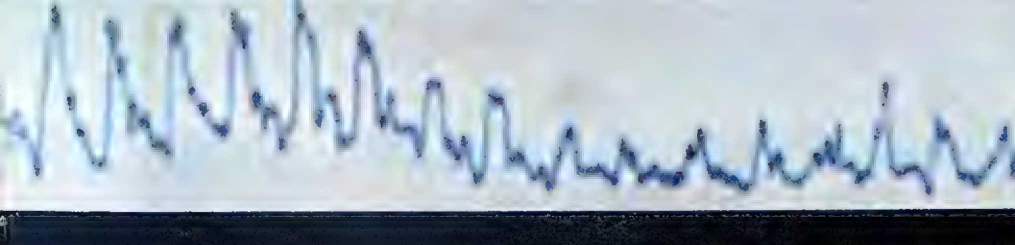
Профессор С. Н. Федоров проверяет зрение у пациентки Н. Иваниной.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ (внизу): Идет операция ❊ Здесь собирают хрусталики. Монтажницы В. Смирнова и Е. Стукалина ❊ Операционная на колесах готова к очередному рейсу ❊ Заведующий отделом лазерной хирургии А. Семенов и старшая медсестра В. Кравцова.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

МОСКОВСКАЯ

сильны? Потому что не могут или не хотят?

В нашу клинику приезжают за опытом офтальмологи из самых далеких стран, из другого полушария, а врачи из соседних даже областей что-то не едут. Наши поездки на автобусе немного двигают дело, но решить проблему в целом они, конечно, не могут. И потом вот что странно: когда мы приезжаем в какой-нибудь город, на нас врачи иногда смотрят как на заезжих циркачей, наша операция для них — это сложный трюк, «смертельный номер», который они и не надеются повторить. Приходится убеждать, агитировать, буквально за руку вести к операционному столу. А потом через месяц человек удивляется: и как он мог думать, что не сможет сделать такую простую вещь — вставить искусственный хрусталик.

Впервые я провел эту операцию ровно двадцать лет назад. Тогда почти всем она казалась чем-то сверхъестественным. Но ведь за эти годы человек вышел в космос, побывал на Луне, осуществил пересадку сердца. В нашей клинике имплантировано более восьми тысяч искусственных хрусталиков, а врачи на местах по-прежнему, как и двадцать лет назад, беспомощно разводят руками: «Помочь не можем». Да, не хватает нужного инструмента, необходимых приборов, шовного материала, но почему врач, зная, что в соседней области делают такие операции, что там возвращают людям зрение, почему он может спокойно сидеть и не добиваться всего необходимого для этой операции? Почему он не идет в облздравотдел, почему не пишет в обком, почему не отстаивает своего права возвращать людям счастье?

Последнее время много говорится об активной жизненной позиции советского человека. Каждый на своем месте должен проявить все, на что он способен, и в первую очередь бороться за свои идеи, отстаивать свое мнение

Конечно, очень многое зависит и от плановых органов. Микрохирургия глаза немыслима без точнейшего, тончайшего оборудования и инструмента. Иногда врач и рад бы помочь слепнущему человеку, и умеет, и знает, как и что делать, но не может: нет элементарной офтальмологической иголки. Иглы, которыми мы «шьем» глаза, мы покупаем за границей по три доллара за штуку. Но такую возможность имеют только некоторые центральные клиники, а остальным врачам что делать? Я знаю хирургов-офтальмологов, которые вынуждены сами тратить много времени, чтобы напильником выточить из обычной хирургической иглы некое подобие иголки для операций на глазу, которая, кстати, травмирует глаз и притом очень сильно. О каком совершенстве методов глазной хирургии в местах, далеких от столиц, может идти речь при таком положении!

А ведь эту проблему, на мой взгляд, можно решить без особого ущерба для государства. Почему любой завод, производящий сложное оборудование, с охотой берется за выпуск ширпотреба и всячески противится заказам на медицинские инструменты? Потому что ширпотреб дает план, дает «прогрессивку», а инструменты этого не дают. Но почему страдать от этого должны люди, годами ждущие очереди на операцию из-за того только, что на две бригады глазных хирургов есть лишь одна подходящая игла? Разве нельзя каким-то образом заинтересовать завод, внести медицинское оборудование в план, давать за его выполнение премию?

Я понимаю, стране нужен ширпотреб, очень нужен. Но не думаю, что многие из нас предпочтут иметь дома набор кухонных ножей и смотреть на них полуслепыми глазами.

Да, новая медицинская техника, новая технология врачевания дали в руки хирурга необычные возможности, перевели хирургию на совершенно иной уровень, это новый виток спирали в развитии медицины. Но новая технология должна ломать и наши понятия об организации медицины.

Появляется мысль: а стоит ли стремиться к увеличению числа коек в больницах, строить новые корпуса, если с помощью более современной техники и технологии врачевания можно вылечить в уже существующих клиниках в три, в четыре раза больше больных? Действительно, зачем тратить огромные средства на строительство новых корпусов, если можно оборудовать прежние больницы новейшей аппаратурой, которая встанет в несколько раз дешевле, чем строительство зданий, и с ее помощью лечить в несколько раз быстрее и, главное, эффективнее.

К сожалению, так было всегда: существующие инструкции рассчитаны на старую технологию. Поэтому человек, который собирается применять что-то новое, должен быть готов к борьбе со старыми понятиями, со старыми инструкциями. Чтобы вырваться из сегодняшнего дня в день завтрашний, нужно непременно запастись мужеством — до появления новых инструкций.

Новая техника вступает в противоречие и с архитектурой клиник, и со штатным расписанием, и со старыми гигиеническими нормами, и с прежними методами снабжения клиники аппаратурой и инструментом. То есть под влиянием новой технологии врачевания должна меняться вся система здравоохранения.

Взять тот же автобус-операционную. Нам иметь такой автобус ни по одному штатному расписанию не положено. Но мы понимаем, что он нам необходим, и мы его добились, причем частично на свои же средства: заработали их на производстве искусственных хрусталиков в своем цехе.

ВОПРОС. У вас в клинике, Святослав Николаевич, бытует такое выражение: «Три урожая в год», — то есть при одном и том же числе больничных коек вы излечиваете пациентов в три раза больше нормы. За счет чего вам это удается?

С. Федоров. Когда мы стали внедрять у себя в клинике новейшую технологию (лазер, ультразвук, тонкую механику), то поняли, что она требует колоссальной ответственности. Каким образом можно повысить ответственность врача? Только закрепив за ним больного на весь срок лечения, чтобы за каждого пациента отвечал один врач. И вот мы разбили клинику на отдельные группы или бригады по 3—4 человека в каждой, закрепили за ними по 15—20 больных, полностью отдали в их распоряжение оборудование. В конце каждого месяца стали сравнивать работу всех групп. Соревнование велось абсолютно гласно, все были в равных условиях.

Оказалось, что несколько бригад работают плохо. Мы их расформировали, назначили новых руководителей.

Уже через год после внедрения нового метода (по сути своей он мало чем отличается от злобинского) резко увеличилось количество сделанных операций и так же резко сократилось время пребывания больного в клинике. В среднем по стране на одной койке вылечиваются 12—13 больных в год, а у нас — 35 больных!

Теперь у нас практически нет слабых врачей — все подтянулись, ибо возросло чувство ответственности, и к тому же самолюбие не позволяет человеку плестись в хвосте.

Но что самое ценное — резко уменьшилось количество осложнений. Казалось бы, парадокс: операций стало больше, а осложнений меньше. Но ничего удивительного в этом нет. Когда ты делаешь много операций, ты непременно становишься хорошим хирургом. Ведь и хорошим пианистом можно стать, играя каждый день и помногу. У нас молодые ребята буквально через год-два после окончания института уже считаются квалифицированными специалистами: могут имплантировать хрусталик, делать операцию по близорукости...

Сначала были скептики. Они возмущались: как можно молодым доверять такие сложные операции, они все глаза перепортят! Конечно, не сразу у молодых все шло гладко, первое время были и огрехи, оплошности, их исправляли более опытные коллеги. Но наша система не позволяет долго оставаться мастером средней руки, лишенным полета мысли, фантазии. У нас созданы все условия для развития инициативы. И это приносит плоды. Например, Валерий Захаров разрабатывает новые конструкции хрусталика, Александр Семенов по своему почину организовал лабораторию лазерных методов лечений, Виктор Зуев создал прибор для полировки роговицы при операции по высокой близорукости, Ярослав Гличук в свои 26 лет — прибор для удаления катаракты, Нина Кагермазова в 27 лет — метод для остановки прогрессирования близорукости, А. Колинко (теперь — А. Ивашина) в 29 лет за разработку оптических проблем операции с искусственным хрусталиком получила премию Ленинского комсомола, организовала отдел, где создаются хрусталики для специалистов разных профессий.

У нас каждому дана возможность утвердить свою идею. В таких условиях человек верит в себя, раскрываются его возможности, его таланты. Но мы не забываем, что кому много дается, с того и спрос больше.

Я убежден, что чем раньше на молодого человека наваливается груз личной ответственности, тем быстрее он формируется и как специалист и как личность, тем больше надежды, что мы получим качественно нового врача, врача-ученого с широкими взглядами, с государственным подходом к делу.

Я уже говорил, что наша бригадная система позволила нам избавиться от плохих врачей, ибо такая система — это открытое соревнование, это здоровая конкуренция, которой, к сожалению, почти лишено наше здравоохранение. В самом деле, почему я могу выбрать себе парикмахера, портного, а врача, который должен резать мне ногу, живот, сердце, я выбирать не имею права? А если я знаю, что у этого хирурга 20 процентов осложнений, я все равно должен лечь под его нож?

Если бы больной мог выбирать врача сам, то того доктора, у которого было бы меньше всего пациентов, мы могли спросить: а не зря ли ты занимаешь свое место? Такой подход значительно улучшил бы нашу систему врачебной помощи. А то стоит только человеку стать врачом, и он может всю жизнь жить спокойно,— ведь больных-то все равно на его долю хватит. Он может позволить себе за всю жизнь не прочитать ни одной новой книги по своей специальности. Мы сами плодим плохих врачей, а могли бы легко этого избежать.

ВОПРОС. Скажите, Святослав Николаевич, как относилось ко всем вашим начинаниям Министерство здравоохранения? Поддерживало ли оно вас, помогает ли сейчас?

С. Федоров. Конечно, министерства здравоохранения, и союзное и республиканское, делали и делают все что могут, и мы им за это весьма признательны. Но, к сожалению, их возможности в ряде случаев ограниченны. Например, чтобы получить пять новых сотрудников для проведения операций по устранению близорукости, мне надо было идти на прием к председателю Госкомитета СССР по науке и технике. Да и там тоже для этого должны были выносить специальное решение. Подобные вопросы не в праве решать ни Минздрав, ни даже Совет Министров республики. Почему, спрашивается? Я уверен, что каждый областной здравотдел должен иметь резервные возможности (в первую очередь людские) для развития новых прогрессивных направлений медицины, иначе очень трудно надеяться на успех.

А что получается у нас? В начале года Минздрав раздает все деньги, распределяет все штаты, и когда посредине года в них возникает крайняя нужда, то мы должны ходить по высоким инстанциям, тратить время, нервы, вместо того чтобы возвращать людям зрение.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, какой будет ваша клиника после окончательного завершения ее строительства. В чем ее особенности?

С. Федоров. Сейчас рядом с главным корпусом мы начали строить еще одно здание, где будут находиться больные, которые уже не нуждаются ни в операции, ни в интенсивной терапии, ни в частых осмотрах. Это своего рода пансионат, где наши пациенты гуляют, отдыхают, а раз или два в день их осматривает врач или сестра делает укол. Стоимость содержания больного в таком «пансионате» минимальна, зато основное здание с его лабораториями, операционными, сложнейшей ап-

●

У москвички Н. Филипповой операция уже позади ❊ Хрусталик модели С. Федорова и В. Захарова ❊ Консилиум врачей. Слева направо: Т. Архипова, Д. Иоффе, В. Хватов, Т. Кан.

паратурой, где содержание больного обходится в десять — пятнадцать раз дороже, каждые три-четыре дня будет полностью освобождаться от 320 больных и набирать 320 новых.

Такая система позволит вылечить за год дополнительно 12 тысяч больных, примерно каждому третьему из них мы вернем трудоспособность, а это 12—13 миллионов чистого дохода государству. Стоимость нового здания не превысит 10 миллионов рублей, оно окупится уже в течение первого же года.

Сейчас во многих клиниках страны больные стоят в очереди на операцию по нескольку месяцев: не хватает мест. Эту проблему можно было бы решить строительством корпусов для долечивания больных. И мы постараемся это доказать на примере своей клиники.

Иногда мне приходится спорить с экономистами. Они упрекают меня в том, что я требую непомерно многого, что мои идеи, мои фантазии слишком дорого обходятся государству. И каждый раз я доказываю, что нет ничего выгоднее для страны, чем вернуть ей полноценного работника, вырвав его из рук болезни. Мы ведь не можем позволить себе, чтобы ЭВМ или робот, на которые потрачены большие деньги, долго находились в ремонте или стояли без дела: это невыгодно. Но почему мы становимся такими расточительными, как только разговор заходит о людях? А вы представьте себе, говорю я, что мы «роботы», причем дорогие роботы, ведь только учеба в вузе каждого из нас обходится государству в десять тысяч рублей. Почему же мы не подсчитываем каждый раз, сколько мы теряем, если человек должен годами ждать своего «ремонта»?

Вообще иногда мне кажется, что мы совершенно не умеем считать, не знаем элементарной арифметики. Возьмите, например, любую большую больницу в крупном городе. Это же целая фабрика по «ремонту» человеческого организма, но у нее скорее всего нет даже своего детского сада, и врачи вынуждены всячески изощряться, тратить нервы и время, чтобы устроить своего ребенка в детский сад соседней парфюмерной фабрики, у которой есть и свои ясли, и свой дом отдыха, и пансионат на берегу моря. Почему у больницы этого нет? Потому что она нерентабельна, не приносит прямого дохода. Но это парадокс! Мы просто не умеем считать: ремонт человека дает десятикратную эффективность, это даже выгоднее, чем добыча золота.

Мы стараемся сейчас из нашей лаборатории сделать рентабельное предприятие. Какова структура нашей клиники? Я сравнил бы ее с научно-производственным объединением. Сейчас у нас работает 450 человек, скоро будет вдвое больше. У нас есть свои физики, свои химики, механики, инженеры, фотографы, слесари, фрезеровщики... Мы сами выдаем идеи, сами под эти идеи делаем инструменты, сами опробуем их в эксперименте, сначала на кроликах, потом на больных. Таким образом, в кратчайшие сроки мы получаем новый инструмент, необходимый для воплощения наших идей. Получаем результаты, они наводят нас на еще более новые идеи, для их воплощения мы опять создаем новый инструмент и так далее. Еще один виток спирали. Мы движемся не по замкнутому кругу, а по спирали, как того и требует диалектика.

Но такое движение требует очень четкой согласованности всех звеньев: врачей, инженеров, технологов, снабженцев, экономистов. Если хотя бы одно из звеньев дает сбой, вся система останавливается. Вот почему так велика ответственность каждого ее участника, будь то ученый или токарь.

Свою продукцию мы и сами используем, и продаем другим клиникам, и поставляем на экспорт. В прошлом году на экспорте мы заработали почти 500 тысяч долларов, в этом году мы заработаем около 800 тысяч долларов, и все это в довольно кустарных условиях. Сейчас мы ставим вопрос о создании на базе лаборатории действительно мощного научно-промышленного экспериментального центра, который даст нам возможность получать чистый доход около 10 миллионов рублей. Когда нам разрешат считаться научно-производственным объединением, тогда мы сможем 40 процентов нашего дохода тратить на премии нашим специалистам, которые давно этого заслуживают, сможем построить для них пансионат под Москвой, свой детский сад, ясли, то есть добиться тех же условий, какие имеют рабочие той же парфюмерной фабрики.

ВОПРОС. Что, по-вашему, больше всего мешает внедрению нового в нашу жизнь?

С. Федоров. Прежде всего сам человек со своими недостатками: ленностью, инерцией, завистью, недоброжелательностью. Когда я вспоминаю годы трудного становления метода имплантации хрусталика, я с грустью вынужден признать, что больше всего нам мешали именно наши коллеги — врачи-офтальмологи.

Новое требует от человека новых знаний, новых навыков, а все это — лишние усилия. К сожалению, это самое трудное — преодолеть человека. Леность, безразличие, трусость выбить из человека намного труднее, чем сделать тысячу самых сложных операций.

Некоторые из вас могут подумать, что теперь у нас в клинике все идет гладко, безо всяких сложностей. Должен признаться, что это не так. К сожалению, нередко и у нас бывают скандалы. Маленькая проблема — маленький скандал, большая — большой. Чаще всего возникают они, казалось бы, из-за мелочей. Вот недавний пример. Почти месяц бригада готовила сложный эксперимент. Был назначен срок его проведения, все обговорено, улажено, и все-таки эксперимент был сорван. Забыли проверить исправность какого-то маленького приборчика. Мелочь, из-за которой не надо настроение портить? Нет, надо! Надо портить настроение, надо скандалить. Иначе в нашем деле трудно.

Когда я обращаюсь в самые высокие инстанции, что не хватает инструмента, меня туда вызывают и говорят: вы только один недовольны положением, все остальные довольны. Я говорю: а вы спрашивали? Нет, не спрашивали, отвечают, но если молчат, значит, все в порядке, а вы один поднимаете панику, затеваете скандал, у вас, видно, плохой характер.

А потом, когда я все-таки добиваюсь хорошего инструмента, мои коллеги удивляются. Как удалось? У тебя блат, у тебя везде связи, говорят. Какие у меня связи?! Я просто понимаю, что должен применять новейшее оборудование, что не имею права использовать старое, если есть новое.

Максимальный срок внедрения нового в медицину не должен быть больше десяти лет. У нас он растягивается до 25—30 лет. Мы теряем 15—20 лет, но мы не время теряем, а здоровье людей. А потом оказывается, что через 20 лет мы внедряем уже не новое, а старое.

Почему так получается?

Как это ни печально, но наши хозяйственные органы не всегда заинтересованы во внедрении нового — оно ведь не дает прямого дохода. Но это, как я уже не раз говорил, весьма недальновидный подход.

Необходимо сделать так, чтобы в скорейшем внедрении новой технологии, новой техники были заинтересованы (и в первую очередь материально) все организации, которые отвечают за это внедрение. Именно об этом говорится в недавнем постановлении партии и правительства об улучшении хозяйственного механизма.

ВОПРОС. Много приходилось слышать о ваших контактах с американскими врачами. Не мешают ли этим связям сложные теперешние отношения между нашими странами?

С. Федоров. Только за последние две недели у нас в лаборатории побывало пятеро американских офтальмологов. Они, конечно, не безразличны к мировым проблемам, но они прекрасно сознают, что, как бы ни осложнились международные отношения, у нас, у врачей, главной остается задача — избавление от страданий, нести людям счастье, то есть задача, прямо противоположная деятельности иных политиков.

Что меня больше всего поражает в американцах — это их умение молниеносно все схватывать и тут же применять на практике. Совсем недавно, в ноябре, я делал доклад по лечению близорукости в Сан-Франциско на съезде офтальмологов США. После этого к нам в клинику приезжали уже семь специалистов по лечению близорукости, смотрели наши операции, во все вникали и тут же внедряли наши методы у себя — я это знаю по письмам. Они даже успели создать специальную научную группу по изучению этой проблемы из двадцати восьми человек, тут же подключили к выпуску аппаратуры известную электронную фирму. И дело пошло. Нам есть чему у них поучиться.

ОТ РЕДАКЦИИ. На днях профессор С. Н. Федоров вернулся из короткой поездки в США, где под его руководством американские хирурги провели четыре операции по устранению близорукости. Операции, которые были сделаны по методике, разработанной в лаборатории Федорова, закончились успешно. Всем четырем пациентам возвращено нормальное зрение.

На другой день американская пресса комментировала: «Эти операции производились с помощью инструмента, привезенного советским хирургом. Но очень скоро Соединенные Штаты будут располагать подобным оборудованием, и уже через три года такая операция станет доступна каждому американцу».

«...Эта операция позволит вернуться к своим профессиям летчикам, полицейским, пожарникам, словом, всем тем, кто из-за очков был вынужден оставить свою специальность...»

Впрочем, поездки С. Федорова в США могло и не быть. Американский госдепартамент до самого последнего момента был против нее, и только под давлением американских хирургов (которые заявили, что этот визит необходим в первую очередь самим американцам, ждущим врачебной помощи) госдепартамент был вынужден уступить.

Операции советского хирурга были показаны по многим программам телевидения США и комментировались ведущими офтальмологами страны. Доктор Н. Стол сказал тогда: «Если у нас в течение полугода не будут организованы курсы для обучения хирургов таким операциям, то мы будем вынуждены ездить на такие курсы в Советский Союз».

Говоря это, доктор Н. Стол не мог предположить, что у нас подобных курсов пока нет.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, об операциях по устранению дальнозоркости и близорукости.

С. Федоров. От дальнозоркости мы избавили пока только несколько человек, эти работы получат широкое развитие, когда нам удастся создать довольно сложную лазерную установку. Сейчас мы над ней трудимся.

С малой близорукостью бороться проще — достаточно сделать несколько микроскопических разрезов на роговице. Ее оптическая сила при этом меняется, и к человеку возвращается нормальное зрение. Эта операция стала возможной только после того, как мы научились очень точно, буквально в микронах, дозировать наше вмешательство в глаз.

Думаю, что при некотором усовершенствовании подобных операций можно будет вовсе избавить человечество от очков. Ведь оно ежегодно тратит на очки не меньше 10 миллиардов рублей, а это бюджет немаленького европейского государства. Только у нас в стране в год выпускается очков на 100 миллионов рублей. Я верю, что в скором будущем очки станут, как прялка или лапти, музейной редкостью.

Было еще немало вопросов и ответов. И в них приводилось множество цифр. Да, Федоров любит считать. Но за этими сухими цифрами нам виделись большие дела, глубокие чувства; перед нами вставал образ современного врача, каким он должен быть, — подвижника, смелого поборника нового.

Федоров мечтал стать летчиком, но помешала горестная случайность: еще в юности трамваем отрезало ногу. Он стал хирургом и ни разу об этом не пожалел: он считает себя очень счастливым человеком. И это ощущение не оставляет его ни на день: каждый день он и его коллеги, ученики возвращают людям самую большую радость на свете — возможность наслаждаться миром. Но к своему счастью хирург шел долго и трудно. Борьба за него не кончается и сегодня.

В его кабинете, при входе, стоят две двухпудовые гири, он каждое утро по нескольку раз их выжимает. Гири можно было купить и однопудовые — для гимнастики хватило бы. Но даже в такой мелочи Федоров остается самим собой. Ему важно сознание своей силы и неутраченной способности преодолевать. Быть ближе к пределу своих возможностей.

Без этого не может быть и его счастья, трудного счастья хирурга.

Встречу вел Сергей ВЛАСОВ.

ПЕСНИ, ОПАЛЕННЫЕ В БОЯХ

Ю. НОВИКОВ

Кто из ветеранов Великой Отечественной не помнит тревожившую сердце «Бескозырку» — песню И. Жака на слова Н. Верховского!

Бескозырка,
Ты подруга моя боевая...

Не многие знают, что в самом начале войны весь тираж этой пластинки, выпущенной ленинградской фабрикой «Музтрест», ушел на фронт, а точнее, на флот. Ушел воевать. Песня была в огне морских сражений, помогала крепнуть душе, учила стойкости в трудные минуты.

Ленинградский журналист и коллекционер Борис Метлицкий, с которым меня свели пути-дороги корреспондентские, не просто с увлечением, а самозабвенно рассказывает об истории создания знаменитых песен военных лет, показывает ставшие уникальными пластинки той поры.

— Перед войной в стране было четыре фабрики грампластинок: ленинградский «Музтрест», рижский «Беллаккорд» и две московские — Ногинская и Апрелевская. С началом войны прессы всех фабрик остановились — не сразу, конечно. Завод в Апрелевке перешел на производство минометов.

В Ленинграде экспериментальная фабрика до блокады выпустила лишь специального назначения диски с записями: «Граждане, воздушная тревога!», «Отбой воздушной тревоги!», инструкции «Как гасить зажигательные бомбы», «Как вести себя во время воздушного нападения» и т. п. Тираж их был ограничен и предназначался для радиостудий города и области.

— Сохранилось ли что-нибудь из этих записей?

— Единичные экземпляры.

Уже в 1941 году, после успешного зимнего контрнаступления Красной Армии под Москвой, а в особенности после окружения 6-й армии Паулюса под Сталинградом, в Радиокомитет, в Москву, полетели солдатские письма-треугольники: эх, пластинок бы! Почему не выпускают новых? Фашистов бьем, а музыки нет!

И тогда в Апрелевке всего несколько прессов снова переключили на мирную продукцию. В сборочном на конвейерах собирали минометы, а за стеной тискали тяжелые шеллачные диски. Что печатали?

В московском Доме звукозаписи уже в конце 1942 года ввели новую нумерацию. Одной из первых была записана Клавдия Шульженко, исполнявшая популярнейшую тогда песню — «Синий платочек».

...Строчит пулеметчик
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих.

В холодной студии ДЗЗ, где музыканты оркестра сидели в шубах и валенках, зимой 1943/44 года записывались, не снимая пальто и теплых шарфов, С. Лемешев, Г. Виноградов, С. Хромченко, Л. Утесов, В. Бунчиков и В. Нечаев... Пластинки шли нарасхват, но главные партии их отправлялись на фронт.

— Качество пластинок, наверное, было невысоким?

— Ошибаетесь. Вот одна из первых ласточек 1942 года — чем плоха?

Беру пластинку под взглядом собирателя особенно бережно, осторожно. Пластинка как пластинка, не хуже послевоенных. Вот только этикетка блекло-серая; фирменный знак — ласточка на фоне скрипичного ключа — и буквы съехали в сторону от шпиндельного отверстия.

— Эти штампы ставили вручную, — поясняет мой собеседник, — их делали из резины. Типографиям было не до этикеток.

Перебираем диски тех грозовых лет. Что же слушали наши бойцы в минуты отдыха? «Есть на Волге утес» (ансамбль А. Александрова), «Тучи над городом встали» (Ефрем Флакс), записи Леонида Утесова, джаз-ансамбля Владимира Коралли—это в 1943-м. «В лесу прифронтовом», «Марш 53-й гв. стрелковой дивизии» (духовой оркестр Наркомата обороны п/у С. Чернецкого), записи хора имени Пятницкого, «Однозвучно гремит колокольчик» и «Соловьем залетным» (академический хор А. В. Свешникова), «Коробейники», «Выхожу один я на дорогу», «Валенки» (Лидия Русланова), вальс «Березка», «Расцветали в поле цветики» (С. Лемешев)... Разумеется, в те годы в гости к бойцам приезжали и бригады артистов, среди которых были М. Михайлов, Э. Гилельс, В. Барсова и другие замечательные мастера, но все-таки главным для фронтовиков были патефон и набор пластинок.

Постепенно выпуск их восстанавливался в прежнем объеме.

В Ленинграде сразу после снятия блокады стали записывать — сначала в артели «Пластмасс», выпускавшей пуговицы и расчески и наладившей небольшую звукозаписывающую студию. Певица Софья Преображенская записала романсы С. Рахманинова. Стали записывать и танцевальную музыку.

— Какая пластинка в вашей коллекции самая примечательная?

— Я начал собирать в 1936 году, шестнадцатилетним пареньком, и примечательных немало. Пожалуй, уже сам факт, что во время блокады мою библиотеку сожгли — меня в Ленинграде не было,— а пластинки, не зная, что они горят не хуже угля, оставили — уже примечателен для их судьбы. Но если серьезно...

Борис Григорьевич приносит из святая святых пластинку стандартного, как сказали бы специалисты, размера и веса. Читаю текст на этикетке: «Центральное агентство ВЦИК. Центропечать. Советская пластинка. «III, Коммунистический Интернационал». Слово тов. Ленина».

— Эта пластинка была выпущена в 1919 году первой в молодой Советской республике. У таких была особая судьба: их печатали большим тиражом и распространяли бесплатно по комбедам и укомам. Эти пластинки несли живое ленинское слово в массы, туда, где не было еще электричества, но имелись граммофоны различного рода. Вроде таких, например.

Мой собеседник ставит на стол небольшой ларец с двухъярусными дверцами. Внизу — пружинный мотор и звукосниматель, верхний отсек служит резонатором.

— Это дедушка патефона.

В моем представлении граммофон — это прежде всего большая изогнутая труба, и, видя мое недоумение, Б. Метлицкий говорит:

— Есть у меня и с трубой. Но большая часть коллекции — бывшие в почете напольные граммофоны русских и иностранных марок. Они строились по такому же принципу, что и этот настольный... Вы спрашиваете: какова роль собирателей моего жанра, коллекционеров-филофонистов? Она, на мой взгляд, огромна. И дело не только в том, что я, например, выступаю часто с лекциями в клубах любителей музыки, демонстрирую свои аппараты в Доме культуры имени Ленсовета или перед студентами консерватории. Главное в том, что иной раз удается сделать пусть маленькое, но открытие. Например, композитор Матвей Блантер не знал, что в 1925 году вышла его пластинка «Джон Грей». Фокстрот неизвестного тогда автора исполнял первый советский джаз-банд. Леонид Утесов сам не располагает, оказывается, всеми своими дисками, какие имеются у коллекционеров... Особенно относящимися к военным годам.

Вновь разговор заходит о военной поре, опять мы вспомнили «Бескозырку» в исполнении Я. Чекина с оркестром Я. Скоморовского.

— Вот выпустила «Мелодия» диск «День Победы». Хорошая пластинка: там и Тухманов, и поет Богатиков, и песни военных лет есть, но... где же история? Где «Синий платочек», «Бескозырка» и другие песни? Поверьте, тысячи ветеранов согласятся со мной: надо, пока не поздно, выпустить пластинку-мемориал с подлинными записями военного и предвоенного времени — с той самой музыкой и теми певцами, что сопровождали солдат в их тяжком походе. Пусть она будет монофонической, эта пластинка, с шипением — хотя при современной технике это можно отредактировать, — но пусть она перенесет нас в ту эпоху. А ведь можно и опоздать, ибо матрицы выбрасывались в металлолом, пластинки выпускались разовыми тиражами — теперь они исчезают, эти бесценные свидетельства истории нашего народа, отраженной в песнях.

— Борис Григорьевич, сколько дисков в вашей коллекции?

— Свыше пяти тысяч, точно не знаю: работа над книгой не дает закончить систематизацию. Если же будете писать о моей коллекции, то очень прошу: напишите, чтобы все, у кого сохранились старые пластинки 1941—1943 годов с серыми этикетками, относились к ним как к реликвиям военной поры. Моя мечта? Собрать воедино максимум записей тех лет и издать хотя бы пару альбомов. Пластинки — это документы эпохи, и они могут о многом рассказать нашему современнику.

Б. Г. Метлицкий. Фото В. Голубовского

ОЛИМПИЙСКИ

Ключ от Москвы, сегодня он в руках у Ирины Быковой.

К. БАРЫКИН,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Михаил Михайлович Олимпийский— призер и многоборец, симпатичнейший парень, равного ему и сыщешь не сразу, да и надо ли искать? Вот он тут, весь перед вами, талисман Олимпиады-80, добрый ее друг и верный спутник. Всегда веселый, с лукавинкой. Но чуть-чуть, в меру. Очень разный и сразу же узнаваемый.

Ловко и привычно расправляется со штангой — сила-то медвежья! Подтянут. Когда выходит на беговую дорожку, даже элегантен. Миша всюду поспевает, но все же его главная забота—встретить гостей Олимпиады и понравиться им, оставить память о московском празднике спортсменов. Он сувенир. Из фарфора (лучших мастеров, дулевских и ленинградских), из стекла, металла, из керамики, выкованный в бронзе, на значках и эмблемах... Сегодня сотрудники ассортиментного кабинета Росгалантереи по нашей просьбе выстроили перед фотоаппаратом строй меховых и плюшевых Михал Михалычей — загляденье. Щелк, щелк... Позируют вроде бы даже охотно.

У Олимпиады будут свои прилавки. Пустыми их не оставишь, они должны быть щедрыми и разнообразными.

— Такими и будут, — без доли сомнения подтверждает начальник Росгалантереи Виктор Михайлович Котов. — Художники, конструкторы, заводские и фабричные мастера к тому стремятся. Да и торговля немало этому способствует.

Работники торговли побывали на десятках предприятий. Приняли (или отвергли) десятки разработок. Нынешний просмотр—один из многих в ряду тех, что провели заинтересованные стороны, выбирая сувениры Олимпиады. Как и чем представлен сувенирный ряд?

Хохлома? Конечно, как же без нее. Гжель? Само собой. Тульские самовары?.. Почему только тульские? Десятка два различных самоваров и самоварчиков. Один другого лучше, краше, привлекательнее. С ярко-алым петухом на «крыше», с чеканкой: «Самовар кипит, уходить не велит...»

Блистательно представлены финифть, скань, поделки из дерева, отличнейшее стекло, всякие музыкальные премудрости. Нет, не пианино и не балалайки, им свой черед, а какие-то звонницы, крохотные модели первого спутника, наигрывающие приятные слуху мелодии...

Олимпийский сувенир начинался не сразу. Поначалу и сама торгов-

Всем самоварам самовары.

Ах эти томительные предолимпийские дни!..

Михалы Михалычи Олимпийские...

Й МОТИВ

ля да и поставщики никак не могли выбраться из круга привычных представлений и образов. Но уже в 1979 году выпуск сувениров не только вырос почти в два с половиной раза по сравнению с прошлогодним, но и выбор стал богаче, ярче, представительнее. Тут и народные художественные промыслы и совсем недавно появившиеся поделки из вроде бы неведомых, очень красивых самоцветных камней; рушники и платки, всякая мелочь, в том числе брелок все с тем же Мишей. Экая, скажете, невидаль? Представьте, да. Выписан он, Миша, голографическим лучом, посмотришь чуть со стороны: будто только что из леса вышел Мишка.

Галина Константиновна Высоцкая, главный художник завода художественной гравюры на металле, принесла на суд несколько панно, а начальник творческой лаборатории Мытищинского завода опытных и сувенирных изделий Вадим Юрьевич Фунтов показывает значки.

...Можно бы поименовать те или иные вещи и вещицы, но наберемся терпения, до Олимпиады.

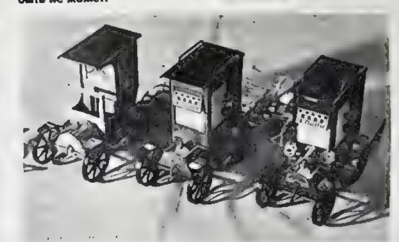

На все вкусы, на добрую память.

Алые паруса серебряной яхты...

В парк! Такого с олимпийскими такси быть не может!

На суд людей знающих и доброжелательных.

Г. К. Высоцкая с панно, сделанными на заводе художественной гравюры.

Петр ПРОСКУРИН

РАССКАЗ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

РАННИЕ СУМЕ

День проскочил как-то незаметно для Степаниды; а вот ближе к вечеру она начала томиться, разболелась голова, стало труднее двигаться, лицо и шея покрылись испариной, и она, выйдя на крыльцо отдышаться, сразу же услышала глухо, едва-едва доносившийся гул и погромыхивание; она тотчас перекрестилась. Где-то, еще невидимая, собиралась гроза, и беспокойство Степаниды усилилось; воздух был неподвижен и душен, даже легкого шевеления ветра не ощущалось, и деревья стояли совершенно недвижимые. Степанида вышла на середину улицы, поглядела в один край села, в другой — и улица была почти пустынна, если не считать вездесущих кур да двух-трех человек у магазина.

В другое время Степанида обязательно бы поинтересовалась, сбегала бы за спичками или еще каким немудрящим товаром, но сейчас все усиливающееся томление и беспокойство в природе помешали. Она подумала, что напрасно выпила с Полей стаканчик вишневой, еще никогда сердце так не ныло, да и голову словно сдавило обручем. «Ох, что-то будет», — испуганно подумала Степанида, вернулась на крыльцо, присела на лавочку; в избу идти почему-то не хотелось, что-то неназываемое, непонятное, то, что все время чувствовалось в душе, ширилось и росло, отстраняло все. Степанида сидела на лавочке, словно в каком-то оцепенении; она все ясно видела, как прошел по другой стороне улицы комбайнер и механик Петька Кондратьев, как пронесла ведра воды кума Анисья и даже что-то крикнула ей, но все это она видела как бы в каком отдалении от себя, в каком-то разреженном мареве, и только когда вдоль улицы ударил первый порыв ветра, косо смел с нее бестолково закудахтавших кур, заворачивая им кверху и вбок топорщившиеся хвосты и перья, Степанида словно пришла в себя. Вслед за упругим, густым ветром коротко и сильно громыхнуло в небе; вторичный, раскатистый, яростный гул расколол все небо из конца в конец, заставил Степаниду побелеть. Но все тело и особенно ноги совершенно ослабели, и она никак не решалась двинуться с места; сидела испуганная и жалкая, оглядывалась вокруг расширившимися глазами; в них сейчас словно сосредоточилась вся ее жизнь. Еще раз грянул гром, да такой, что все на земле лихорадочно и весело затряслось и запрыгало; тотчас хлынул крупный, светлый дождь, взбил фонтанчиками пыль на дороге, а там налег сплошной, темной стеной, и с крыш сразу хлынуло, и уже по улице, по канавам валом понеслись лохматые, пенистые потоки. На крыльцо откуда-то вскочила испуганная, вымокшая кошка, судорожно отряхнулась, забилась под лавочку у ног Степаниды и стала облизывать пегую, словно перевязанную платочком грудку.

Такого ливня и такой удушливо-темной грозы Степанида еще никогда не видела; какой-то почти ужас перед таинством этой обрушившейся на землю силы удерживал Степаниду на крыльце, хотя брызги и пыль от воды, свергавшейся с крыши в сиреневый прогнувшийся куст рядом с крыльцом, достигали и до нее и одежда быстро сырела.

«Зальет огород совсем, господи помилуй... а то избу смоет», — со страхом подумала она, и в тот же момент в старой раките, росшей неподалеку и всегда дарившей в жаркие дни благодатную тень, что-то мертвенно-блекло вспыхнуло, и обмершая Степанида увидела огненный шар величиной в крупную детскую голову; он то раздувался, то съеживался и как живой замысловато переплясывал с ветки на ветку, затем, удлинившись, превратившись в громадную грушу, капнул на землю, поплясал над нею бесформенным облачком и бесшумно утек в нее. Сквозь стену дождя распространился резкий запах свежести и чистоты; помогая себе руками, Степанида поднялась, толкнула дверь в сени; за ней опрометью устремилась кошка; приходя постепенно в себя и обретая былую уверенность и подвижность, Степанида, охая, закрыла трубу, захлопнула оказавшееся открытым окно; в избе было пасмурно, но свет зажигать она побоялась. Гроза бушевала с прежней силой и только к вечеру начала слегка стихать, но совсем ненадолго. Завершив какой-то свой круг, грозовая туча повернула назад и вновь обрушилась на то же самое место; теперь уже вода бежала сплошь во всю ширину улицы, и Степанида, перебегая от окна к окну, везде видела один потоп.

Гроза прекратилась ближе к полночи; поднявшийся ветер разорвал и разнес ее в разные стороны, и потом еще долго погромыхивало то за дальним лесом, то по направлению к городу, а то и совсем в обратной стороне — над Васильковскими лугами, превратившимися от небывалого ливня в бескрайнюю водную равнину. Наконец можно было зажечь свет, выпить чашку чая, помолиться и лечь спать; Степанида так и сделала, хотя вначале от перенесенного потрясения хотела закрыть избу и идти ночевать к куме Анисье. На этот раз Степанида постелила себе на диванчике в горнице, легла так, чтобы видеть окна; их еле-еле обозначавшиеся в сплошной, густой темени проемы успокаивали. Тут же, у нее в ногах, устроилась не отходившая ни на шаг от хозяйки кошка. Степанида, ощущая тепло небольшого, свернувшегося клубочка, закрыла глаза и задремала; теплый розовый туман поплыл перед нею, начинало сниться что-то хорошее и доброе, погожий яркий день перед самой войной и первый муж — его лицо, доброе, веселое, усмешливое. Но уже в следующий момент сердце у нее мучительно оборвалось и покатилось, покатилось; она с трудом разлепила глаза и рывком села, держась за грудь, — в горнице еще стоял мучительный детский плач; облитая мгновенным холодом, она спустила ноги с дивана, вся обратившись в слух... И услышала. Прерывающийся, словно стягивающий сердце, тоненький детский плач заполнял все пространство вокруг, он словно жил в самом воздухе, в стенах избы, во тьме этой беспроглядной, сразу ставшей тяжкой ночи; Степанида сама почувствовала, что побледнела, и крупная дрожь прошла по ее враз обессилевшему телу.

— Свят, свят, — с трудом вытолкнула она из себя, нащупывая в темноте юбку; она вспомнила, что уже много раз слышала этот плач, слышала во сне, а вот теперь и наяву... Или это в голове звенит? Господи, господи... Да что же это, да как же это? За что? За что?

Степанида торопливо надела на себя юбку, непослушными руками затянула шнурок. Ей теперь казалось, что кто-то все время за нею следит, она чувствовала неотступный, упорный и в то же время жалобный взгляд. Степанида тяжело опустилась на колени, стала молиться; вместе с привычными, надежными словами в душу входило успокоение. Она молилась долго, стараясь заглушить голос, продолжавший назойливо, по-комариному ныть в душе, и это ей в конце концов удалось. Она с надеждой и страхом замерла, прислушиваясь: да, все было тихо, покой был в мире, и в окна лилась заря, ночные страхи кончились. Она слабо улыбнулась, вздохнула; что ж, день наступал, привычный, ничего нового не сулящий, но все равно нужно было к нему готовиться, так уж извечно суждено человеку. Всякая божья тварь радуется новому дню, муха, муравей, птица в особицу ликует и трепещет, каждая травинка и листок раскрываются встречь солнцу, а у человека все заботы, все заботы, ни солнцу он не порадуется, ни небу просторному, ни дождику светлому, летучему... За великие прегрешения так суждено — не может человек жить просто, в согласии с самим собой, вот ему и кара.

Степанида собралась, умылась и стала обихаживать свое нехитрое хозяйство, покормила оголодавших за ночь кур, поросенка, сходила к колодцу и принесла полные ведра, с удовольствием напилась свежей, прозрачной, как слеза, воды, налила в корытце курам. День обещал быть погожим и опять жарким; Степанида безошибочно угадывала это по какому-то особому состоянию неба, еще до солнца уже слегка размытого в середине. Она еще раз сходила к колодцу, чтобы запастись водой сразу же на целый день, затем, как обычно, пошла проверить огород. Еще вокруг было сыро, но все растущее уже почти оправилось после ливня, как бы наливалось новой силой и тянулось к небу; только в межах остались следы, чистый, промытый песочек, оставленный бегущей вчера водой. Внимательно все оглядев и не решаясь пройти в глубь огорода (земля все еще была налита водой, несмотря на непрерывный звон жаворонков, было слышно, как она продолжает впитывать влагу), Степанида совсем успокоилась. На душе у нее стало хорошо и даже празднично; теперь уже что бы ни случилось, картошка зародит, все остальное тоже даст хороший привес. Огурцы, так те прямо на глазах прибавляют, баклажаны, вон они, стоят мохнатые, довольные, так и слышно, что у них от довольства в животе урчит... Ах ты, боже мой милостивый, совсем умилилась Степанида; вслед за тем в лице у нее словно что сдвинулось, помертвело. Она опять услышала тоненький, рвущий душу детский плач, он опять прозвучал словно бы откуда-то изнутри, прозвучал и оборвался. Степанида скрепилась, вернулась во двор и, решив навести там некоторый порядок, взяла вилы и стала стаскивать в одно место накопившийся за много лет мусор. Взошло и уже высоко довольно поднялось солнце, а Степанида все работала, и тяжелая работа отвлекала ее, но в тот момент, когда она решила заодно вычистить из-под поросенка, опять в ушах у нее тоненько возник и зазвенел детский плач. Оставив все, как есть, Степанида пошла к куме Анисье.

— Ой, кума, — сказала она ей, — ой, плохо... стронулось что-то... пропадаю...

— Э-э, э-э, да ты, видать, кума, от вчерашней бури? — захлопотала Анисья. — Напасти-то, напасти... молонья-то, молонья... Так во все небо и жахнет и жахнет... Э-э, я тебе отвару из травки-то... от сердца... от сердца отпустит...

— Кричит, заходится, — сказала Степанида, сумеречно уставившись перед собой.

— Чего? Кто заходится-то?

— Ребеночек... Прямо какое-то наваждение... Закрою глаза, а он заходится...

Окончание. См. «Огонек» № 13.

— Э-э, блазнится тебе, — недоверчиво покачала головой Анисья, и ее небольшие, когда-то ярко-голубые, а теперь словно выгоревшие глаза пытливо уставились на Степаниду.— Э-э, по-разному бывает... Надысь, слыхала, в ту субботу бабу одну с Воскресеновки в церкву ввели, а она давай биться, давай ее ломать... глаза закатила, посинела... ну, утопленник, и только... Может, на тебя, кума, порча напущена? Я...

— Окстись, — остановила ее Степанида. — Да на меня-то за что? Что я, жениха у кого отбила или зло какое кому сделала? Тоже скажешь...

— Э-э, всяко бывает, — горячо принялась убеждать ее Анисья, у нее даже глаза от возбуждения ожили, мглисто замерцали. — По промашке бывает, в одного метят, а другому попадает. Сколь раз такое случалось... э-э, кума...

— Да ну тебя, кума, — рассердилась Степанида. — Мелешь, мелешь без удержу... Ну, какая там промашка? Кошке, что ль, моей метили? Скажет, хоть на лопату да выкидывай...

— А коли твоей Ольке метили? — с торжеством в голосе поддела Анисья.

— Олюшке? А ей-то за какие такие радости? Она и в селе кой год не живет...

— Мало ли как бывает... Это добрые дела скоро забываются, а злые — они до самой могилы за человеком волочутся, все цепляются, все цепляются... Говорят, в северных лесах где-то церковка есть... махонькая вроде, махонькая, а туда сколь хошь народу влезет... Вот к ней как человек порченый подходит, на церковке-то все лики святые огнем загораются, а человека того прямо корежить начинает... Кричит он, кричит... А потом раз — и отлетела вся порча, лежит он, бедненький, ни кровинки, покойник покойником... Когда потом отойдет на второй день, на третий, а то и через неделю...

Степанида, сделавшись необычно молчаливой, внимательно слушала Анисью, знавшую множество самых невероятных историй, но, судя по ее сосредоточенному, сумрачному лицу, вряд ли что из Анисьиных историй до нее сейчас доходило.

— Хоть и обидно, а правда девка у меня какая-то червивая вышла, — неожиданно высказала Степанида свою горькую и долго вынашиваемую обиду. — Лицом вышла, телом взяла, а червивая, и все тебе. Видать, от отца это у нее... Я к тебе, коли что, ночевать приду, кума, — добавила она. — В окошко стукнусь...

— Приходи, приходи, — обрадовалась Анисья, живущая тоже в одиночестве, после того, как последний, младший сын перебрался на житье в Курск. — Чайку-то вдвоем похлебаем... господи, господи, — внезапно разволновалась она и ладонью вытерла набежавшие на глаза слезы. — Зовут, зовут, и один и другой... Продавай, пишут, свою хибару... Вишь, уже родная изба им хибарой глянется, — обидчиво заметила она. — Зовут, а как поедешь? Тут я сама себе, где хочу, там лягу, где хочу, стану, а там? Э-э, господь с ними... Только сподобил бы господь на своих ногах помереть...

Степанида вернулась домой и до самого вечера все заглушала свои горькие мысли работой, прибрала в кладовке, почистила в погребе, порубила лопатой в палисаднике гонко поднимавшийся бурьян, освободила кустики цветов, посаженных еще Олюшкой и с тех пор из года в год гнездившихся под окнами избы и зацветавших бледно-розовыми кувшинчиками ближе к осени, к холодным дням. Степанида так ласково и называла их «кувшинчиками».

Прошла другой стороной улицы почтальонша Поля, издали поздоровалась с нею; Степанида разогнулась, молча кивнула. Сколько бы она ни работала, усталости не было; ей только казалось, что время идет слишком быстро, и день вот-вот кончится; уже поздно вечером, расчесывая гребешком на ночь голову, она поймала себя на том, что все время чутко прислушивается; особенно усердно на этот раз она помолилась и легла, оставив зажженной маленькую лампадку в переднем углу перед иконами. Тихий, непривычный полумрак жил вокруг; однажды на огонь лампадки наскочила шальная муха, чуть не погасила его и тут же свалилась на пол с обожженными крыльями. Степанида все лежала с открытыми глазами, прислушивалась и думала о прошедшей жизни. Непривычная и тяжелая это была ночь для Степаниды, что-то извечное нарушилось в самой основе ее жизни, и теперь все подпоры источились, ослабли и рассыпались; она теперь безошибочно знала, что случилось, но это знание таилось пока в какой-то самой отдаленной и темной глубине ее существа, и она сама боялась разбередить эту пугающую глубь; и кружила, кружила вокруг, перебирая все второстепенное, неглавное в своей жизни, все, что было и прошло, не касаясь главного, того, что разрывало сейчас все ее защитные одежды и прикрытия. Все было в жизни, и плохое и хорошее, в девках она была собой красивая, видная, кровь с молоком, и женихи были, и первый муж страсть как любил ее и баловал, и матерью она неплохой была, вон девку на специалиста выучила, копейку к копейке прикладывала, девка институт окончила... А теперь что ж, теперь ей все блазнится, что ее кто-то поджидает, все время кто-то ее поджидает. Сердце порой так и собьется с места, так и сдвинется, ни встать, ни лечь... Что ж это? Неужто, как эти ученые говорят, ничего и не будет больше? Вот так прошел, оттопал, оттрудился, протер глаза, гляди, ничего больше и нет... а кто-то все ожидает, ожидает...

Еще одна муха наткнулась на огонек, Степанида слушала ее косое падение к полу.

Вот так, ни добра тебе, ни памяти, обожглась, свалилась... Да и было ли что? Вроде и

РКИ

не было ни Андрея, первого мужа, ни войны... а так вроде туман какой-то был, а колыхнул ветерок — и нету его.

Чувствуя непреодолимую дрему, Степанида закрыла глаза, и в ту же секунду ее словно подбросило в постели; она опять услышала привычный плач, далекий-далекий; ей казалось, что она спит и видит сон, а плач все приближался, усиливался, какой-то горячей струной звенел и жег в груди, и Степанида, начиная задыхаться, металась в постели. Сердце опять готово было оборваться и остановиться, и черная удушающая стена вплотную уже надвинулась... Степанида, тоненько закричав, еще не проснувшись, торопливо и неловко села, растерянно шаря вокруг себя руками. Детский плач продолжал греметь в голове, но теперь уже Степанида все знала.

Обдумывая каждое свое движение, она тщательно собралась, повязалась. Тщательно занавесила окна, принесла из сеней лопату, откинула крышку в подполье. Зажгла фонарь, отскоблила ногтем налипшую на стекло засохшую грязь и спустилась в подполье. Это было сухое, прохладное и довольно просторное помещение под избой; на зиму Степанида насыпала сюда с десяток лукошек картошки, ставила небольшую бочку квашеной капусты, чтобы каждый день не лазить в погреб; хорошо сохранялись здесь всякие соленья и варенья, грибы; даже свежая антоновка, снятая в пору первых легких заморозков и уложенная в ящик, без потерь хранилась в подполье до рождества, а то и дольше. В подполье у Степаниды, как и везде, были порядок и чистота; она приподняла фонарь и пытливо огляделась. Она тотчас угадала место, где должен быть закопан р е б е н о ч е к, поставила фонарь на пустой бочонок и сдвинула с места тяжелый ящик с разной всячиной, с пустыми банками и бутылками, с кувшинами, оставшимися еще с тех пор, когда была корова, а теперь используемыми под варенье и квас. Какое-то каменное спокойствие овладело Степанидой; везде плотно утрамбованная за много лет земля в подполье под ящиком была потревожена, и Степанида, перекрестившись, с крепко сжатыми губами, стала осторожно отгребать лопатой взрыхленную землю в сторону. Останки р е б е н о ч к а были плотно замотаны в какую-то прозрачную клеенку; Степаниду ощунула плотная, душная волна; подполье взорвалось прерывистым детским плачем. Степанида, невольно вжимая голову, стиснула уши ладонями, опустилась на край ящика; тут и пришел тяжкий, горячий страх; ей показалось, что в избу кто-то вошел, и уже смотрит на нее сверху, и вот-вот захлопнет тяжелую крышку погреба. Еще мгновение — и она бы не выдержала. Но тут сверху прямо к ней в ноги грузно спрыгнула кошка и стала усиленно принюхиваться.

— Брысь, окаянная, брысь, брысь! — прогнала Степанида кошку хриплым, задушенным голосом, изо всей силы сжимая рукой грудь, стараясь продохнуть остановившийся колом воздух; начатое теперь уже нельзя было остановить, и она, со всеми предосторожностями приведя подполье в порядок и совсем погасив свет в избе, скоро пробиралась огородами, затем полем высокой ржи с лопатой и небольшим посылочным ящиком под мышкой к погосту, расположенному в стороне от села на пологом песчаном холме и окруженному разросшимися ракитами и березами. Не обращая внимания на утробные, жуткие крики сыча, она в темноте зарыла ящик с р е б е н о ч к о м в чью-то свежую могилу и, совершенно опустошенная, вернулась тем же путем домой. Было далеко за полночь, и село давно спало, только где-то пылила машина; Степанида зажгла свет, достала все ту же вишневку, которую они пили с Полей, отхлебнула прямо из бутылки; ее мелко утробно знобило, и, завернувшись в большой клетчатый платок, она притиснулась в уголок дивана, в горнице. Теперь в избе была глухая, привычная тишина.

Олюшка вышла замуж, зарегистрировалась; вскоре молодые получили квартиру, и теперь Олюшка в каждом письме звала мать приехать в гости, поглядеть на их городское, привольное житье-бытье, познакомиться с зятем; своего мужа Олюшка расхваливала на все лады. Хмурясь, Степанида внимательно прочитывала письма и аккуратно складывала их все на ту же божницу. Ни на одно письмо она дочери не ответила, и года через полтора, тоже летом, но где-то уже в конце августа, с большака свернула запыленная черная «Волга» и, осторожно подрагивая на выбоинах, подползла прямо к крыльцу Степаниды, переворачивающей как раз на солнце срезанные шляпки подсолнухов.

Олюшка, вылезшая из нарядной машины, была в большой соломенной шляпе, загорелая, сильная, с голыми плечами. Степанида в первый момент даже не признала в ней дочь, и, только когда Олюшка заговорила и кинулась к матери, Степанида ахнула.

— Ах, мамка ты, мамка, — укоризненно сказала Олюшка, обнимая и целуя Степаниду в щеки. — И не стыдно тебе? Мне ж приходилось в сельсовет звонить, про тебя узнавать...

— Какого рожна тут узнавать, — нахмурилась Степанида. — Жива, здорова, что тут узнавать? Это что, он самый, новый-то твой, хваленый? — кивнула она на высоченного парня, стоявшего у машины и с интересом оглядывавшегося вокруг. — Господи, ну и здоров... верста столбовая...

— Костик, Костик, — совсем по-домашнему позвала Олюшка мужа, и, когда тот, широко улыбаясь, подошел, она взяла его под руку.— Ну, вот, мам, это мой Костик... Константин Степанович Вахромеев... а это моя мама, Костик, Степанида Трофимовна...

Сдержанно поздоровались; Степанида с невольным удовольствием пожала большую, сильную ладонь зятя и, глядя в его простоватое белесое лицо, открыто улыбнулась. Зять ей понравился, она сразу почувствовала к нему доверие; у него были глубоко посаженные, с легкой синевой глаза, пшеничные брови, пшеничные волосы, и, вероятно, поэтому от него веяло спокойствием и здоровьем; подцепила-то, оглашенная, моложе себя, видать, с мимолетным осуждением подумала Степанида о дочери, дуракам-то всегда везет, охомутала хорошего человека...

— Проходите в избу, гостям у нас рады,— пригласила Степанида.

— Мы, мам, ненадолго, переночуем и дальше, — сказала Олюшка. — Нам послезавтра на работу... Хоть заскочить на денек успели.

— Денек так денек, и то слава богу, — обиженно поджала губы Степанида.

— Понимаешь, на этот раз мы решили отпуск на своей машине прокатать, — стала объяснять Олюшка. — По Прибалтике... интереснейшие места... вот и подзатянули.

— Хорошо тут у вас, Степанида Трофимовна, — сказал Костя, оглядывая сад, густую россыпь уже довольно крупных, начинавших подрумяниваться яблок. — Ничего, можно телеграмму дать, предупредить, что на день, на два опаздываем...

— Нет, нет, Костик, — тотчас возразила Олюшка незнакомым, почти воркующим голосом; Степанида с новым интересом на нее взглянула. — Ты же знаешь, мне непременно двадцать второго надо дома быть, я же не могу вот так прямо из машины, в таком беспорядке выскочить на работу. Нужно привести себя в порядок, сходить в парикмахерскую... мало ли? Все-таки я молодая женщина.

— Ну, ну,—мирно прогудел Костя, окидывая высокую, сильную фигуру жены взглядом. — Ты и так хороша... Но вопроса нет. Слово женщины — закон. Вы ведь не обидетесь, Степанида Трофимовна?

— Вы молодые, вам жить, а нам ждать да провожать...

— Я хотел у вас по лесу побродить, у речки посидеть, мне Олюшка говорила, лес у вас знаменитый...

— Лес знатный,—согласилась Степанида. — Ноне урожай на грибы, таскают, таскают, и конца не видно. Все белые, все крепкие, червя в этом году почти не заводится. Я тоже насушила, насолила...

— Олька, слышь, грибы, белые, крепкие,— обрадовался Костя, по-свойски, как близкой сообщнице, подмигивая Степаниде.—Хоть разок сходим, разомнемся...

— Мы уже ведь решили, Костик, — запротестовала Олюшка.— Приедем еще, не в последний раз...

— Я в этой машине совершенно закис... почти месяц за рулем. Нет, это никуда не годится, продаю машину. У вас тут, Степанида Трофимовна, покупателя не найдется?

— Как же, есть, — серьезно кивнула Степанида.—Вон у меня кума Анисья, мы с ней в складчину и купим, в церкву по праздникам будем катать... Одну хату продадим, будем в одной жить, только веселей будет.

— Прекрасно, договорились, — обрадовался Костя. — Завтра же куплю-продажу оформим — и по грибы.

— Полно дурачиться, — глядя на мужа, улыбалась Олюшка. — Скорее душу или жену продашь, чем эту игрушку. А по мне, так я бы только обрадовалась, хоть дома бы мужа видела...

— Пошли, пошли в дом, — заторопилась Степанида, уловив в лице и голосе дочери как тенью промелькнувшую досаду. — Сейчас поесть соберу... Проходи, зятек, да пригнись, лоб расшибешь, после войны строила, на таких-то мужиков не прикидывали...

Неизвестно почему, Степаниде сделалось весело и свободно, и она до самого вечера все угощала дочку с зятем, была словоохотлива, расспрашивала о городском житье-бытье и пыталась понять незнакомую ей, чужую складную жизнь.

Гости легли спать во времянке в саду; Степанида отнесла им туда кувшин прохладного, из погреба, квасу, набрала поспевших душистых груш и яблок в решето, но самой ей долго не спалось, все лезли в голову разные думки, насчет себя, дочери; вот ее она так и не могла понять, вроде сама родила, выходила, а получилась девка какая-то совсем непонятная и чужая.

Тихо скрипнула дверь в сени, кто-то шел ощупью через комнату, задел по пути стул.

— Олюшка, ты?—спросила Степанида, приподнимаясь со своего места и смутно различая высокую фигуру дочери.

— Я... Ты, мам, тоже не спишь?

— Думки, думки в голове...ох-хо-хо...

Олюшка дошла ощупью до дивана, повозилась, устраиваясь.

— Темнота-то какая... еле из сада выбралась...

— Перед самым молодяком,— отозвалась Степанида и услышала, что дочь, стараясь сдержаться, приглушенно плачет.—Чего ты это вздумала, а?—в один момент ощущая привычную тупую ломоту в груди, спросила она; что-то давно изжитое, тягостное словно опять повисло в душном воздухе, и Степанида с трудом проталкивала в себя воздух.

— Реветь без толку нечего, лучше бы сказала, что опять приключилось?—спросила Степанида.

— Что, что!— внезапно тоненько и зло почти закричала Олюшка.— Сына ему подай... как в постель, так об этом только и разговор...

— Это по всему меня хорошо, значится, со здоровым нутром мужик,—сказала Степанида, проникаясь к зятю еще большим доверием и теплом.

— Да не будет у меня детей!—опять тем же злым и неприятным голосом нервно отозвалась Олюшка. — Врачи, они тоже не боги... Ты хоть бы дослушала... Кто же знал, что я любить его так буду! Мамка, что делать?

Уткнувшись лицом в диван, она тоненько, по-детски заплакала, вся жалко вздрагивая. Плакала она долго, но Степанида не подошла к ней; хотя ей больше всего хотелось сейчас подойти и погладить мягкие волосы дочери, но если бы она подошла, она бы ее пожалела, она же не хотела и не могла этого.

— Плачь не плачь, не поможет,— через силу выговорила она, суетливо нащупывая ногами разношенные войлочные шлепанцы.— Все мы о себе так-то, я да я, а вон оно как... породу-то свою не обманешь. Ни с какого конца ты к ней не подступишься, если по-плохому.

— Бросит он меня, мам,—всхлипывая, сказала Олюшка.—На что я ему такая... пустая.. Он все, все для меня!

— А ты как же хотела?—теперь уже более твердо и непримиримо сказала Степанида.— Ты думала, книжками до всего дойдешь? Эх-хо-хо... Она, жизнь, урросливая... коли уж выщербилась, всю жизнь будешь латать, да не залатаешь... Эх, ты, горькая моя,—неожиданно пожалела Степанида дочь и вздрогнула; закричал петух, да так громко, словно был под самым окном. Все в мире шло своим чередом, своим порядком.

Е. Романова. Род. 1944. УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И. В. ФАЛЕЕВ. 1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

А. Бахарев. Род. 1950. МОИ ГОСТИ. ПОРТРЕТ МАЛЯРОВ ГАЛИНЫ ДУХАНИНОЙ И ТАТЬЯНЫ СУГЛОБОВОЙ. **1979.**

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Сергей КОШЕЧКИН

«ПРОЩАЙ, БАКУ!..»

Из цикла этюдов «За есенинской строкой»

1

Начальная строка стихотворения родилась легко, как бы сама собой: «Прощай, Баку! Тебя я не увижу».

Он уезжал из «города ветров» в конце мая, когда солнце становится жарким, над промыслами появляется сероватая дымка, а с моря все больше и больше начинает тянуть запахом водорослей и рыбы.

Ему полюбился этот рабочий, ни днем, ни ночью не отдыхающий город с узкими пыльными улочками, домами под плоскими крышами, с людьми самых разных национальностей, чьим тяжелейшим трудом добывается так нужная молодой Советской стране нефть — «черная кровь земли».

День был безветренный, ясный, и Есенин, присев на край еще не покрашенной после холодных месяцев скамейки, смотрел на солнечные блики — они вспыхивали то здесь, то там на спокойном, лениво вздыхавшем у деревянных причалов море.

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу».

Он вслух повторил строку и задумался: почему же «не увижу»? Разве не повлечет его, как уже бывало, сюда, на задымленный берег Каспия — Хазара, к добрым и чутким друзьям, в заваленные гранками и рукописями прокуренные комнаты «Бакинского рабочего», в мастерскую скульптора Эрьзи, в деревенскую тишину Мардакян, где по вечерам не умолкали бесхитростные песни местных, похожих на рязанских, воробьев? Повлечет, конечно, повлечет, и он снова приедет под это палящее солнце и будет вдыхать терпкий запах нефти и моря, удивляться розам, на редкость пышным и большим — больше кулака... Но в глубине груди звучала какая-то грустная нота, скрашивая собой сердечную волну, которая непринужденно выплескивалась в первые слова рождающегося стихотворения...

Невдалеке от прибрежных камней маячили редкие рыбацкие лодки, на горизонте медленно двигался черный силуэт судна. Эта картина Есенину напомнила Батум, зеленую набережную, пароходы, уходящие туда, на Босфор, в Константинополь... Вспомнились рассказы батумских старожилов о том, как их деды и отцы стреляли в диких кабанов прямо из окон своих домов: дремучий лес подходил к самому городу.

Перед мысленным взором Есенина возникли живописные пейзажи Грузии: ее кремнистые дороги, петляющие по склонам гор; развалины старой крепости, возвышающиеся над городом; тихая Коджорская улица в старом Тифлисе, где русского друга навещали грузинские писатели... Что сейчас делает Тициан Табидзе, воплощение доброты и душевной щедрости, поэт божьей милостью? Как подробно знает он старый Тифлис, как тонко перед гостем раскрывал он душу своего города! А здесь — Петр Чагин. Молодой еще, но уже второй секретарь ЦК, редактор крупной газеты, ближайший соратник Кирова... Удивительные люди!

Есенин улыбнулся. Ах, Чагин, Чагин! С какой хозяйской основательностью показывал он в прошлом году промыслы, знакомил с нефтяниками, говорил о новом быте рабочих. Как тут было не вдохновиться на стихи! Пусть их кое-кто поругивает, но стихи получились. Есть там строки и о Петре Ивановиче:

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри,— он говорит,—
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических
туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Он прав, партийный руководитель, друг... В этом рабочем городе, овеянном славой двадцати шести комиссаров, Есенин на многое стал смотреть по-другому, испытал новые чувства. «...Хочу я стальною видеть бедную, нищую Русь» — это написано в Баку после того, что увидено, прочувствовано, передумано на апшеронской земле, в Закавказье. В Азербайджане, в Грузии он много работал. Только в «Бакинском рабочем» напечатал, наверно, около пятидесяти произведений. Но пора ехать домой, на родину...

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь
в душе испуг.
И в сердце под рукой теперь
больней и ближе,
И чувствую сильней простое
слово: друг.
Прощай, Баку! Синь тюркская,
прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до
могилы
И волны Каспия, и балаханский
май.

Там, среди холмов Балахан, заросших низким кустарником и чахлой травой, в жилище певца Джаббара Карягды-оглы, где собирались искушенные в поэзии люди, на шумном базаре — везде он встречался с народными песнями. С песнями, не только бередящими душу, но и заставлявшими ее встрепенуться, обрести крылья. Они звучали чаще всего на языке неродном для Есенина, но он все равно понимал их сокровенный смысл. Понимал сердцем и радовался тому, что есть тайна слияния музыки и слова и эта тайна непостижима...

С севера, через море и реки, горы и долины, его звала к себе Русь, Россия. Звала земля, уже сделавшая первые шаги по новому, неизведанному пути — пути Ленина.

2

...Столько писателей из братских республик и стран социалистического содружества Азербайджан еще никогда не видел. 1 октября 1975 года более ста двадцати поэтов и прозаиков, публицистов и драматургов, литературоведов и критиков сошли с двух воздушных кораблей на апшеронскую землю и очутились в дружеских объятиях встречающих. Мелодии народных инструментов слились со словами взаимных приветствий, бесчисленные букеты осенних цветов — с яркими красками национальных костюмов девушек и юношей...

Дни советской литературы в Азербайджане... Они широким половодьем разлились по всей республике. И всюду, где шла речь о благотворном влиянии русской советской литературы на писателей Азербайджана, звучали имена Горького, Блока, Маяковского, Есенина.

С той поры, когда Есенин простился с Баку, минуло более полувека. До неузнаваемости изменилась земля Апшерона, ее столица. Новь республики счастливо соединила в себе «каменное и стальное» с живым и зеленым. Действительность еще раз подтвердила неодолимость силы, о которой писал Есенин: «...Встали в ряд и крестьянин и пролетариат». Людям, как хлеб и воздух, стали необходимы книга, песня, поэтическое слово.

Той осенью немало было волнующих встреч труда и искусства. Об одной скажу особо.

...Памятный уголок в Мардакянах. Гранитная стена с развернутой бронзовой книгой. На ее страницах горельеф Сергея Есенина и заключительная строфа его стихотворения, созданного перед отъездом из Баку в мае 1925 года:

Прощай, Баку! Прощай, как
песнь простая!
В последний раз я друга
обниму...
Чтоб голова его, как роза
золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом
дыму.

3 октября 1975 года. В этот день Есенину исполнилось бы 80 лет. Участники Дней литературы, тысячи бакинцев, жителей Мардакян и окрестных сел заполнили улицы, площадку перед мемориалом. Это был подлинный праздник братства, поэзии, праздник, который потом продолжался в саду, неподалеку от дачи, где когда-то жил Есенин и где открыта комната-музей. И все, что тогда говорилось, показывало: в том прощальном стихотворении поэт мысленно обнимал своего друга и вместе с ним — рабочий город не в последний раз. Любовь оказалась взаимной и неподвластной времени.

Вот к Есенину обращается Николай Тихонов:

Ты сказал в тени бакинских
башен:
«Смычка есть рабочих
и крестьян —
Дайте смычку всех поэтов
наших,
Стиховой народов океан!»
И свершилось:
пред тобой поэты
Самых разных голосов и сил
Принесли тебе свои приветы,
Стали рядом — как ты и просил...

Выступает Валентин Катаев:

— Есенин любил Баку. Он мне всегда говорил, что нужно непременно каждому поэту съездить в Баку, потому что его окрестности чрезвычайно поэтичны...

Встает Жужа Раб — гостья из Венгрии:

— Полвека назад теплоту бакинцев ощутил Сергей Есенин... Баку и Мардакяны стали местами последнего крупного подъема его творческих сил... И оставленные им песни звучат с тех пор не утихая. Азербайджан его помнит, считает своим «ласкового уруса»...

Продолжает Алиага Кюрчайлы — поэт земли Низами, переводчик есенинских стихов на азербайджанский язык:

— Есенин для меня — учитель в поэзии. Как и мои земляки, я рад, что он жил в нашем городе, встречался с Кировым и Фрунзе, выступал перед рабочими нефтепромыслов.

Здесь о тебе сказали «наш».
В тебе увидели родного.
Как много выразило чувств
Одно-единственное слово!

Бакинцев приветствует Егор Исаев:

— Всем сердцем мне хочется сказать вам спасибо за Есенина, спасибо за любовь к нему, за память о нем. У каждого великого поэта всегда есть своя особая пора и место в творчестве. У Пушкина это болдинская осень, у Есенина — бакинская весна... Я счастлив побывать в бакинской весне Сергея Есенина.

День был безветренный, ясный, и люди открывали души солнцу и поэзии. И вместе с людьми слушали, не шелохнувшись, розы, такие же золотые, как и те, любимицы Есенина...

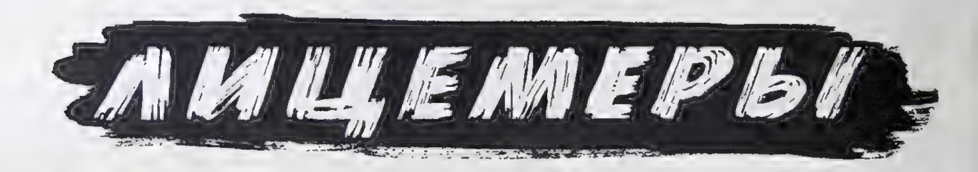
А когда стемнело — в Бакинской филармонии состоялся поэтический вечер. Среди других есенинских произведений читалось и «Прощай, Баку!..». Сотни бакинцев и их гостей внимали этим стихам, в которых нет небывалых рифм, изысканных эпитетов, эффектных ритмических переходов. Но в стихах этих живет очарование красотой жизни и печаль от сознания ее быстротечности, неотвратимости расставания с ней... Сердце поэта, презрев время, как бы говорило с сердцами заполнивших зал, и эта беседа была искренней и светлой.

А совсем неподалеку от здания филармонии мириады огней отражались в море, и оно лениво вздыхало — величавое и спокойное.

И на берегу, где когда-то, присев на край еще не покрашенной скамейки, Есенин повторял первые строки прощального стихотворения, мне вспомнился неторопливый голос Сулеймана Рустама:

— «Прощай, Баку!» — сказал ты, Есенин. Но мы, произнося эти слова, не прощаемся с тобой. Нет, никогда — не прощай, навсегда — здравствуй, дорогой друг наш, Сергей Есенин!..

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Итак, под рубрикой «Два лица советского еврейства» рядом с моей статьей «Никакой дискриминации» поместили статью некоего Вейна. Причем уведомили читателей, что первый автор — член Союза советских писателей, второго наделили туманным, но зато внушительным титулом побывавшего в России эксперта по восточноевропейским делам. И тут же сообщили, на какой странице этого же номера можно прочесть подборку писем о тех, кто собирается покинуть Советский Союз ради Израиля.

«Подправили» ли в «Джуниш кроникл» мою статью? Слегка, но весьма хитро.

Например, в статье было сказано, что брошюра Харвуда, ставящая под сомнение массовое истребление гитлеровскими громилами миллионов евреев, **издана в Лондоне.**

Господа же редакторы вычеркнули «в Лондоне». Авось неосведомленный или невнимательный читатель подумает, что в другой стране или даже, дай бог, на родине автора статьи.

В авторском оригинале говорится:

«Кощунственные писания леди Дианы Мосли и Дэвида Ирвинга воскрешают пресловутый «еврейский вопрос» в самом отъявленном антисемитском толковании».

В «Джуниш кроникл» напечатано:

«Разве та или иная книга или брошюра, недавно изданная в Великобритании, не возрождает еврейский вопрос самым откровенным образом?»

Грубое искажение и фактов и мыслей.

Во-первых, не названы пронацистские авторы «тех или иных» антисемитских книг и брошюр, о которых говорится в статье. Они ведь не «те или иные», у них есть имена: Диана Мосли, продолжательница дела вожака английских фашистов Освальда Мосли, и ее единомышленник Дэвид Ирвинг. Вот как странно «отредактировали» статью те самые руководители «Джуниш кроникл», от которых я впервые услышал точные оценки упомянутым книгам. Помните, Рейзин назвал их «оскорбительными для евреев», а Готфрид Полл выразился еще определенней: «Антисемитская стряпня!»

Во-вторых, я в статье имел в виду пресловутый «еврейский вопрос» в самом отъявленном антисемитском толковании неонацистских писак. А после редакционной «правки» создается впечатление, что советский автор признает наличие перманентного еврейского вопроса, но почему-то возражает против возрождения этого вопроса «самым откровенным образом»! Вот уж действительно ловкость рук.

Через два дня после появления на страницах «Джуниш кроникл» статьи «Никакой дискриминации» группа руководителей сионистских организаций собралась в Уобэрн-хаузе, в одной из штаб-квартир британских сионистов. Отчет об этом внеочередном совещании успел (опять-таки вопреки редакционно-издательскому графику!) появиться в следующем же номере газеты под названием «Критика в адрес русского писателя».

Впрочем, как и было предусмотрено сценарием, ораторы, чтобы разжечь «массовое возмущение», больше критиковали «обманутых автором» редакторов «Джуниш кроникл». Тон задала выступившая первой наша старая знакомая Джун Джейкобс. В опубликовании моей статьи она усмотрела злоупотребление... свободой печати.

Другой пропагандистский кит английских сионистских организаций, уже известный читателю Майкл Фидлер, поддержал председательницу «национального совета в защиту советского еврейства» и заявил, что публикация статьи советского автора «не заслуживает ни малейшего оправдания».

А что скажет Левенберг? Выступления главы филиала вездесущего «Сохнута» все ждали с особенным нетерпением. Господин Левенберг не так уж часто удостаивает своим присутствием всяческие совещания и еще реже выступает. Он, как говорят в сионистских кругах, предпочитает прислушиваться и присматриваться.

На сей раз Левенберг, однако, высказался. В противоположность всем предыдущим ораторам он смиренно начал с того, что «не возражает против опубликования статьи». Небольшое замешательство в зале. «Но, — потребовал от редакции Левенберг, — читатель должен узнать, кто этот автор. Я полагаю, что еще не поздно дать ответ».

А так как ответ, вернее, ответы были уже давно заготовлены, их начали публиковать в том же номере «Джуниш кроникл».

Глядя на подписи, так и хочется воскликнуть: «Ба, знакомые все лица!» Авторами всех писем являются исключительно руководящие деятели британского сионизма.

Почин положил, как и следовало ожидать, «комитет 35». Рита Экер, Дорин Гейнсфорд, Линда Айзекс, Маргарет Райчел подписали пространное письмо от имени комитета.

Четыре дамы, сразу же взяв быка за рога, напомнили редакции, что автор злонамеренной статьи приехал «с целью найти подходящую трибуну и нашел ее благодаря вашей газете и свободе печати». Из письма разгневанных дам я узнал, что мне удалось «то, что не удалось другим, — уговорить еврейскую газету опубликовать подобный материал». Но никто из советских журналистов никогда не уговаривал редакторов «Джуниш кроникл» публиковать его статью в их газете. Не уговаривал, как известно, и я.

Зачем же корреспонденту «Огонька» понадобилась «подходящая трибуна»? «Тридцатипятилетние» дамы отвечают: «Чтобы подорвать еврейскую солидарность во всем мире». Как, однако, хватили!

Хотя письмо руководительниц «комитета 35» только открывает целую серию помещенных в том же номере пространных «читательских» откликов, редакция «Джуиш кроникл» именно его оснастила покаянным примечанием. Запутавшись в туманных фразах о том, почему она надеялась заинтересовать своих читателей статьей члена Союза писателей СССР, редакция под конец заявляет: «Джуниш кроникл» имеет не больше отношения к статье, подписанной г-ном Солодарем, чем к любому другому авторскому материалу, отражающему взгляды автора. Наша позиция в отношении советских евреев остается неизменной».

Насчет неизменности позиции в старательно раздуваемом международным сионизмом «еврейском вопросе» сомневаться не приходится. А вот насчет того, имеет или не имеет редакция отношение к моей статье, тут вы, мистеры Полл, Рейзин и Бен-Шолом, мягко выражаясь, передернули. Ежели перетрусили и боитесь прямо сказать правду, то хотя бы промолчали. Вашей топорной лжи не верят ваши же — самые неискушенные — единомышленники!

Под видом откликов «рядовых» читателей газета напечатала еще письма Барбары Оберман, известных в Лондоне сионистских функционеров — мистера Колмэна и мисс Мунмен. Все они, точно выполняя директиву всесильного Левенберга, пишут не о статье, а об авторе.

Особенно их раздражают те страницы книги «Дикая полынь», где со ссылками на исторические исследования и документальные свидетельства рассказывается о контактах сионистских лидеров с гитлеровцами. Понятно, больное место! Помните, ведь все попытки сионистов фальсифицировать некоторые страницы книги прежде всего связаны именно с этими, особенно уязвляющими сионизм, позорными фактами.

Остается только напомнить моим лондонским оппонентам еще одно — убийственное для сионистских лидеров — свидетельство, не упомянутое в «Дикой полыни». Речь идет о документированной серии статей немецкого журналиста Ганса Хене, озаглавленной «Под знаменем черепа и костей». Не буду перечислять всех описанных там страшных преступ-

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦА СПУСТЯ

А заказанную мне статью в «Джуниш кроникл» все-таки опубликовали. Три с половиной месяца спустя.

Для чего же потребовалась редакции такая продолжительная оттяжка? Для заблаговременной подготовки материалов, порочащих статью и автора.

Вышестоящие сионистские организации после долгих дебатов разрешили в конце концов своему влиятельному органу опубликовать статью. Но...

Первое условие: напечатать выступление советского писателя в окружении громады контрматериалов, призванных поставить под сомнение все написанное им о сионизме. И второе: разыграть дешевый фарс раскаяния редакции в содеянном, то есть опубликовать в следующем же номере (а как же обязательный трехнедельный срок, необходимый для подготовки номера?) серию писем «возмущенных читателей» с покаянным примечанием редакции.

Окончание. См. «Огонек» №№ 9—13.

лений гитлеровцев, содеянных при пособничестве сионизма. Расскажу только об одной примете этих преступлений, связанных с отправкой накануне второй мировой войны в Палестину «избранных» немецких евреев.

Списки избранников составляли сионистские эмиссары. И они, как установил Ганс Хене по документам и рассказам спасшихся узников фашизма, категорически не включали в списки ни одного из евреев, которых принято было называть просвещенными, то есть тех, кто ни в грош не ставил сионизм, отстаивал ассимиляцию и смешанные браки, выступал против религиозного догматизма и был привержен немецкой культуре. Такие не подходили к роли палестинских колонистов, и сионисты равнодушно оставляли их гитлеровцам на кровавую расправу. Вот он, античеловечный сионистский рационализм!

Авторов всех «откликов» на мою статью в «Джуиш кроникл» привели в ярость ссылки на Советскую Конституцию, которая ставит вне закона любое выступление против людей любой национальности, усматривая в разжигании национальной розни государственное преступление. Но никто из «откликнувшихся» ни словом не обмолвился о приведенных в статье конкретных фактах пронацистской пропаганды молодчиков из «национального фронта».

Зато именно в те дни сионистская печать особенно рьяно поносила Всеанглийскую антирасистскую лигу, последовательно выступающую против «национального фронта». Чем же объяснили сионисты такой странный пропагандистский кульбит? Оказывается, они ждали, но так и не дождались от руководителей антирасистской лиги заверений в том, что те не согласны... с решением ООН, справедливо расценившей сионизм как форму расизма и расовой дискриминации.

Чтобы загладить свою вину, проштрафившимся редакторам «Джуиш кроникл» пришлось несколько месяцев кряду печатать «отклики», направленные не только против меня, но и обвинявшие господ редакторов в «потере чувства патриотизма». Наличествовал даже ядовитый вопрос главному редактору «Джуиш кроникл» Поллу: а не подкупил ли его советский писатель?! Прорабатывала газету английских сионистов и израильская пресса: как же это вы в Лондоне «попались на удочку москвича»?

СЛОВО ПРАВДЫ В ГАЗЕТЕ... СИОНИСТОВ

Читая сфабрикованные «отклики», задумываешься: а не был ли объявлен конкурс на самую невероятную выдумку по геббельсовскому принципу — чем несусветней, тем убедительней? Будь я членом жюри конкурса, то кандидатом на первую премию назвал бы Эммануэля Литвинова, редактора антисоветского журнальчика «Инсайд: совет джуиз». Стремясь убедить читателей, насколько опасен автор антисионистской статьи, Литвинов утверждает, что в Англии я «пил и ел за счет Форин Офиса». Каково? А я, наивный, и не предполагал, что у «Огонька» и министерства иностранных дел Великобритании общая касса!

Преогромнейшую статью написал Литвинов, но и ее поместили под рубрикой «откликов рядовых читателей». Верный директиве сохнутовского главаря Левенберга, он тоже не полемизирует со мной по существу, а, как отмечает сама редакция, «рассказывает о личности русского писателя».

Как же он делает это? Девять раз ссылается на «Дикую полынь» — и девять раз извращает и купирует цитаты.

В книге пришлось, например, скрыть имена некоторых антисионистски настроенных собеседников автора, жителей Голландии и Бельгии. Скрыть во имя их безопасности. Литвинов язвит: неужели же они сами об этом просили? Да, просили. И нельзя их осуждать: среди голландских и бельгийских сионистов тоже имеются свои мстительные, жестокие, готовые «рассчитаться» самым бесчеловечным образом литвиновы.

Провокационное предложение советскому автору написать статью для крупнейшей сионистской газеты и затеянная вокруг этого пропагандистская вакханалия еще и еще раз отражают двуличие и лицемерие сионистских бонз Англии, их полнейшую неразборчивость в достижении неблаговидных целей. Впрочем, не все киты британского сионизма верили в успех задуманной провокации. Не случайно моя статья более трех месяцев не публиковалась. Почему? Разве для сфабрикования нужных читательских «откликов» требовался столь длительный срок? Нет, просто долго спорили и прикидывали: стоит ли рисковать?

Рискнули. И во многом просчитались.

Газету-то читают не только фанатичные сионисты и их приверженцы. Читают ее и те, кому осточертели бесконечные денежные поборы в кассу сионистов, увещевания примкнуть к какой-нибудь их организации, напоминания о священных обязанностях «двойного» гражданина. Читают «Джуиш кроникл» также евреи, только и помышляющие, как бы вырваться из сионистских тенет. И если такие читатели неожиданно обнаружили в стопроцентно сионистской газете слова правды о жизни советских евреев и провокационных попытках заманить их на «землю отцов», то наверняка задумаются над прочитанными, как пишет Литвинов, «тремя полновесными колонками».

Произошло именно так — это доказывает тревожный тон писем «откликнувшихся», где проскальзывали откровенные сожаления, что кое-кто поверил советскому автору, а кое-кто даже усомнился в доводах сионистской пропаганды. Это доказывают насмешки других сионистских и несионистских изданий по адресу угодившей в лужу «Джуиш кроникл».

Я тоже получил читательский отклик. Всего один. Но он — совестливый, искренний, правдивый — стоит десятков предусмотренных сценарием фабрикаций.

Вот что написала мне из Лидса безработная медсестра, жена бухгалтерского работника, мать девятнадцатилетней дочери, которую атакуют местные сионистки:

«Сразу же собиралась вам написать, но куда? В Москву, на городской почтамт? А если вы живете в Одессе или Ленинграде? Отказалась уже от мысли, но дочь заметила, что в «Д. к.» вас назвали членом объединения советских писателей. Наверное, центр объединения в Москве, пишу туда. Вряд ли вы получите, но пишу.

Вашу информацию читали мы все — и муж и дочь. Извините за откровенность, но и до вашей информации мы догадывались, что во многих книгах сионистов и речах правда и не ночевала. Вы, наверное, сами догадались, что против вашей информации писали не объективные английские евреи, а члены партии сионистов. Они не любят правды про государство Советский Союз и много фантазируют про государство Израиль. Но мы знаем про государство Израиль такие нехорошие вещи, что трудно поверить.

Вы не все знаете о наших неонацистах, которые действительно ненавидят и цветных и евреев. Они думают, что если нас выселят из Англии, они станут легче и богаче жить. Они занимаются не только пропагандой против евреев в своих книгах, они действуют. Жаль, что вы не написали, как два родных брата Брэдинги из графства Уилтшир физически и морально мучили еврейского мальчика Мэттью по всем гитлеровским правилам. А потом еще заставляли носить на груди желтую звезду, совсем как в фашистских гетто.

Ваша информация нам многое напомнила и показала, как много сочиняют сионисты нехорошего о советских евреях. Я с вами согласна, что у раввина Якобовица хватило совести не скрывать то, что увидел в Москве и Ленинграде. А если советские евреи не хотят ходить в синагогу и употреблять кошерную пищу — на здоровье, это их дело.

Вы, наверное, усмехнетесь, увидев, что письмо без моего адреса и подписи. Но не судите строго. Если люди из нашего «Бетара» узнают, кому я писала, нашей семье горе. (Как видите, мистер Эммануэль Литвинов, не только в Бельгии, но и в Англии евреи, рассказывающие правду о сионизме, боятся жестокой расправы! — Ц. С.)

Первый раз посылаю письмо и не буду знать, дошло оно или нет».

К счастью, дошло. И окончательно убедило меня: нет, не должен я раскаиваться в том, что написал статью для сионистской газеты. А вот главный редактор Полл, дипломатический обозреватель Рейзин и советолог Бен-Шолом, вероятно, грызут себя за то, что задумали вырыть яму советскому литератору и сами в нее угодили.

НЕ ПО ПУТИ

Циничное лицемерие, неразборчивость в средствах достижения целей и неистребимая, отчетливо выраженная **классовая** сущность интересов — это свойственно всем без исключения сионистским организмам, разновидностям и ответвлениям. И в этом отношении английские сионисты ничем не отличаются от своих собратьев из других стран. Беспредметны и демагогичны разговоры о какой-то специфике британского сионизма — одного из многих отрядов сионизма международного.

Вот почему столь убедительной представляется статья одного из основателей Коммунистической партии Великобритании, товарища Палм Датта, под выразительным заголовком «Сионизм. Преступные цели и средства». По заслугам оценивая пропаганду и практическую деятельность сионистов, в том числе и британских, автор без обиняков констатирует: «Современный политический сионизм — особый вариант антисемитизма, его производное... Сионизм органически дополняет антисемитизм».

Конечно! Именно по догматам антисемитизма в его самой реакционной форме сионизм рассматривает евреев (разумеется, не магнатов и их окружение) «не как граждан той страны, где они родились и воспитывались, а как отдельную национальность, которую необходимо переселить из стран, где они проживают, на специально выделенную для этого территорию». Разве не так рассуждают руководители британских сионистских организаций, когда убеждают и принуждают еврейскую бедноту переселиться в Израиль!

В статье справедливо говорится о глубокой антидемократичности и реакционности сионистской доктрины, нацеленной на то, чтобы оторвать евреев от единого демократического и социального движения. Насквозь фальшивая сионистская доктрина, по точному примеру Палм Датта, «рисует чикагского еврея-миллионера и еврея — лондонского докера людьми, якобы связанными общими узами и интересами в противоположность подлинным общим интересам докеров-евреев и неевреев в Ист-Энде».

Я поехал в Ист-Энд. Мне удалось там встретиться с одиннадцатью тружениками еврейского происхождения. Спросил их:

— Как вы оцениваете сионизм?

Трое отказались отвечать. Двое — без объяснения причин. Третий объяснил:

— Не буду с вами говорить на эту тему. И другим здесь не советую. Вы, правда, не записываете наших имен. Но можете вы гарантировать, что чьи-нибудь длинные уши нас не услышат? А создавать себе тревожную жизнь не хочется.

Вот «зерна» восьми ответов:

— Я слышал, что до второй мировой войны центром сионизма считалась Великобритания. Теперь центр в Штатах, они богаче и сильнее. Но и не на первом месте английские сионисты много суетятся, шумят, громко кричат, что люди с еврейской кровью должны объединяться. Разве в крови дело? Я могу объединяться с трудящимися любой национальности, с такими же, как я. Но с Вольфсоном и Сэмюелем?..

— Я уже пожилой человек, на таких сионисты не рассчитывают. Вот моя дочь им нужна. Но какая она еврейка? Даже моя покойная мать считала своей родной страной Англию. Что же говорить о ее внучке!

— Верховодят у сионистов банкиры, промышленники, коммерсанты. Некоторые — даже лорды. Так неужели они, имея огромные богатства в Англии, всерьез думают когда-нибудь переселить своих детей в Израиль? А

деньги ему дают огромные. Значит, дело тут не в еврейском патриотизме. Просто магнатам выгодно поддерживать сионизм. Они, думаю, не только окупают расходы, но имеют хорошую прибыль.

— Вы слышали про «Бнай-брит»? Очень хитрое объединение сионистов, международное. Его лозунг: пожилые должны давать деньги, а молодые должны действовать. Я не хочу давать сионистам ни пенса, а мой сын должен не «действовать», а работать и зарабатывать. И только там, где он вырос. Пока, правда, работы у него нет. Приходится бегать по рынку, ловить случайные заработки. Надеюсь, шолом-алейхемским «человеком воздуха» он не станет.

— О расправах израильтян с арабами на палестинской земле известны страшные вещи. Если это хотя бы наполовину правда, значит, сионизм очень жесток. Не хочу связываться с колонизаторами, с карателями. Мой родственник из Лидса побывал в Израиле по делам фирмы и по секрету рассказал мне, как израильские оккупационные власти пытают в тюрьмах малолетних арабов. Ужас!

— Из таких, как мы, денег не выкачаешь. Поэтому сионистов мы интересуем только как люди, которых, может быть, удастся уговорить покинуть Англию ради Израиля. Меня не уговорят.

— Мои предки переехали в Англию из еврейского местечка в Польше более полувека назад. А поляк Збигнев Бжезинский — вы, наверное, слышали, он помощник американского президента,— попал в Штаты уже почти взрослым. Но Бжезинского никто, в том числе и сионисты, не назовет поляком, а мне они говорят: почувствуй себя в Англии евреем! На каком основании?

— Моя старуха мать иногда захаживает в дом, где собираются сионисты из какого-то их объединения. И то, что она рассказывает, мне противно слушать. Оказывается, сионисты говорят: не защищайте цветных, зачем вам в Англии лишние конкуренты! Это пахнет нацизмом. А называют себя демократами, борцами за справедливость. Какое лицемерие!

Да, как и в Израиле и США, как и в других странах Западной Европы, сионисты в Англии прежде всего лицемеры. А лицемерие неразрывно связано с ложью.

«Есть три категории заядлых лгунов,— писал Шолом-Алейхем,— лгуны вчерашнего дня, лгуны сегодняшнего и лгуны завтрашнего дня». Сионистским пропагандистам блестяще удалось добиться полного триединства, совместив в своем лице все три категории заядлых лгунов.

Лживы их россказни о **вчерашнем** дне сионизма, они придумывают мифы о своей борьбе с гитлеризмом, пытаются представить колонизацию палестинской земли этакой идиллией. Басни рассказывают они и про **сегодняшнюю** израильскую действительность, вуалируют классовые и расовые противоречия среди израильтян, под прикрытием трогательных лозунгов зверски расправляются с исконными жителями оккупированных территорий. Нет правды, наконец, в их обещаниях на день **завтрашний**: под демагогическую трескотню о мире на Ближнем Востоке не прекращается милитаризация страны. Да разве можно перечислить все проявления и приметы лжи сионистской пропаганды о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем днях международного сионизма!

Все это в полной мере относится ко всем — крупным и малым, мужским и женским, стариковским и молодежным — организациям сионистов в Англии. Что же касается методов работы, то, муссируя миф о «белых перчатках», они на деле выполняют указания Владимира Жаботинского, чьим учеником с гордостью называет себя Бегин. Требуя от сионистской агентуры отбросить романтические иллюзии и заниматься «черной работой», Жаботинский писал в практическом руководстве для сионистских активистов: «Не будьте разборчивыми».

Что ж, в излишней разборчивости сионистов Великобритании трудно упрекнуть.

«Лайковых перчаток» нет и в помине! Истинное лицо сионизма Англии достаточно выразительно обнажает его пресса, поддерживающая карательную практику израильских оккупантов на арабских территориях и одновременно, как мы уже знаем, старательно обходящая молчанием погромные акции активизирующихся британских неонацистов. Отдельные сионисты пошли еще дальше: вступили в банды «национального фронта», участвуют в его митингах и демонстрациях, призывают к зверским расправам над «цветными» и «черными».

Такие факты даже в самой Англии показались кое-кому маловероятными. Приведу поэтому неопровержимое доказательство, как говорится, от противного: наиболее злобная неонацистская организация, именующая себя «британским движением», настолько обеспокоена... притоком английских евреев в «национальный фронт», что открыто выразила свое недовольство и окрестила «национальный фронт» издевательской кличкой «кошерный фашизм».

Кто же они, евреи, блокирующиеся с погромщиками из «национального фронта»?

— Самые обыкновенные сионисты,— объяснили мне в Лондоне.

Таким образом, если учесть, что молодчиков из «национального фронта» и прочих группировок профашистского толка в Англии принято называть обыкновенными неонацистами, то в стране налицо трогательное тяготение обыкновенного сионизма к обыкновенному неонацизму.

Что ж, давние традиции возрождаются! Как тут не вспомнить о контактах гитлеровских палачей со многими сионистскими деятелями из Германии, Швеции, Палестины, Венгрии, Чехословакии, Польши! И как не подчеркнуть, что иные из этих деятелей впоследствии стали в Израиле видными государственными руководителями!

Некоторые из блокирующихся с неонацистами британских сионистов, как мне рассказали, оправдывают себя тем, что их присутствие в «национальном фронте» отвлечет его от антисемитизма. Просчитались! Не случайно, анализируя в книге «Фашисты» методы пропаганды «национального фронта», преподаватель Бирмингемского университета Майкл Биллинг установил, что этими методами в последнее время проповедуется «утонченный антисемитизм».

Обязан сказать еще об одной примете сионизма в Англии. Не раз приходилось мне слышать там об особенно враждебном отношении сионистов и покровительствующих им кругов к Коммунистической партии Израиля. Даже такое мне сказали:

— Подчеркнутая ненависть богачей к израильским коммунистам в наших условиях традиционна. Она зародилась в 1919 году с первых дней основания коммунистического движения в Палестине, когда эта земля была подмандатной британской территорией и всецело подчинялась колониальным властям.

Истинный и, как оказалось, весьма глубокий смысл этих слов я постиг только впоследствии, когда прочитал в «Правде» статью Генерального секретаря ЦК Компартии Израиля товарища Меира Вильнера о полном борьбы шестидесятилетнем пути израильских коммунистов.

Почему английский империализм сразу же разглядел в коммунистах Палестины своих убежденных, непримиримых и особенно опасных для колониального режима противников? Почему в течение двенадцати лет коммунистической партии пришлось действовать в тяжелейших условиях подполья? Кто вкупе с сионизмом и арабскими реакционными кругами беспощадно преследовал ее?

Точный и убедительный ответ на эти вопросы мы находим в статье товарища Вильнера:

«Британские колониальные власти, опираясь на сионистские круги, а также арабскую реакцию, применяли империалистический метод «разделяй и властвуй». Таким образом им удавалось время от времени провоцировать кровавые столкновения между евреями и арабами, что наносило ущерб антиимпериалистической борьбе и препятствовало развитию классового сознания трудящихся. Коммунистическая партия призывала к созданию единого фронта арабского национального движения с еврейскими демократическими силами против общего империалистического врага, за независимость Палестины. Это была борьба, которая отвечала интересам как арабских, так и еврейских масс».

Естественно, такая борьба, подрывавшая интересы и хищнические доходы английских монополий в Палестине, вызвала с их стороны особенную ненависть к палестинским, а впоследствии к израильским коммунистам. Колониализм ответил коммунистам бесчеловечными расправами!

«Британские колониальные власти,— пишет далее товарищ Вильнер,— жестоко преследовали коммунистов, арестовывали, пытали, убивали. Они изгнали из страны около двух тысяч коммунистов, в том числе многих руководителей партии».

Шесть десятилетий накапливается в сознании английских империалистов злоба против Коммунистической партии Израиля, в которой они видят одного из главных виновников того, что Великобритания лишилась колониального господства над палестинской землей. И ныне наследники финансовых магнатов и крупных предпринимателей, потерявших огромные доходы от эксплуатации Палестины, не могут забыть роли коммунистов в борьбе за изгнание британских колонизаторов. Остается добавить, что среди «пострадавших» от этого изгнания имеется немало английских капиталистов еврейского происхождения, выступающих сегодня в роли видных заправил британского сионизма.

— Убедитесь, как изо дня в день шельмует коммунистов Израиля сионистская печать Англии,— сказала мне в Оксфорде библиотечная работница, показав семь объемистых папок, туго набитых газетными вырезками.— И, как видите, не только сионистская. Правые английские газеты тоже не плетутся в хвосте и обвиняют израильских коммунистов во всех бедах страны. Журналисты этих газет знают: такие нападки приятно щекочут нервы некоторым влиятельным читателям — из фирм и кланов, скорбящих об утрате мандата на Палестину. И, естественно, это густо сдабривается яростным недовольством по поводу того, что сегодня коммунистическая партия продолжает оставаться в Израиле единственной силой, объединяющей и евреев и арабов.

Не стану утверждать, что проник в самую глубь сложного и в значительной степени законспирированного механизма сионистских организаций Англии. Но в некоторых сионистских организациях и редакциях побывал, со многими их функционерами и сотрудниками встречался лицом к лицу. В чем же убедили меня эти встречи?

Прежде всего в том, что в Англии сионисты, подобно своим израильским и американским единомышленникам, считают своей первейшей обязанностью верно и действенно служить антикоммунизму, проявить себя поистине ударным отрядом мирового империализма. Верные классовым интересам своих заправил, они не имеют ровно никаких оснований отождествлять себя с еврейским населением Англии.

Возможно, не так уж много там активных антисионистов, но преобладание убежденных несионистов очевидно. Иные, правда, с малодушным автоматизмом выплачивают сионистам свои «шекели» — денежные взносы. Иные не находят в себе решимости критиковать сионизм. Иные, опасаясь за судьбу своих детей, даже ходят на сионистские сборища. Но подавляющему большинству британских евреев глубоко чужд руководимый сионистами Израиль, они не считают себя обязанными поддерживать его, их тяготит сионистская трескотня о «двойном гражданстве», ибо для них родная страна та, где они родились, выросли, живут. Чужд им реакционный лагерь противников мира и разрядки, чужда человеконенавистническая идеология и расистская практика буржуазного еврейского национализма.

Не по пути им с сионистами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Кинообозрение

Юрий ТЮРИН

Война отодвинулась от нас на тридцать пять лет. Великой страницей истории стал ратный и трудовой подвиг народа в годы титанической битвы с фашизмом. И страницу эту с не ослабевающим до сих пор интересом вновь и вновь перечитывает Искусство. Наши современники сверяют свое настоящее с нравственным опытом прошлого — строго рассуждая, недавнего прошлого.

Тридцать пять лет назад зачиналась судьба целого поколения. Память о тогдашнем героическом, светлом, переломном времени неизбывна. Мои заметки — о кинематографе. Так вот, если искать что-либо особо примечательное в отечественном кино последних лет, так это именно и есть настойчивое проявление темы памяти. Темы возвращения к истокам.

Память о детстве — общее, коренное свойство людей. Но особого рода воспоминания у тех, кто был спасен своими отцами-солдатами в годину войны, кто видел бескормицу, послевоенную разруху, вдовьи слезы неутешных своих матерей. «Им не обещали легкой жизни, но в будущем она оказалась еще сложнее, чем это можно было предполагать...» Слова бывшего суворовца, поэта и сценариста Г. Шпаликова относятся ко всему поколению нынешних сорокалетних...

Сейчас таких фильмов — о военном и послевоенном детстве — немало. Художники экрана заинтересованно и старательно исследуют вступление в жизнь своих сверстников. Дерево не плодоносит без корней. Детство остается с человеком навсегда. Надо лишь выяснить, верен ли он ему или изменил, отступился от святых наивных клятв, от подвигов отцов — живых и павших.

Среди подобных картин многонационального советского кино выделяется лента Николая Губенко «Подранки» — искренний, честный рассказ о послевоенных сиротах; исповедь как раз одного из тех пацанов-подранков, кого, казалось, насмерть опалил огонь войны. Вспомним и такие приметные фильмы, как «И тогда я сказал — нет!» Р. Ибрагимбекова и П. Арсенова; «А у нас была тишина» В. Шамшурина; «Хлеб детства моего» Я. Лупия; «Венок сонетов» В. Рубинчика; теленовеллу «Уроки французского» Е. Ташкова, поставленную по одноименному автобиографическому рассказу Валентина Распутина... Истина добывается здесь через искренность. Правда воспоминаний оборачивается правдой искусства.

Отличительная примета современного отечественного кино — осмысление опыта прошлого под углом зрения нашего современника. В постижении минувших событий, схваток огня и духа находит свое конкретное выражение, запечатлевается связь времен, наводятся мосты между былым и текущим. Мы свободно пользуемся теперь понятием историзма современного искусства, выводя его, это понятие, из традиций высокого гуманизма нашей предыдущей культуры, определяя прошлое народа не только как некий урок для нас, но как прямую причину нашего нынешнего нравственного, гражданственного самочувствия.

Переживаемый момент таков, что о войне размышляют. Войну вспоминают не только непосредственные участники ее, но и те, кому по возрасту не довелось побывать на фронте, хотя эхо войны, отголоски войны все равно отозвались в их душах... Находит свое выражение эмоциональный опыт поколения, которое творит, вспоминая. И вспоминает, творя.

Фильм армянского режиссера Альберта Мкртчяна «Добрая половина жизни» посвящен современности, только соотносит он современность с кадрами-воспоминаниями о военном детстве героев. Авторская позиция принципиальна, последовательна. Сумму нравственных ценностей человека можно до конца определить, лишь заглянув в его детство, сравнив тогдашнюю надежду с ее нынешним воплощением, измерив человека чистотой его давних представлений о жизни.

Тогда отчетливей различимы светлость души или душевная грязь.

В тот день — день случайной и радостной встречи с другом детства — Армену, начальнику цеха одного из крупных химкомбинатов, исполнилось сорок. Добрая половина жизни осталась за плечами — не успел как следует даже заметить, как пролетели дни. А теперь пришел срок оглянуться, поискать другую, не столь хлопотную и опасную для здоровья должность, подумать о переселении в Ереван. Что я успел? — сокрушается Армен, сыгранный Г. Манукяном. Наладить относительно ритмичную работу цеха? И все?.. Но как изнурительны эти бесконечные авралы, как надоедает подгонять нерадивых, отвечать за чужое легкомыслие! Душа Армена болит, она жаждет покоя.

И тут-то путь его пересекается с Гайком, давним товарищем, тоже потерявшим на фронте отца, выросшим почти без надзора, потому что матери приходилось с утра до ночи работать на заводе. Гайк — искуситель Армена. В свои годы он преуспел, стал начальником стройуправления. У него куча деловых приятелей в Ереване, его привечают официанты в ресторанах. Гайк инициативен, изворотлив. «Либо тебя бьют, либо ты бьешь»,— напористо учит он друга детства. Нельзя расслабляться, нельзя быть мягкотелым.

Друзья не виделись лет двадцать. И вот теперь, случайно столкнувшись на автовокзале, они едут к своему «заветному дереву» — совершают «путешествие в обратно»; мысленно переносятся в дни полуголодного детства. У того одинокого старого дерева они, мальчишки-подранки, делили пополам корочку хлеба, самозабвенно слушали граммофон, наслаждаясь простенькой мелодией. Они любили друг друга и верили в жизнь. «Мое детство для меня свято»,— все повторяет Гайк, вспоминая давний день рождения друга.

Увы, дерево оказалось спиленным. Детство не вернулось. День в обществе Гайка, начавшись праздником, обернулся разочарованием. Мальчишка из военных лет превратился в ловкого потребителя, обыкновенного подонка. И закономерно в финале расставание бывших друзей. Нравственная стоимость их оказалась далеко не равноценной.

Сценарий Р. Святополка-Мирского дал возможность актеру Ш. Казаряну, впервые получившему столь значительную по материалу роль — он сыграл Гайка, — создать образ убедительный, достоверный.

Фильм «Добрая половина жизни» оказался заметным среди «лирико-ностальгических» картин нашего кино. В лучших своих эпизодах он вызывает соучастие, мужественно решая нравственные альтернативы. Правда, почерк режиссера А. Мкртчяна неровен: «производственные» куски картины (авария на химкомбинате, например) стереотипны, ритм для них не найден; да и роль Армена, основного выразителя авторской позиции, излишне рациональна. Но добрая половина метража фильма сделана профессионально, финал же просто волнует.

У Армена и Гайка путешествия в детство не состоялось. Хотя оно было, это далекое светлое военное детство...

Было! На свой лад рассказывает о нем киргизский режиссер Болотбек Шамшиев, экранизировав на «Ленфильме» известную повесть лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматова «Ранние журавли». Действие этой строгой и одновременно поэтической картины переносит нас в горный киргизский аул. За тысячи верст отсюда, далеко на западе, гремит война. А здесь, в нетопленой сельской школе, по притихшим от бескормицы домам, подрастают дети тех, кто ушел на фронт. С нетерпением они ждут от отцов хоть самых скупых вестей... Тяжелое, израненное страшной войной детство — пусть не слышало оно грохота орудий...

Центральная мысль повести ясно выражена самим писателем в одной из его статей: «Не только гигантские баталии, но и мальчишеская душа в призме большого экранного искусства может умножить славу и красоту советского человека». Режиссер, со своей стороны, как бы укрупнив рассказанную Айтматовым

Кадр из фильма «Ранние журавли».

невыдуманную историю, прочертив важную для себя, ровесника войны, линию неразрывной связи поколений, акцентировав тему памяти.

В структуре фильма «Ранние журавли» необыкновенно важны кадры-ретроспекции, воспоминания. Пятнадцатилетнему герою картины Султанмурату (его играет юный Э. Борончиев) поручено подготовить тягло к весенней пахоте. И подросток, стойко перенося тяготы нелегкого труда, постоянно обращается к образу батыра-отца, рядового солдата Великой Отечественной; мысленно советуется с ним. Эти видения сына вкраплены в экранную композицию на всем ее пространстве. Они модифицируются, могут быть длинней или короче по метражу, но проникнуты единым добрым чувством, сняты в ликующем многоцветье, словно бы сама сыновняя память сохранила лишь одно хорошее воспоминание об отце — это вечный праздник сердца. Оптимистическая, жизнестойкая нота смягчает суровый мотив тыловых будней с их недетским трудом, нехваткой дров, сена для лошадей, с долгими проводами мужчин на далекую войну... Отец — это легенда и явь, вера в добро, в силу земли, в вечность рода.

Шамшиев безукоризненно выбрал актера. Отца играет С. Чокморов, символ мужественности и стати, отличный выразитель национального характера киргизов. Отец в «Ранних журавлях» окружен бесконечным сыновним почитанием. Он и выглядит как подлинный батыр. Недаром же у него на гимнастерке три самых почетных, знаменитых солдатских ордена: ведь их-то, знаки личной ратной доблести, заслужить было ох как непросто.

Детство и юность военного поколения — к нему обратились новые художественные фильмы. Снова нам напомнили, откуда мы родом, кому обязаны многим из того, чем обладаем теперь,— отцам, защитникам Отечества нашего. В финале трехсерийного фильма «Память» (режиссер-постановщик Г. Никулин) пожилая учительница, пережившая вместе со своим классом страшную ленинградскую блокаду и нелегкие послевоенные годы, спрашивает у своих учеников: запомнят ли они свое — такое тяжкое, голодное — детство, не отрекутся ли от него, добившись спустя годы и годы житейского благополучия? Став сытыми, вспомнят ли, захотят ли мысленно вернуться к тем мучительным дням?

Конечно, мир не без пятен. Кто-то из блокадных ленинградских мальчишек, возможно, и не хочет вспоминать прежние испытания, впал в благодушие, в сон совести. Но пафос нового телефильма выражен с предельной определенностью. Память о прошлом — своем, и солдат-отцов, и рано поседевших матерей, устоявших в горе,— эта память жива и пребудет в поколении ныне возмужавших, послевоенных детей.

Не так давно актер А. Грачев сыграл в белорусской картине «Волчья стая», поставленной Б. Степановым по известной повести Василя Быкова. Его герой, бывший партизан Левчук, разыскивает и находит человека, в ту пору едва только появившегося на свет, которого спас от фашистской пули... Этот фильм тоже четко выразил мысль о неразрывности поколений советских людей, о великой ответственности отцов за своих детей, ради которых они защищали жизнь страны.

В новом телефильме «Алые погоны» (режиссер О. Гойда) Грачев вновь в подобной роли. Его герой, наш современник, полковник Советской Армии, возвращается к дням войны, к дням своей учебы в Суворовском училище, вспоминая с благодарностью и величайшей признательностью своих наставников, воспитателей-офицеров...

Преемственность поколений очевидна. Это закон не только подготовки армии, но закон нравственного существования народа.

Воспоминание не прерогатива сентиментальности. Чем искреннее, честнее, ответственнее мы будем вспоминать свое нелегкое военное и послевоенное детство, тем большую степень истины обретет наше киноискусство.

Я нарочно ничего или почти ничего не говорил о собственно художественных элементах, эстетических завоеваниях или потерях фильмов, отмеченных выше. Более важным представлялось назвать закономерно появившийся тематический блок картин, подчеркнуть этический пафос.

Разумеется, фильмы неравноценны по стилистическим уровням, художественным открытиям. А это значит, что теме возвращения к истокам еще далеко не отработана. Тема-то очень велика! И возможности ее художественной реализации — также ..

М. Черкасова, С. Шахрай, М. Пестова и С. Леонович в синхронном танце.

Фото А. БОЧИНИНА, специального корреспондента «Огонька»

ФЕСТИВА

Универсальный Дворец спорта «Вестфаленхалле», легко превращаемый в трек и в баскетбольную площадку, стал ареной чемпионата мира по фигурному катанию с 11 по 16 марта. Этот фестиваль ледовых «звезд» завершал олимпийский сезон, а на финише сезона, как известно, нередко происходят сенсационные события.

И на льду Дворца спорта в Дортмунде сюрпризы посыпались как из рога изобилия. Не смогли стартовать из-за травм И. Роднина и А. Зайцев, В. Ковалев, Т. Бабилония и Р. Гарднер. Произошла смена чемпионов сразу во всех четырех видах программы.

Второй день дортмундского турнира принес впечатляющий успех советской школе парного катания: золотые медали завоевали 15-летняя московская школьница Марина Черкасова и 21-летний студент Московского института физкультуры Сергей Шахрай. В острой борьбе с Мануэлой Магер и Уве Беверсдорфом (ГДР) наши молодые мастера продемонстрировали наиболее динамичную, изящную, разнообразную по ритму композицию. Когда-то этот дуэт поражал судей каскадом сверхсложных элементов, а теперь сложность своей программы фигуристы дополнили новым оружием — изяществом, красотой всего катания на льду. Достойные преемники традиций Ирины Родниной и Александра Зайцева! Получившие бронзовые медали Марина Пестова и Станислав Леонович блеснули выразительностью, музыкальностью, легкостью исполнения всех элементов парного катания. Заметим, что оба дуэта выросли в столичной школе ЦСКА, в группе заслуженного тренера СССР Станислава Жука. Еще одна пара его подопечных — Вероника Першина и Марат Акбаров, дебютанты чемпионата, заняли почетное 6-е место.

Как никогда напряженно проходили состязания танцоров, где тон задали олимпийские чемпионы Наталья Линичук и Геннадий Карпоносов, призеры Олимпиады Ирина Моисеева и Андрей Миненков, а также их постоянные соперники Кристина Регоци и Андраш Салаи из Венгрии.

Истинное наслаждение любителям спорта доставили яркие эмоциональные танцы советских дуэтов. Кульминация наступила в третий день борьбы: перед произвольной программой Линичук и Карпоносов набрали столько же баллов — 100, сколько и их соперники — Регоци и Салаи. На сей раз композиция венгерских мастеров, где были широко использованы приемы хореографии, оказалась эффектней, зрелищней. Регоци и Салаи стали впервые чемпионами мира. Высокими были и достижения наших танцоров: серебряные и бронзовые медали. Большой успех выпал на долю Моисеевой и Миненкова, которые вместе с тренером — первой олимпийской чемпионкой по спортивным танцам Людмилой Пахомовой — подготовили интересный современный танец.

Две золотые медали на счету замечательных фигуристов из команды ГДР — Яна Хоффмана и Аннет Пётч. Дортмундский чемпионат открыл, вернее, зажег немало новых талантливых «звездочек» — это и наш 17-летний Александр Фадеев из Казани, и 15-летняя Катарина Витт из ГДР, и 15-летняя Элен Зайяк из США, и 14-летний Гжегош Филиповский из Польши. Удачным был и дебют наших танцоров Натальи Карамышевой и Ростислава Синицына из Днепропетровска — у них 7-е место среди 17 пар.

Зрители с восторгом встретили выступления фаворитов — олимпийского чемпиона Робина Казинса из Англии, экс-чемпионки мира Линды Фратианни из США, экс-чемпиона мира Чарльза Тиккера из США. Их виртуозные программы вновь убеждают в том, что фигурное катание продолжает прогрессировать. Некоторые из лидеров покидают спорт в этом году. Провожая зимний сезон, хочется выразить благодарность славным чемпионам прошлых лет — ведь они проложили дорогу к вершинам новому поколению фигуристов. Впрочем, мы еще не прощаемся со «звездами» — многие из них в апреле выступят в Лужниках в Москве. Жаль, что среди них не будет американских мастеров — очередной политический маневр совершил госдепартамент США, который запретил лидерам сборной США выступать в городах СССР и тем самым лишил их права вообще участвовать в турне ледовых «звезд»...

А. ШЕЛУХИН

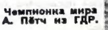

Венгерская танцевальная пара К. Регоци и А. Салаи.

Чемпион мира Ян Хоффман из ГДР.

Чемпионка мира А. Пётч из ГДР.

ЛЬ ЛЕДОВЫХ «ЗВЕЗД»

Слева направо: С. Шахрай, С. Леонович, М. Анбаров, тренер С. Жук, М. Черкасова, М. Пестова и В. Першина.

КНИГА О МУЖЕСТВЕ

Книга избранных произведений Михаила Андриасова «На донской земле» вобрала в себя все то лучшее, что написано автором на протяжении многих лет. Активная позиция и то, что писатель всегда находился и находится на передовой линии, самобытное изображение нашей действительности, раскрытие человеческих характеров — вот что характерно прежде всего для его творчества.

Герои приходят на страницы его повестей из огненных дней войны и горячих трудовых будней.

Ярким предстает перед читателями повести «Шесть дней» образ Героя Советского Союза, почетного гражданина Ростова-на-Дону, доблестного сына армянского народа Гукаса Мадояна.

Суровое сражение разыгралось на Ростовском вокзале и в прилегающем к нему районе в феврале 1943 года. Двадцать восьмая армия под командованием генерала В. Ф. Герасименко форсированным маршем шла от героического Сталинграда на захваченную врагом столицу тихого Дона. Один из передовых батальонов этой армии, батальон старшего лейтенанта Гукаса Мадояна, на рассвете 8 февраля переправившись через Дон, молниеносно ворвался в город. Однако через некоторое время фашистам удалось окружить наших бойцов. Шесть дней и шесть ночей длилась жестокая, неравная схватка батальона с превосходящими силами фашистов. Проявив железную стойкость, мадояновцы удержали небольшой клочок родной земли до подхода главных сил.

Не меньше полюбилась читателям и другая военная повесть — «Штурм ледяного вала». Фашисты, отступая от стен Сталинграда, вгрызались в каждую пядь советской земли. У небольшой станции Красновка на донской земле гитлеровцы возвели в морозной и голой степи неприступный ледяной вал.

Солдаты роты бесстрашного сибиряка, лейтенанта Ивана Ликунова совершили здесь подвиг. Беспримерным штурмом они взяли это сильное фортификационное укрепление. Путь к отступлению противника в этом районе был наглухо закрыт. Герои Красновки в лютом единоборстве пали смертью храбрых, и тринадцати гвардейцам посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В однотомник «На донской земле» вошли и публицистические рассказы «Вешенские были». Давно работает писатель над шолоховской темой. В его произведениях предстает живой облик создателя «Тихого Дона», выписанный с любовью и глубоким пониманием творчества Шолохова. Его книги о Шолохове — «Сын тихого Дона», «На шолоховской земле» и другие переведены на языки других советских народов, изданы за рубежом.

Характерной чертой, присущей писательскому дарованию Михаила Андриасова, является любовь к людям. В новой книге это наглядно подтверждается документальной повестью «Звезды Атоммаша».

Героика войны и героика труда — основные темы темпераментного, энергичного писателя-публициста М. Андриасова. И в заключение мне хочется привести слова писателя Михаила Алексеева: «Не будем гадать, на каком фланге — на правом, на левом ли, но М. Андриасов давно отыскал для себя свое место в боевом расположении донской литературной роты, отыскал и по-солдатски скромно несет свою службу».

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

Ростов-на-Дону.

Михаил Андриасов. На донской земле. Ростовское книжное издательство. 1979, 320 стр.

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

Дорогая редакция! К вам обращается с просьбой инвалид 1-й группы Бандурко Раиса Андреевна. Мне всего 40 лет, но тяжелая болезнь приковала меня к постели. У меня нет никого из родных, я круглая сирота. Но люди в белых халатах заменили мне близких. Я хочу отблагодарить всех сотрудников, врачей, сестер, санитарок и водителей одиннадцатой подстанции «Скорой помощи». Эти люди не знают покоя никогда: в любую погоду, в жару и в ненастье, днем и ночью они спешат на помощь попавшему в беду человеку.

Мне часто бывает очень плохо, и им приходится приезжать ко мне не один раз за сутки. Не было случая, чтобы кто-нибудь не приехал на вызов. Спасибо им сердечное за это. И особенно заведующему скорой помощью 11-й подстанции, он неоднократно бывал у меня, всегда ласковый, добрый, отзывчивый человек, чуткий к чужому горю. Моя большая благодарность и центральной «Скорой помощи», заведующему скорой-03 и диспетчерам. Ведь вызов идет через них. И это от них зависит, чтобы вовремя приехала бригада. Я вас очень прошу, поблагодарите этих людей, фамилии их я, к сожалению, не знаю.

С уважением к вам и надеждой

Р. БАНДУРКО.

Киев.

КРОССВОРД

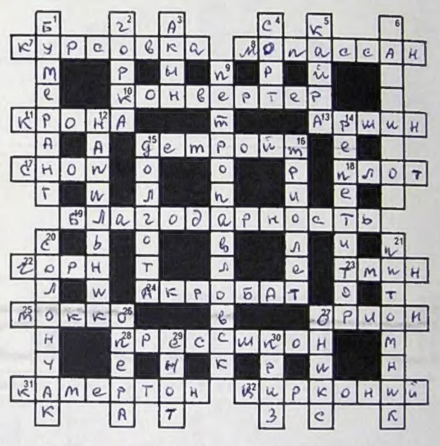
По горизонтали: 7. Документ на право лечения и питания на курорте. 8. Французский писатель. 10. Агрегат для получения стали. 11. Денежная единица Чехословакии. 13. Старинная мера длины в России. 15. Город в США. 17. Связка сжатых стеблей. 18. Бревна, скрепленные для сплава или переправы. 19. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 22. Часть доменной печи, вагранки. 23. Пряность. 24. Спортсмен, цирковой гимнаст. 25. Сорт кофе. 27. Экваториальное созвездие. 28. Разновидность картона. 31. Металлический стержень, служащий источником звука. 32. Химический элемент.

По вертикали: 1. Метательная палица. 2. Фигура высшего пилотажа. 3. Народный поэт-певец в Казахстане и Киргизии. 4. Категория, разряд товара определенного качества. 5. Полярная птица. 6. Вечнозеленое травянистое растение. 9. Областной центр в Казахстане. 12. Металлорежущий инструмент. 14. Рассказ А. П. Чехова. 15. Географическая координата. 16. Стихотворная форма. 20. Вид почвы. 21. Место разведения растений или животных. 26. Музыкально-драматическое произведение. 27. Минерал, разновидность агата. 29. Пушной зверь. 30. Награда победителю в состязании.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 3. Вавилов. 5. Паспорт. 7. Адур. 8. Толь. 9. Кисловодск. 11. Бархат. 13. Домбра. 14. Ацетон. 15. Регата. 16. Анализ. 18. Лакмус. 21. Рубинштейн. 22. Пирс. 24. Водо. 25. Ариосто. 26. Теплица.

По вертикали: 1. Двор. 2. Торт. 3. Водород. 4. Втулка. 5. Порода. 6. Телефон. 9. Карбюратор. 10. Копенгаген. 11. Байкал. 12. Тартас. 15. Реплика. 17. Загадка. 19. Ариозо. 20. Устюрт. 23. Стих. 24. Бриг.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Стихи... Урок ведет Наталья Федоровна Мартьянова, директор Костровской средней школы Истринского района, Московской области.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Восьмиклассницы Костровской средней школы Марина Афоничева и Татьяна Пирожкова * Пятерка за вождение трактора... * Галина Ивановна Будаева: «Математика доступна всем» * У старшеклассников сегодня танцы * Механизаторы Сергей Хроленков и Александр Сучков в гостях в родной школе.

(См. в номере материал «Костровцы идут в будущее».)

Фото Н. Тункеля

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27. Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 10.03.80. Подписано к печати 25.03.80. А 00342.
Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 761. Заказ № 2060.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Способны на любые акции
Цепные псы цепной реакции.

Дм. ДЁМИН

Рисунок КУКРЫНИКСОВ

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

